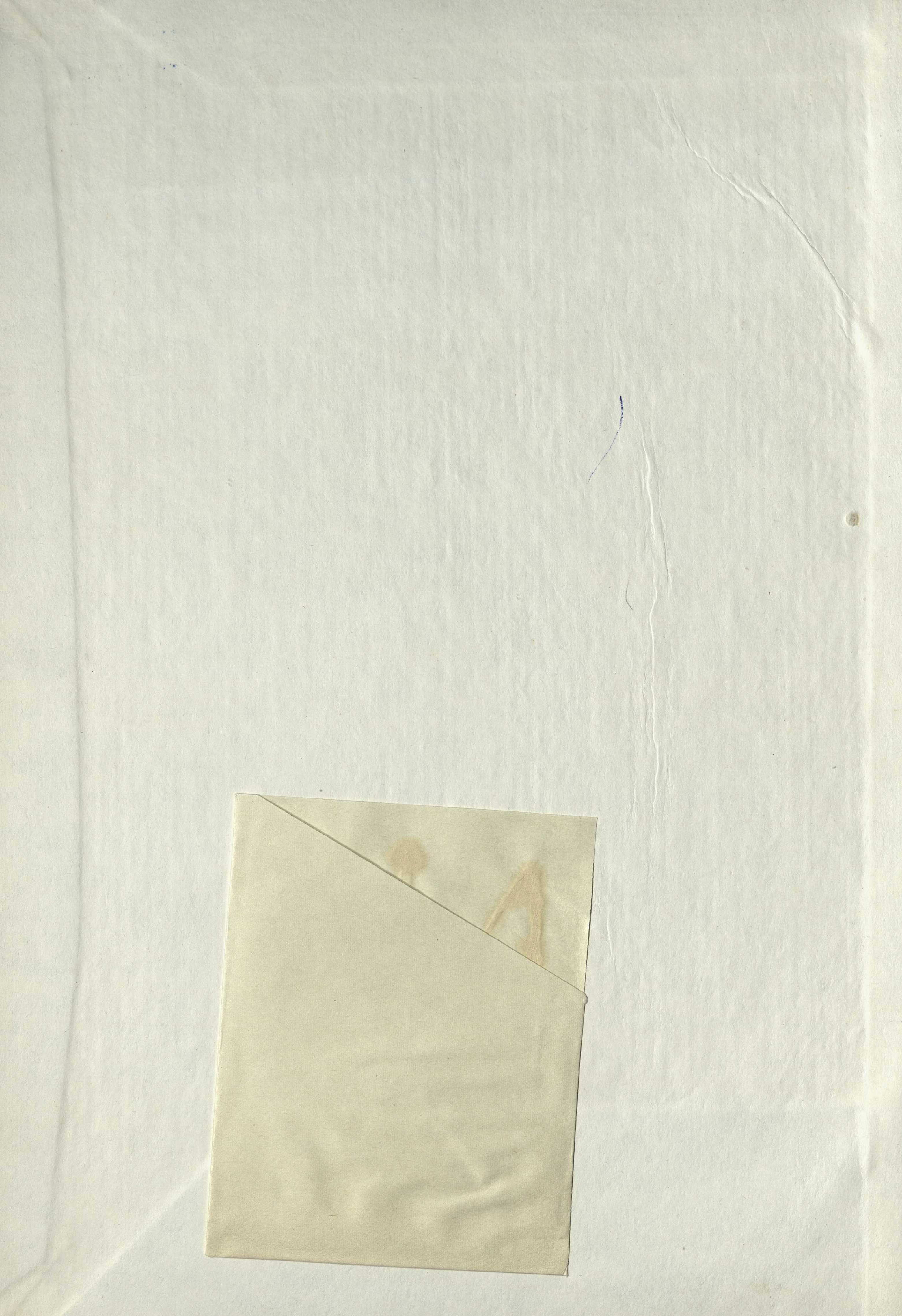
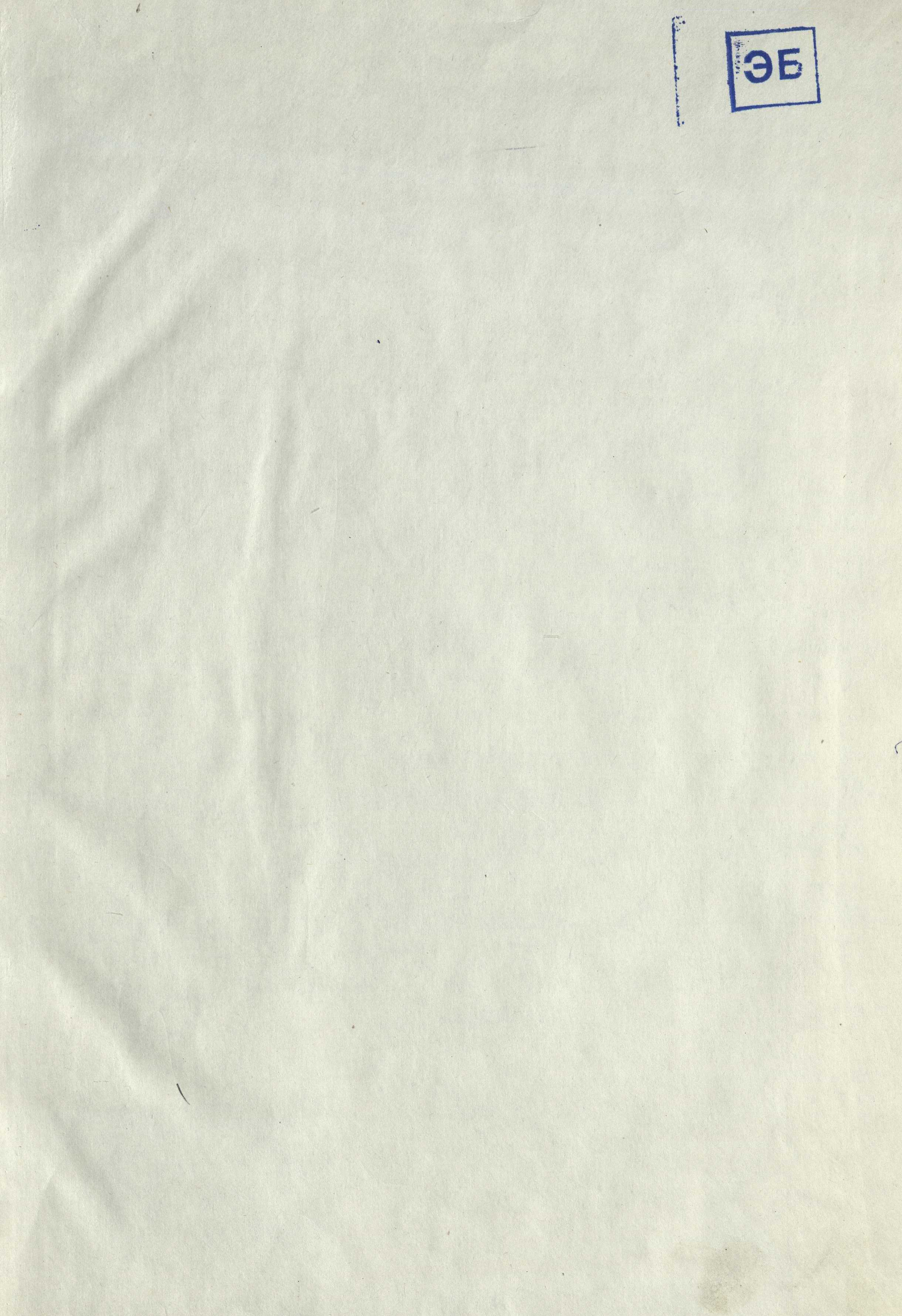

ЭБ

30

Д. Н. АНУЧИНЪ.

КЪ ИСТОРІИ ОЗНАКОМЛЕНІЯ СЪ СИБИРЬЮ ДО ЕРМАКА.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ СКАЗАНІЕ

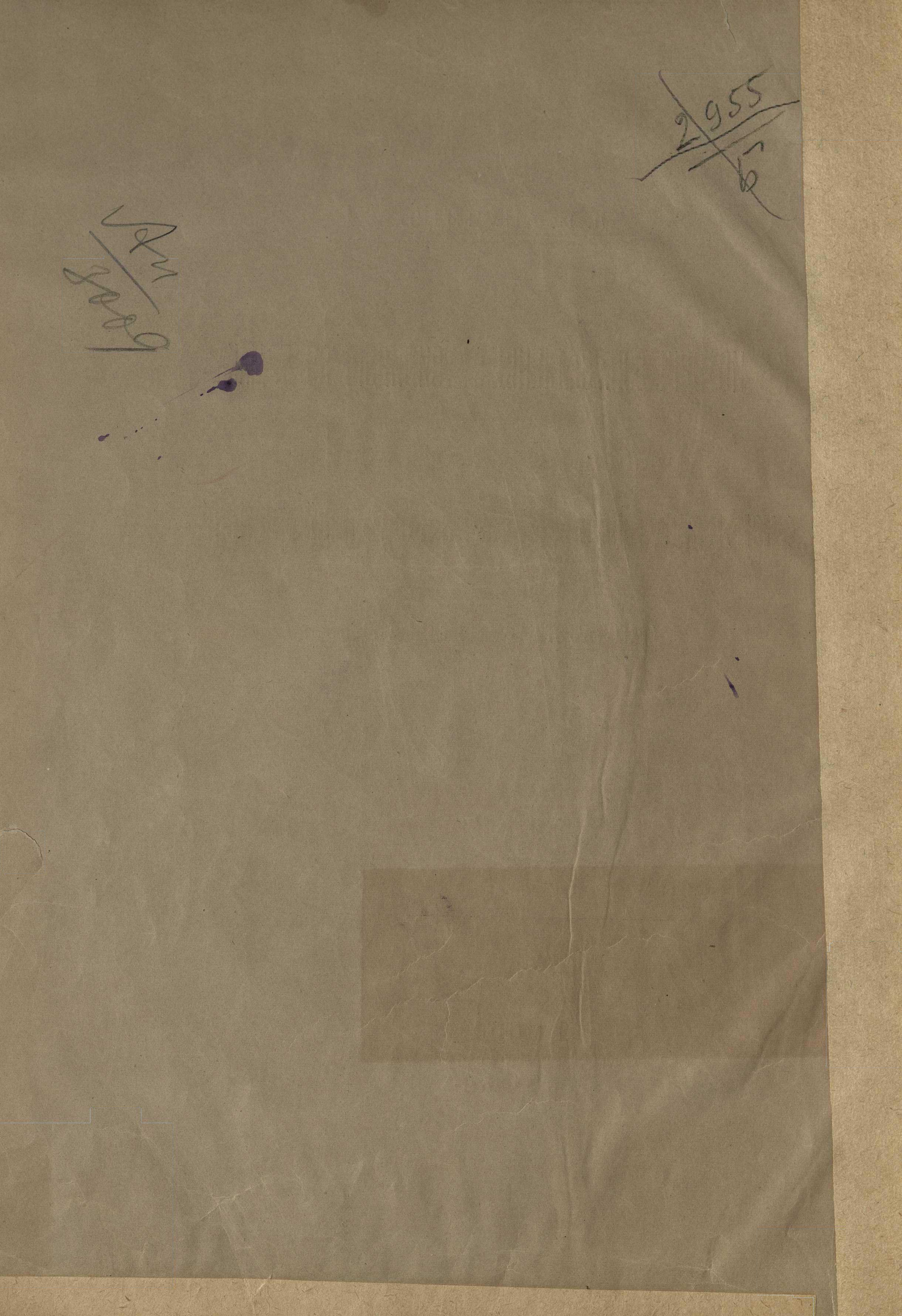
„О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

СЪ 14-Ю РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

(Изъ XIV тома «Древностей»).

МОСКВА.
Типографія и Словолитня О. О. Гербекъ.
1890.

2955
6

Д. Н. АНУЧИНЪ.

КЪ ИСТОРІИ ОЗНАКОМЛЕНІЯ СЪ СИБИРЬЮ ДО ЕРМАКА.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ СКАЗАНІЕ „О ЧЕЛОВѢЦѢХЪ НЕЗНАЕМЫХЪ ВЪ ВОСТОЧНѢЙ СТРАНѢ“.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

СЪ 14-Ю РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

(Изъ XIV тома «Древностей»).

МОСКВА.
Типографія и Словолитня О. О. Гербекъ.
1890.

Печатано по распоряженію и опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императоскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава.

КНИГА ИМЕЕТ

Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197 г. 92 г
							187 / 54 ill

КЪ ИСТОРІИ ОЗНАКОМЛЕНІЯ СЪ СИБИРЬЮ ДО ЕРМАКА.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ СКАЗАНІЕ

„О ЧЕЛОВѢЦѢХЪ НЕЗНАЕМЫХЪ ВЪ ВОСТОЧНѢЙ СТРАНѢ“.

Въ старинныхъ русскихъ Сборникахъ XV — XVIII вв. встрѣчается статья, подъ заглавіемъ: «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ»; иногда съ добавочнымъ заголовкомъ: «о языцѣхъ разныхъ и иновидныхъ». Въ статьѣ этой сообщаются разные разсказы или слухи о народахъ Сибири, которая, впрочемъ, не носитъ въ статьѣ еще такого имени, а называется просто «восточной страной«. Опредѣленіе этихъ разсказовъ, какъ слуховъ, будетъ наиболѣе подходящимъ, такъ какъ сама статья называетъ описываемые въ ней народы — «незнаемыми« и сообщаетъ о нихъ многія такія невѣроятныя свѣдѣнія, которыя были бы немыслимыми, если бы народы эти были дѣйствительно извѣстны. Вообще, большая часть сказанія отличается, на первый взглядъ, такимъ сказочнымъ, миѳическимъ характеромъ, что невольно вызываетъ предположеніе о происхожденіи его въ эпоху, когда Русскіе еще не проникали далеко въ Сибирь, когда самое нынѣшнее названіе ея не было извѣстно, когда все знаніе объ этой «восточной странѣ» ограничивалось лишь немногими свѣдѣніями Новгородскихъ торговыхъ людей, ходившихъ въ Югру и къ ближайшей Самоѣди. Въ пользу древности сказанія говоритъ также то, что нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній мы встрѣчаемъ у Герберштейна, Дженкинсона и на многихъ картахъ конца XVI и XVII-го вѣка, а въ особенности — тотъ фактъ, что лучшіе списки его находятся въ Новгородскихъ рукописяхъ XVI-го и даже, по свидѣтельству знатоковъ, конца XV вѣка.

Впервые я ознакомился съ указанною статьею, благодаря любезности проф. Н. С. Тихонравова, который далъ мнѣ списать, сдѣланную имъ собственноручно, копію статьи изъ одной Новгородской рукописи, по его опредѣленію XV — XVI в., нынѣ находящейся въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи (Софійская, № 1642, л. 84). Позже я получилъ другой, болѣе полный списокъ того же сказанія отъ проф. А. С. Павлова,

который нашелъ его, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, въ одномъ рукописномъ сборникѣ Соловецкой библіотеки (№ 844, лл. 303 — 307 нынѣ — въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи), относящемся (согласно опредѣленію проф. Павлова и извѣстнаго слависта, бывшаго профессора Григоровича) къ концу XV в. Затѣмъ я имѣлъ возможность сравнить еще четыре списка той же статьи, находящіеся въ слѣдующихъ рукописяхъ: а) въ одномъ Сборникѣ Синодальной Библіотеки (№ 272, лл. 340 — 343) половины XVII в., писанномъ скорописью и начинающемся Стоглавомъ, но за которымъ слѣдуютъ другія статьи, въ томъ числѣ и «о человѣцѣхъ незнаемыхъ». На первыхъ листахъ рукописи имѣется вкладная запись объ отдачѣ книги патріархомъ Никономъ въ 7166 г. (1657), 3-го октября, въ Воскресенскій монастырь; б) въ сборникѣ Библіотеки Румянцовскаго музея изъ собранія Бѣляева (№ 45 [1550], л. 66 слѣд.), XVII в., начинающемся Люсидаріемъ, но заключающемъ въ себѣ и другія статьи, въ томъ числѣ «Слово о человѣцѣхъ незнаемыхъ»; в) въ Сборникѣ той же Библіотеки, изъ собранія Ундольскаго (№ 761), XVIII вѣка, л. 85. Сборникъ этотъ начинается «Путешествіемъ Т. Коробейникова», затѣмъ слѣдуютъ: посольство въ Царьградъ Шейна и Бѣлогуза, 1570 г.; посольство въ Китай казака Петлина 1618 г. и наконецъ — «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ»; г) въ «Матеріалахъ для исторіи Сибири», списанныхъ изъ разныхъ рукописей П. М. Строевымъ и подареннпыхъ имъ въ 1840 г. въ библіотеку Н. Н. Царскаго, а нынѣ находящихся въ библіотекѣ графа А. С. Уварова (Цар. № 245, гр. Увар. № 312). По всей вѣроятности, имѣются и другіе списки, но лучшимъ изъ нихъ слѣдуетъ, повидимому, признать — найденный А. С. Павловымъ въ Сборникѣ Соловецкой Библіотеки. Списокъ Софійской рукописи также хорошъ, но въ немъ недостаетъ одного (второго) разсказа, а одинъ изъ слѣдующихъ спутанъ. Полнѣе списокъ Синодальной Библіотеки, который, вообще, довольно вѣренъ и заключаетъ въ себѣ одно пояснительное мѣсто, не находящееся ни въ одномъ изъ прочихъ списковъ. Въ спискѣ Бѣляевскаго собранія одно собственное имя испорчено, а также есть добавки и замѣна нѣкоторыхъ сѣверныхъ словъ другими, болѣе общеупотребительными, хотя часто далеко не тождественными (напр. вмѣсто «песцы» — «лисицы» и т. п.). Въ сборникѣ Унковскаго заглавіе статьи написаны вязью и отдѣльные разсказы имѣютъ обозначенія (первое второе, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая, осьмое, девятая, десятая); встрѣчаются описки, добавки и два собственныхъ имени искажены. Подобныя же добавки и описки, хотя въ меньшей степени, имѣются и въ спискѣ Строева, въ остальномъ, впрочемъ, довольно вѣрнымъ. Такимъ образомъ, лучшимъ (и древнѣйшимъ) спискомъ оказывается Соловецкій, что уже одно доказываетъ древность сказанія и происхожденіе его въ Новгородской землѣ. Многія подробности статьи указываютъ на то, что составителемъ ея было лицо, хорошо знакомое съ сѣверной природой, съ мѣстными названіями и что онъ былъ человѣкъ торговый, интересовавшійся по преимуществу тѣмъ, у какого народа есть какой товаръ.

Сказаніе столь древняго происхожденія, заключающее въ себѣ первыя ко времени русскія свѣдѣнія о Сибирскихъ народахъ, представляетъ несомнѣнно значительный интересъ и заслуживаетъ обстоятельнаго изученія. Какъ бы ни казались баснословными многіе изъ сообщаемыхъ въ немъ слуховъ, ихъ все-таки нельзя выкинуть изъ исторіи землевѣдѣнія и этнографіи Сибири. Эти свѣдѣнія и слухи были результатомъ перваго ознакомленія русскихъ людей съ Сибирью, — ознакомленія, правда, крайне недостаточнаго и неточнаго, основаннаго, повидимому, большей частью на разспросахъ, на невѣрныхъ, непонятыхъ или преувеличенныхъ разсказахъ, но въ которомъ все-таки была извѣстная доля истины, и которое, во всякомъ случаѣ, является характернымъ для соотвѣтственной эпохи въ исторіи русской образованности и спеціально — въ исторіи расширенія русскихъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ, до настоящаго времени указанная статья оставалась почти неизвѣстною или по крайней мѣрѣ обращала на себя весьма мало вниманія. Она была, правда, напечатана, но въ мало извѣстномъ изданіи и притомъ съ ошибками; что же касается до ея анализа, до необходимаго комментарія, то онъ не былъ сдѣланъ никѣмъ, и всѣ, говорившіе о ней, ограничивались только указаніемъ на баснословный характеръ приводимыхъ въ ней извѣстій, которыя, по мнѣнію однихъ «говорятъ о направленіи фантазіи общества, среди котораго пользуются кредитомъ», а по другимъ — свидѣтельствуютъ о томъ, что «люди, побывавшіе за Камнемъ (Ураломъ) склонны были къ преувеличеніямъ, что «торговцы старались насказать разныхъ ужасовъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли,... люди воинскіе любили похвастать,... а третьи не обладали способностью относиться критически къ разнымъ слухамъ... и также передавали многое въ извращенномъ видѣ». Но, не говоря уже о томъ, что въ сказаніи нѣтъ никакихъ такихъ ужасовъ которые бы могли испугать бывалыхъ торговцевъ и нѣтъ никакихъ слѣдовъ хвастовства «воинскихъ людей», нельзя не замѣтить, что статья вовсе не носитъ характера фантастической выдумки или разсчета отвадить другихъ отъ проникновенія въ отдаленную страну за выгоднымъ торгомъ. Напротивъ, есть даже основаніе думать, что статья была составлена съ цѣлью дать хоть какія-нибудь свѣдѣнія о неизвѣстной странѣ и указать, гдѣ и какой можно получить тамъ товаръ, то-есть служить чѣмъ-то въ родѣ краткаго путеводителя, основаннаго отчасти на извѣстномъ, большею же частью — на добытомъ путемъ разспросовъ, по всей вѣроятности — отъ Зырянъ и отъ Югры (Вогуловъ).

Прежде однако, чѣмъ входить въ подробности, приведемъ подлинный текстъ сказанія, по списку Соловецкой рукописи и укажемъ его главнѣйшіе варіанты, встрѣченные нами въ другихъ спискахъ. При этомъ, для сокращенія, будемъ обозначать: списокъ Софійской рукописи черезъ *Соф.;* Синодальный чрезъ *Син.;* Московскій, изъ собранія Бѣляева — *Бѣл.;* — изъ собранія Унковскаго — *Унк.* и Строевскій (изъ собр. гр. Уварова). *Стр.*

РУКОПИСНЫЙ СБОРНИКЪ СОЛОВЕЦКОЙ БИБЛІОТЕКИ

(Казан. Дух. Академіи; № 844, in 8°, лл. 303 — 307).

О члцѣх незна
емых въ восточ҃нѣи странѣ [1]).
На восточ҃нѣи странѣ, заю
горьскоюземлею [2]). Над морем [3])
живуть [4]) людї, самоѣдь. зово
мы, молгонзѣи [5]). а ядь [6]) ихъ
мясо олѣнеє да рыба. да межи
собою друг друга ядят. а гость
к ним откуды приидет. И они
дѣти свои закалают наго
стеи, да тѣм кормят. а кото
рои гость у них умрет. И они
того снѣдают. а в землю не
хоронят. а своих також. Сиже
люди невеликы възрастомъ.
плосковиды. Носы малы.

---

[1]) До сихъ поръ киноварью. Въ сборникѣ *Унк.* — вязью, и послѣ, вязью же, «первое». Въ *Син.* и *Стр.* прибавлено: «и о язычехъ розныхъ». Въ *Соф.* «О члцѣ незнаемых въ восточнѣй странѣ. О ѣзыцѣ разных и иновидных». Въ *Бѣл.* — «Слово о человѣцѣхъ незнаемыхъ».

[2]) *Унк.*: «на югорскою землю».

[3]) *Син.*: «надъ моремъ океаномъ».

[4]) *Соф*: «живут».

[5]) *Соф.*: «самоѣдь зовомыя малгонзѣи»; *Син.*: «молгоньзѣи»; *Бѣл.* «самоѣдь зовомыи молгозїи»; *Унк.*: «людие самоѣ зовомая могаизеи».

[6]) *Соф.* «ѣства»; *Унк.* «а ядят они».

Но рѣзвы вѣми, и стрѣлцы
скоры и горазды. а ѣздѧт
на оленех и на собаках. а пла
тїе носѧт соболїе. н оленее. [7])
А товаръ их соболи. [8])
Втой странѣ [9]) Инаѧ само
ѣдь такова. Линаѧ слове.
Лѣтѣ мсць живут вмори.
А на суш не живут того ради. [10])
за нег тѣло на них трѣскаетсѧ.
и они то мсць вводѣ лежат.
а на берег несмѣют вылѣсти. [11])
Втой странѣ [12]) есть инаѧ само
ѣдь. по пуп люди мохнаты.
до долу. а от пупа вверхь
ꙗко [13]) и прочїи члцы. а ѣдь их
рыбы и мѧсо. [14]) а торгъ ихъ
соболи и песцы и пыжи.
и оленїи кожи. [15])
Втой странѣ. инаѧ само
ѣдь. вверху рты на тѣ

---

[7]) *Соф.* «а плате носѧт соболїе и оленїе, а ѣздѧт на олене и на собаках».

[8]) Въ *Соф.* слѣдующаго извѣстія о «линной самоѣди» нѣтъ, также въ *Бѣл.*, но въ *Син.*, *Унк.* и въ *Стр.* — есть. Въ *Унк.* — передъ вторымъ извѣстіемъ стоитъ «второе» передъ третьимъ «третьѧ» и т. д.

[9]) *Стр.* — прибавлено: «за тѣми людми, надъ моремъ живутъ»; Эта прибавка (кромѣ, только слова «живутъ») слѣдуетъ вездѣ послѣ словъ «въ той же странѣ».

[10]) *Стр.* — «того дѣля того мѣсяца».

[11]) *Стр.* — «не могутъ»; *Син.* — «не выходать».

[12]) *Стр.*—указанная выше прибавка; *Бѣл.* — вставлено: «за тѣми же лѣсами»; *Соф.*— «за тѣми люми над тѣмиже море».

[13]) *Соф.* и *Стр.* «какъ».

[14]) *Соф.* «а ѣ и рыба да мѧсо».

[15]) *Соф.* «да песци да пыжи да оленьи кожи, а плате носѧт въ тѣмиже шьют». *Бѣл.* — «соболи и лисицы».

мени, а не говорѧⷮ. а обраⷥ
в пошлинꙋ ч҃лчь. [16]) а коли ѧдѧⷮ,
и они крошаⷮ мѧсо, или
рывꙋ. да кладꙋⷮ поⷣ колпаⷦ. [17]) или
поⷣ шапкꙋ. И каⷦ почнꙋⷮ ѧсти,
і они плечима движꙋⷮ вве
рхъ и вниⷥ. втоⷤ странѣ [18])
ѥⷭ инаѧ самоѣдь. Ꙗкоⷤ и про
чїи ч҃лци. Но зими ꙋмираюⷮ
на два м҃ца. ꙋмираютⷤе тако,
каⷦ гⷣе [19]) котороⷢ застанеⷮ втѣ
м҃ци. тоⷢ тꙋⷮ и сѧдеⷮ. [20]) а ꙋ неⷢ
износа вода изоидеⷮ. каⷦ ѿпо
тока. да примерзнеⷮ кземли. [21])
иктоⷪ ч҃лкъ иные земли, не
видѣнїеⷨ [22]) потоⷦ тои ѿразиⷮ
ꙋ него, и сопхнеⷮ смѣста, и
оⷩ оумреⷮ, то ꙋже не оживеⷮ.
а несопхнеⷮ смѣста, тои
оживеⷮ, и познаеⷮ и речеⷮ емꙋ,
очеⷨ мѧ еси дрꙋже поꙋроваⷧ. [23])

---

[16]) *Соф.* «Въ тоⷤ странѣ за тѣми люми на тѣмже мореⷭ ѥ инаѧ самоѣдь такова. вверхꙋ рты. рсⷮ на тѣмени имѣюⷮ. а не говорѧⷮ. а видѣнїе въ пошлинꙋ ч҃лче». *Стр.* «верху рту ротъ на тимени, а не говорятъ, а видѣніе въ пошлину человѣци». *Син.* «виденїе къ пошлинꙋ ч҃лче», *Унк.* «а образъ въ пошлинꙋ человѣкъ».

[17]) *Соф.*— Словъ «подъ колпакъ или» нѣтъ.

[18]) Раньше этого знака ъ не было. *(Прим. А. С. Павлова).*

[19]) *Соф.*— слова «гдѣ» нѣтъ.

[20]) *Соф.* «тоⷤ тꙋто и сѣдиⷮ»

[21]) *Соф.* «да вмерзнеⷮ къ землю». *Стр.* «да вымерзнетъ къ земли».

[22]) *Соф.* не вѣнїе; *Стр.* «невѣданіемъ», *Унк.* «невѣденїемъ».

[23]) Въ *Соф.* сокращено и извращено: «кто ч҃лкъ... сопхнеⷮ его с мѣста тои оживеⷮ и познаеⷮ и речеⷮ о чеⷨ мѧ еси дрꙋже поꙋродꙋваⷧ». Въ *Стр.* тоже переврано.

а иные оживаю҃ [24]) ка҃ слнце
на лѣто вернеѕ҃ѧ. тако на
всѧкый го҃ оживаю҃ и ѹми
раю҃. втой҃ странѣ вверхѹ
оби҃ рѣкы великыѧ. е҃ зе҃лѧ
баидъ именѹе҃сѧ. [25]) лѣса на нѐ
нѣ҃. а лю҃ ка҃ и прочїи чл҃ци.
живѹ҃ вземли. а едѧ҃ [26]) мѧсо
соболїе. а иного ѹ ни҃ никото
рого звѣрѧ нѣ҃ опрочѣ соболи.
а носѧ҃ пла҃ все҃ соболїе. и рѹ
кавицы и ногавицы. а ино҃
пла҃ѧ ѹ ни҃ нѣ҃. ни товарѹ
никото҃. а соболи҃ ѹ нихъ
черны ве҃ми і великы. шерь
сть живо҃ соболи позе҃ли сѧ
волочи҃. втой҃ странѣ и
на҃ самоѣдь. По обычѧю
чл҃ци, но бе҃гла҃. [27]) р҃ты ѹ ни҃
межи пле҃ми. а ѿчи въ грѹ
де҃. а ѧдь и҃ головы оленїи
сырые, и коли и҃ ѧсти. і они
головы оленїи возметыва
ю [28]) себѣ вро҃ на плечи. и нарѹ
гыи днь кости измещѹть.

---

[24]) *Соф.* «и па҃ оживаю҃», *Стр.* «а они оживаютъ».

[25]) *Соф.* «е҃ такова землѧ бай именѹе҃сѧ, *Стр.* — «земля Саидь». *Син.* — «вверхъ Оби рѣки великїѧ, поперегъ еѧ ѣхати денми лѣтнии»; *Унк.* «Ба҃ имѧнѹе҃ца».

[26]) *Соф.* «а ѣдь и҃».

[27]) *Соф.* «въ тои же странѣ е҃ такова самоѣдь, въ пошлинѹ ка҃ чл҃ци но бе҃ голо҃».

[28]) *Соф.*, *Син.*, *Стр.* — «възметываютъ»; *Унк.* — «возметаю҃».

и̑ себѧ тꙋдаж, а не говорѧтъ. а
стрѣлбаже и̑х [29]) трꙋбка же
лѣзна вꙋрцѣ. а въ дрꙋгои
рꙋцѣ стрѣлка желѣзна.
да стрѣлкꙋ тꙋ тж ѵъкладаетъ въ трꙋ
бкꙋ [30]). да вьетъ молокомъ въ стрѣл
кꙋ. [31]) а товарꙋ оу ни̑х никоторого
нѣтъ. вверхъ тоже рѣкы ве
ликїѧ оби есть люди ходѧтъ по подъ
землею іною рѣкою днь да нощь,
съ огни. [32]) и выходѧтъ на озеро.
и на томъ озеромъ свѣтъ пречюденъ.
и градъ велиkъ [33]), а посадꙋ нѣтъ ꙋ него.
ікто поѣдетъ [34]) къ градꙋ томꙋ.
ітогда слышити шюмъ велиkъ
въ градѣ томъ. какъ и въ прочи̑х
градѣх [35]). и какъ прїидꙋтъ внего
и [36]) людеи вънемъ нѣтъ и шюмꙋ
не слышити никоторого. [37])
ни иного чего живона. но [38]) въ
всѧкы̑х дворѣх ꙗсти и пи

---

29) *Соф. Син. Стр.*— прибавлено «такова».

30) *Соф.* «да стрѣлкѫ тꙋ вкладываетъ въ трꙋпкꙋ тꙋ». *Стр.* «да стрѣлку ту вкладаетъ въ руку».

31) *Соф.* «в стрѣлкꙋ тꙋ»; *Стр.* «въ трубку ту».

32) *Соф.* «Въ верхꙋ тоже рѣкы Оби великиѧ, в тои̑ж странѣ есть инаѧ самоѣдь. ходѧтъ по подъ землїю иною рѣкою днь да нощь съ огнем. *Стр.* «Вверхъ тоя же рѣки Оби великія въ той ихъ странѣ есть иная самоѣдь.... и выходятъ на езеро.

33) *Соф.*— прибавлено: «стоитъ на нем», *Стр.* «стоитъ надъ тѣмъ же озеромъ».

34) *Соф., Стр.* «и коли поѣдетъ кто»

35) *Соф.* прибавлено: «живꙋщих».

36) *Соф. Стр.* «ино».

37) *Соф.* «ни шꙋмѫ не слышети ни котораго».

38) *Соф., Стр.* «толико».

ти всеⷢ҇ много[39] и товарꙋ
всѧкоⷢ҇. комꙋ что надобѣ.
и оⷩ҇ положивъ цѣнꙋ проти-
вꙋ того, да возме҃ что ко
мꙋ надобѣ҃.[40] и проⷱ҇ ѿходѧ҃.
а кто что бесцѣны возме҃,
и проⷱ҇ ѿиде҃. и товаⷬ҇ ꙋ него
погыбне҃[41] і обращ҃ѥсѧ па
кы въ своеⷨ мѣстѣ. и каⷦ҇
проⷱ҇ ѿходѧ҃[42] ѿ града тоⷢ҇. и
шюⷨ пакы слышѣти каⷦ҇
и въ прочиⷯ градѣⷯ.[43]
в̓востоⷱ҇нѣи же странѣ еⷭ҇
инаѧ самоѣдь камеⷩ҇скаѧ.[44]
облежи҃ около югорьскіе
ꙁеⷨли. а живꙋ҃ по гораⷨ высо
кыⷨ. а ѣздѧ҃ на оленеⷯ и на со
бакаⷯ. а пла҃е носѧ҃ соболіе.
и оленіе. а ѧдѧ҃ мѧсо олееⷩ҇
да и собачинꙋ. и бобровинꙋ
сырꙋ ѧдѧ҃. а кровь пью҃ чл҃чю
и всѧкꙋю. да еⷭ҇ ꙋ ниⷯ[45] лѣкари.
ꙋ которого чл҃ка внꙋ҃ри не ꙁⷣра
во. и они брюхо рѣжꙋ҃. да
нꙋтръ вынимаю҃ и очищаю҃

---

39) *Соф.*, *Стр.* «много всего».
40) Въ *Стр.* пропущено со словъ «и онъ» до слова «надобѣ» включительно.
41) *Соф.* «а кто что беⷥ цѣны възмеⷮ и каⷦ прочь ѿидеⷮ и товаръ изгынеⷮ ꙋ нѥ».
42) *Соф.* «поѣдѧⷮ».
43) *Соф.* «каⷦ и впрочиⷯ градѣ живꙋщиⷯ».
44) *Соф.* «инаа самоѣдь зовомаа каменскаа».
45) *Соф.*, *Стр.* вставлено — таковы люди».

и пакы заживлѧю҃.[46] Да в҃то
иже самоеди.[47] видали ска
жю҃ самоедь старые люди
з҃горы подлѣ море, мр҃твы
свои҃ идꙋть[48] плачющи мно
жество и҃. а за ними иде҃т[49]
вели҃к ч҃лкъ, погонѧа ихъ
палицею желѣзною.

Въ первый разъ только что приведенная статья была напечатана г. *Ѳирсовымъ*, въ его сочиненіи (диссертаціи): «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ Государствѣ». (Казань. Изданіе редакціи «Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета»). 1866. Въ этомъ сочиненіи, въ отдѣлѣ А, посвященномъ «Обзору жизни инородцевъ передъ временемъ вступленія ихъ въ составъ Московскаго Государства», въ раздѣлѣ II, озаглавленномъ: «Инородцы на сѣверѣ Европейской Россіи и въ Западной Сибири», авторъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 29 — 30): «Обо всѣхъ, впрочемъ, народностяхъ, какъ къ сѣверу Великой Перми и Югорской земли, такъ и къ востоку и югу Русскіе почти ничего не знали ранѣе XVI и XVII стол. Югорская земля была крайнимъ предѣломъ, до котораго простирались болѣе или менѣе положительныя географическія свѣдѣнія. Походы Русскихъ въ эту страну, во второй половинѣ XV столѣтія, какъ кажется, не совсѣмъ разсѣяли тѣ баснословные толки, предметомъ которыхъ долгое время былъ Югорскій край, и которыя, представляя его землею мрака и обитателей нѣмыми существами, умиравшими на зиму, возникли и разнообразились, вѣроятно, вслѣдствіе хвастовства людей, бывавшихъ тамъ, и легковѣрія общества. По крайней мѣрѣ во времена Герберштейна не переставали ходить въ Москвѣ подобные толки относительно Югорской земли. Тѣмъ крѣпче они могли держаться въ публикѣ, что земля Вогуличей, послѣ опустошительнаго похода на нее въ 1499 г. кн. Семена Курбскаго, не была окончательно покорена власти Московской и, какъ кажется, господство послѣдней надъ ней, въ теченіе XVI в., было болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Что же касается до другихъ странъ и народовъ, лежавшихъ

---

46) *Соф.* «нꙋтрь вынимаю҃т и очищаю҃т и па҃ оживлѧю҃т.
47) *Соф.* «да въ сеи҃ж самоѣди».
48) *Унк.* «мертвыхъ своихъ несꙋть а идꙋть».
49) *Соф.* «иде҃т послѣ и҃х».

къ сѣверу и востоку отъ этой земли, то объ нихъ разсказывались часто сказочныя вещи и этимъ разсказамъ, какъ видно, вѣрили до тѣхъ поръ, пока Русскіе не стали крѣпкою ногою въ Сибири и не дали знать міру, что тутъ живутъ тоже люди, со всѣми принадлежностями человѣческой породы, отличающіеся отъ другихъ только языкомъ и образомъ жизни». Къ этому мѣсту сдѣлано примѣчаніе (47), въ которомъ авторъ говоритъ: «Такъ какъ во всякой сказкѣ есть доля правды и такъ какъ, съ другой стороны, сказка говоритъ о направленіи фантазіи общества, среди котораго пользуется кредитомъ, то привожу здѣсь отрывокъ въ этомъ родѣ, заимствованный изъ сборника Соловецкой библіотеки (при Духовной Казанской Академіи, № 844, л. 303 — 308) и доставленный мнѣ А. С. Павловымъ», — и затѣмъ приводитъ (петитомъ) помѣщенную выше статью, очевидно съ той же копіи, которою пользовались и мы. Слѣдуетъ замѣтить однако, что несмотря на крупный и отчетливый почеркъ копіи сдѣланной А. С. Павловымъ, въ печатный текстъ сказанія (у Ѳирсова), вкрались многія ошибки или опечатки; такъ напр. вмѣсто «Молгонзѣи» стоитъ «Монгонзѣи», вмѣсто «рукавицы» — «рукиводы» и т. п. Въ дальнѣйшемъ изложеніи у Ѳирсова ничего болѣе объ означенной статьѣ не говорится: въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ того, никто, кажется, также не обратилъ на нее вниманія. О ней упоминаетъ, правда, проф. Е. Е. Замысловскій въ своемъ сочиненіи о Герберштейнѣ, но лишь мимоходомъ, въ примѣчаніяхъ, хотя нѣкоторыя баснословныя извѣстія, записанныя имперскимъ посломъ о далекомъ Сѣверѣ и давали поводъ сопоставить съ ними въ подробностяхъ Новгородское сказаніе, тѣмъ болѣе, что Герберштейнъ ссылается на какой-то «дорожникъ» (itinerarium), изъ котораго онъ, по его словамъ, заимствовалъ приведенныя имъ свѣдѣнія [50]). Не приводитъ эту статью и А. Н. Поповъ — въ своемъ сочиненіи о Хронографахъ и въ составляющемъ прибавленіе къ нему «Изборникѣ», въ которомъ сопоставлены многія старинныя русскія извѣстія о Сибири и о тамошнихъ «звѣрообразныхъ людяхъ». Лишь мимоходомъ и иногда даже не указывая источника — заимствовали изъ нея нѣкоторыя данныя гг. Аристовъ, Поляковъ, Костомаровъ [51]). Единственный изслѣдователь, остановившій въ большей степени свое вниманіе на упомянутомъ сказаніи, былъ Оксеновъ. Въ своемъ этюдѣ: «Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака», помѣщенномъ въ «Сибирскомъ Сборникѣ» 1887 г. (Приложеніе къ «Восточному Обозрѣнію». 1888. Кн. IV. 1887), г. Оксеновъ между прочимъ говоритъ (стр. 108): «Несмотря на то, что сѣверо-западная Азія посѣщалась Русскими съ древнѣйшихъ временъ, однако до времени покоренія Сибирскаго царства

---

[50]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 84, прим. 3; стр. 419, прим. 8.

[51]) *Аристовъ*, Промышленность древней Руси. Спб. 1866, стр. 209, прим. 754; *Поляковъ*, статья о Лукоморьѣ въ «Живописной Россіи» изд. Вольфомъ; *Костомаровъ*, Сѣверныя Народоправства.

русскіе люди *не обладали положительными свѣдѣніями объ этой странѣ.* Безъ сомнѣнія, находились немногія отдѣльныя лица, знавшія, до извѣстной степени, Зауральскій край, но ихъ географическія и этнографическія свѣдѣнія объ этой странѣ оставались ихъ личнымъ умственнымъ достояніемъ и не входили въ общее сознаніе. Для массы русскихъ людей сѣверо-западная Азія до эпохи Ермака была вполнѣ terra incognita, преисполненная разныхъ ужасовъ и невѣроятныхъ вещей». Авторъ приводитъ затѣмъ преданія о полунощныхъ народахъ, записанныя въ лѣтописяхъ (Никоновская, подъ 1006 г.; Ипатьевская, подъ 6622 г.), говоритъ о Новгородскихъ походахъ въ Югорскую землю, о походѣ Московской рати за Уралъ въ 1483 г., и, нѣсколько противорѣчя сказанному имъ ранѣе, заключаетъ (стр. 110): «Можно сказать, что во второй половинѣ XIV в. и первой половинѣ XV Русскіе *не лишены были хотя небольшихъ положительныхъ свѣдѣній о рѣкахъ* и *странахъ сѣверо-западной Азіи,* а во второй половинѣ XV в., кромѣ того, знали довольно хорошо путь, по которому можно было перейти изъ древней Россіи за Уральскія горы, въ землю Сибирскую и Югорскую. Но эти немногія положительныя свѣдѣнія не мѣшали распространенію баснословныхъ разсказовъ»... Сказавъ послѣ того нѣсколько словъ о походѣ 1499 г. на Вогуловъ и въ Югру, и о сношеніяхъ во второй половинѣ XVI — стол. съ татарскими владѣтелями въ Сибири, г. Оксеновъ замѣчаетъ, что Русскіе того времени знали довольно хорошо только дорогу въ Сибирь (Искеръ), а о странѣ къ сѣверу отъ нея имѣли лишь смутныя понятія. «Замѣтимъ вообще, говоритъ онъ, что всѣ до эпохи Ермака полученныя Русскими свѣдѣнія о земляхъ и народахъ сѣверо-запада Азіи, носятъ характеръ отрывочности, случайности и во многихъ отношеніяхъ преувеличенія и даже баснословности. Люди, побывавшіе въ это время за Уральскими горами, не довольствовались однимъ простымъ описаніемъ видѣннаго ими, но въ большинствѣ случаевъ склонны были, по разнымъ мотивамъ, къ преувеличеніямъ въ своихъ разсказахъ или вообще къ невѣрной передачѣ свѣдѣній. Одни, какъ, напримѣръ люди торговые, старались насказать побольше разныхъ ужасовъ о Зауральскихъ земляхъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли и промысла пушнымъ товаромъ, и чтобы всецѣло оставить за собой выгоды отъ этихъ промышленныхъ предпріятій. Другіе, какъ напримѣръ люди воинскіе, любили похвастать тѣмъ, что имъ приходилось во время походовъ въ сѣверозападную Азію совершать невѣроятные подвиги въ борьбѣ съ тамошнею суровою природою и дикими обитателями, причемъ какъ природу, такъ и обитателей этой части Азіи они старались надѣлять разными чудовищными атрибутами. Третьи, по разнымъ случаямъ побывавшіе за Ураломъ и не обладавшіе способностью отнестись критически къ разнымъ слухамъ и понимать видѣнное ими, также передавали многое въ извращенномъ видѣ». Въ доказательство, авторъ (на стр. 113) приводитъ извѣстную уже намъ статью, «рисующую, какъ онъ выражается, довольно хорошо, какіе невѣроятные слухи о сѣверной Азіи и ея обитателяхъ, рядомъ съ немногими положительными свѣдѣніями о Зауральской сторонѣ, ходили между Рус-

скими еще въ XVI столѣтіи»,— заимствуя её изъ упомянутаго сочиненія Ѳирсова, съ тѣми же, какъ и тамъ, ошибками. Приведя статью цѣликомъ, авторъ дѣлаетъ такое о ней заключеніе (стр. 114): «Это фантастическое описаніе, трактующее о такъ называемой «самоѣди», очевидно, имѣло въ виду, въ первыхъ, сѣверные предѣлы земли Югорской, на что можетъ указывать упоминаемое тутъ названіе народа «Каменская самоядь». Здѣсь идетъ рѣчь о Самоѣдахъ, жившихъ при Обской губѣ и по склонамъ сѣвернаго Урала, который въ древнія времена назывался просто Камнемъ, отчего и Самоѣды, тутъ обитавшіе, могли называться «каменскими». Затѣмъ, находящееся въ приведенномъ отрывкѣ названіе «монгонзѣи» и «самоѣдь» относится, какъ можно догадываться, къ народу, обитавшему по р. Тазу. Самоѣды, занявшіе мѣста по р. Тазу, по мнѣнію однихъ, назывались въ древнія времена «мокасе», что̀, подъ вліяніемъ русской этимологіи, могло обратиться въ «монгонзѣи». По мнѣнію другихъ, эти Самоѣды получили названіе отъ имени одного своего князя Маказея. Наконецъ, въ вышеприведенномъ отрывкѣ идетъ рѣчь о какомъ то народѣ, жившемъ по верхнему теченію р. Оби. Однимъ словомъ, въ баснословныхъ разсказахъ о «самоѣди» описываются отдаленные народы сѣверной Азіи, о которыхъ Русскіе до эпохи Ермака знали только по доходившимъ до нихъ, самымъ извращеннымъ слухамъ» [52]).

Этимъ и ограничиваются, насколько намъ извѣстно, всѣ комментаріи къ разбираемому нами Новгородскому сказанію, имѣющіеся въ литературѣ. Его не коснулся и А. Н. Пыпинъ, въ своихъ статьяхъ о Сибири («Сибирь и изслѣдованія ея»), помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1888 г., а равно и г. Адріановъ въ своей «Исторіи Сибири».

Пробѣгая приведенное нами Новгородское сказаніе, мы можемъ различить въ немъ извѣстія о девяти родахъ людей (племенахъ или народностяхъ), которые всѣ вообще называются «самоѣдью», хотя относительно двухъ изъ нихъ этого обозначенія и не употреблено. Эти девять племенъ называются или опредѣляются такъ: 1) Самоѣдь — Молгонзѣи, людоѣды; 2) Линная Самоѣдь; 3) Самоѣдь — «по пупъ мохнатая до долу»; 4) Самоѣдь со ртомъ на темени; 4) Самоѣдь умирающая (замерзающая) на зиму или на два мѣсяца; 6) Люди вверху Оби, живущіе въ землѣ; 7) Безголо-

---

[52]) *Тыжновъ*, въ статьѣ «Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-ой половины XVI в.» (въ «Сибирскомъ Сборникѣ», изд. подъ ред. Ядринцева, 1887 г.), говоря о Витзенѣ, также ссылается на разбираемую нами статью и отмѣчаетъ, что «въ то время, какъ русскіе люди пробавлялись разными допотопными разсказами о сѣверныхъ странахъ, „гдѣ живутъ люди, у коихъ рты на темени, а не говорятъ, а образъ въ пошлину человѣкъ“ и т. д., въ тоже самое время иностранцы имѣли уже о тѣхъ же сѣверныхъ русскихъ странахъ весьма точныя научныя свѣдѣнія». Г. Тыжновъ, очевидно, не принялъ въ соображеніе, что между статьею Новгородскаго торговца и сочиненіемъ о Татаріи Витзена прошло почти два столѣтія. Съ другой стороны, въ сочиненіи Витзена, представляющемъ компиляцію изъ разныхъ источниковъ, научныя свѣдѣнія также смѣшаны съ разными небылицами.

вая самоѣдь — со ртомъ между плечами и съ глазами въ груди, стрѣляющая изъ желѣзныхъ трубокъ; 8) Люди, ходящіе «по подъ землею» около озера, на которомъ есть мертвый городъ, гдѣ происходитъ нѣмой торгъ; 9) Каменская самоѣдь, которая «облежитъ около Югорскіе земли». Относительно всѣхъ этихъ народовъ разсказываются довольно невѣроятныя вещи, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ иихъ характеризуются все-таки возможными чертами; таковы: Молгонзеи; люди живущіе въ землѣ; Каменская самоѣдь; другіе же — явно баснословными: «линная» самоѣдь; люди со ртомъ на темени; умирающіе на зиму; безголовые. Было бы однако нераціональнымъ отбросить сразу всѣ эти невѣроятные разсказы, какъ баснословные, и признать ихъ просто досужими выдумками какого-то проходимца торговца. Такое обвиненіе въ сознательномъ измышленіи совершенно несуществующихъ вещей можно сдѣлать только послѣ обстоятельнаго разбора сказанія. Извѣстно, что многіе разсказы древнихъ писателей, напримѣръ Геродота, долго считались совершенно баснословными, покуда послѣдующія открытія и болѣе обстоятельная критика не доказали вѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ «отцомъ исторіи» или не убѣдили, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что въ основаніи многихъ изъ нихъ лежало нѣчто достовѣрное. Всякое описаніе, если оно сдѣлано не очевидцемъ и основано на разспросахъ и разсказахъ, почти неизбѣжно должно заключать въ себѣ неточности, искаженія или преувеличенія, которыя могутъ особенно увеличиться, если разсказъ дошелъ до записавшаго его изъ вторыхъ и третьихъ устъ, если и первый разсказчикъ имѣлъ, можетъ быть, не вполнѣ точныя свѣдѣнія, или если слышавшій разсказъ не умѣлъ надлежащимъ образомъ его понять. Тогда, путемъ искаженій, смѣшеній и преувеличеній дѣйствительныхъ фактовъ могутъ возникать совершенно невѣроятныя представленія, въ которыхъ иногда весьма трудно и даже положительно невозможно добраться до скрытаго въ нихъ зерна истины. Исторія многихъ средневѣковыхъ, географическихъ и этнографическихъ миѳовъ, можетъ служить наглядной тому иллюстраціей; въ ней можно найти не мало примѣровъ тому, какъ извѣстный дѣйствительный фактъ, невѣрно понятый или безсознательно преувеличенный, давалъ поводъ къ возникновенію самыхъ фантастическихъ и баснословныхъ разсказовъ, державшихся въ обращеніи цѣлые вѣка.

Съ другой стороны, можно допустить предположеніе, что составитель разсматриваемаго нами сказанія ограничился не только тѣмъ, что ему было извѣстно въ дѣйствительности или что онъ слышалъ отъ людей бывалыхъ, но включилъ также кое что и изъ того, что онъ вычиталъ изъ книгъ или узналъ отъ людей болѣе начитанныхъ. Въ сказаніи упоминается, между прочимъ, о людяхъ безъ рта, людяхъ безголовыхъ, людяхъ временно умирающихъ, о нѣмомъ торгѣ и т. п., — разсказы, подобные которымъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ древнихъ источникахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Возможно поэтому задать вопросъ, не воспользовался ли составитель сказанія какими нибудь литературными свѣдѣніями, только пріурочивъ ихъ къ описываемымъ имъ странамъ. Вопросъ

этотъ существенно важенъ для опредѣленія степени оригинальности сказанія, а потому на немъ слѣдуетъ остановиться [53]).

Разсказы о баснословныхъ народахъ или, какъ ихъ называли старинные русскіе книжники «дивьихъ людяхъ», «дивовищахъ», встрѣчаются въ литературахъ почти всѣхъ культурныхъ народовъ, на извѣстныхъ стадіяхъ ихъ развитія. Особенно процвѣтали они, повидимому, на Востокѣ, у Индусовъ, Персовъ, Арабовъ, но немногимъ уступали имъ и тѣ, которые ходили въ Европѣ, въ теченіи болѣе 2500 лѣтъ. У Гомера мы находимъ упоминаніе о Пигмеяхъ, живущихъ гдѣ то въ Ливіи и сражающихся тамъ съ журавлями; — о людоѣдахъ Лестригонахъ, — объ одноглазомъ великанѣ Полифемѣ. Съ теченіемъ времени циклъ такихъ разсказовъ-миѳовъ не уменьшался, а увеличивался по мѣрѣ того, какъ расширялись границы извѣстнаго тогда міра. Рядъ подобныхъ извѣстій о баснословныхъ народахъ мы находимъ у Геродота; припомнимъ его разсказы о Макробіяхъ, Неврахъ, счастливыхъ Гипербореяхъ, одноглазыхъ Аримаспахъ, плѣшивыхъ Агриппеяхъ и т. д. Немалое число ихъ было внесено также въ греческую литературу Ктезіемъ, врачемъ, жившимъ въ V—IV стол. до Р. Х. при Персидскомъ дворѣ и собравшимъ тамъ многія баснословныя свѣдѣнія объ Индіи. Ему мы обязаны, между прочимъ, разсказами о звѣрѣ — Мартихорѣ, величиною съ льва, съ человѣческимъ лицомъ и ушами, съ тремя рядами зубовъ и съ хвостомъ, какъ у скорпіона; о людяхъ Пигмеяхъ; о Кинокефалахъ, живущихъ охотой, но имѣющихъ также стада овецъ, козъ и ословъ; о Кинамолгахъ, держащихъ громадныхъ охотничьихъ собакъ; объ Индусахъ, живущихъ по 130 — 200 лѣтъ и т. п. Вѣроятность этихъ разсказовъ отрицалась впослѣдствіи Аристотелемъ, Страбономъ и др., но они продолжали ходить въ обществѣ, и любопытно, что даже ближайшее ознакомленіе съ Индіей, благодаря походу Александра Македонскаго, не было въ состояніи ихъ разсѣять. Эліанъ, Деимахъ, Мегасѳенъ (посолъ Селевка къ Сандракоттѣ или Чандрагуптѣ, жившій долгое время въ столицѣ Индійскаго царя, Палимботрѣ) — повторяютъ многія изъ баснословныхъ извѣстій Ктезія или замѣняютъ ихъ другими, не болѣе достовѣрными. Въ эпоху Римской имперіи всѣ подобные разсказы о чудовищныхъ звѣряхъ и людяхъ возбуждали, правда, только улыбки философовъ, но они продол-

---

[53]) *Викторовъ*, въ своемъ описаніи рукописей, поступившихъ въ библіотеку Румянцевскаго музея изъ собранія Бѣляева, говоря о «словѣ о человѣцѣхъ незнаемыхъ» и приведя начало его, замѣчаетъ: «Далѣе — баснословные разсказы о другихъ породахъ «самоѣди», въ томъ числѣ о «дивьихъ» людяхъ, со ртами на темени, или между плечами, съ глазами на груди и т. п. См. подобные разсказы въ нѣмецкомъ Луцидаріѣ «Elucidarius», Fr. am M. 1621, 4°». Когда я дѣлалъ настоящее сообщеніе въ засѣданіи Моск. Археологическаго Общества, М. А. Веневитиновъ также замѣтилъ мнѣ, что подобные разсказы о дивьихъ людяхъ встрѣчаются въ Луцидаріяхъ, Александріи и другихъ иностранныхъ и русскихъ (переводныхъ) памятникахъ, откуда они и могли быть заимствованы. Далѣе я разбираю этотъ вопросъ.

[54]) См. *M. Crindle*, Ancient India as described by Ktesias the Knidian. Calc.-Lond. 1882.

жали обращаться въ обществѣ и были унаслѣдованы Средними вѣками [55]). Отцы церкви вѣрили не только въ библейскаго Гога и Магога, но и допускали существованіе почти всѣхъ «дивьихъ людей», принимавшихся классическою древностью. По словамъ Маринелли, «древнія представленія о Кентаврахъ, Циклопахъ, Кинокефалахъ, Амазонахъ, Астомахъ, Трёхрукихъ, Гетероморфахъ, Лемнахъ (безъ головъ, съ глазами на груди), Скіоподахъ, великанахъ въ 12 футовъ ростомъ — снова возродились къ жизни въ эпоху патристики рядомъ съ тысячами образовъ бѣса, которыми занималось новое богословское ученіе. Лишь немногіе изъ отцовъ церкви не приняли никакого участія въ возрожденіи этихъ созданій древней фантазіи» [56]). Извѣстія о такихъ баснословныхъ народахъ вошли въ средневѣковыя энциклопедіи: Исидора Севильскаго, Викентія де Бовэ (Vicentius Bellovacensis) и др., въ повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ псевдо-Каллисѳена, въ Сказаніе или Посланіе пресвитера Іоанна объ Индійскомъ царствѣ (Epistola de mibilibus Indiæ) въ спеціальныя «Книги чудесъ» («Livre de Merveilles», рукопись Парижской библіотеки) и трактаты о чудовищахъ («De Monstris et Belluis», рукопись, какъ полагаютъ, VI вѣка) [57]), въ разныя апокрифическія сочиненія (напр. въ слово псевдо-Меѳодія Патарскаго «о царствіи языкъ послѣднихъ временъ») и др. Немногіе образованные путешественники того времени, проникавшіе въ отдаленныя страны (какъ напр. Плано Карпини, Марко Поло, нѣкоторые арабы и др). приносили изъ своихъ странствій новые разсказы въ томъ же родѣ, которые стали еще болѣе возрастать въ числѣ, по мѣрѣ того, какъ открытія Португальцевъ, Испанцевъ и Голландцевъ проложили путь для заморской торговли съ отдаленными странами. Новыя свѣдѣнія, перемѣшанныя со старыми, нашли себѣ мѣсто въ Луцидаріяхъ, «Книгахъ Природы» («Das Buch der Natur von

---

[55]) Страбонъ видѣлъ въ Пигмеяхъ просто малорослыхъ Эѳіоповъ; онъ смѣется надъ Мегаеѳеномъ, Деимахомъ и др., сообщавшими объ Астомахъ (безротыхъ), Монофтальмахъ, Циклопахъ и т. п. Позже Лукрецій, Овидій и Луканъ отрицаютъ существованіе Кентавровъ и Циклоповъ. Къ числу писателей, не вѣрившихъ въ подобныхъ чудовищъ слѣдуетъ причислить еще Ксенофонта, Агатархида, Гераклита, Діодора, Цицерона, Сенеку, Плутарха, Галена и др.

[56]) *Marinelli*, Die Erdkunde bei den Kirchenvätern. Deutsch von Neumann. L. 1884. S. 33 — 34. «Der hl. Augustinus z. B. schliesst diese Dinge nicht aus; der hl. Isidor glaubt entschieden an die Existenz von Pygmäen und Cynocephalen; der hl. Hieronimus, der allein eine wenn nicht richtige, so doch bezüglich der Pygmäen vernünftige Erklärung giebt, ist sich unklar, ob er die Centauren für fabelhafte oder wirkliche Wesen erklären soll; auch der hl. Isidor, zusammen mit Paulus Orosius, dem später noch Beda der Ehrwürdige folgte, nimmt das Vorhandensein von Cyclopen als wahr hin. Und alle Patres und Doctores der Kirche, vom Papst Clemens bis zu Albertus Magnus, halten die Existenz des Phönix für unanfechtbar und wagen nur über die Lebensdauer und Heimath des himmlischen Vogels zu disputiren. Отцы церкви возстали только рѣшительно противъ Антиподовъ, существованіе которыхъ было однако несомнѣнно, хотя понятіе о нихъ извратилось, вслѣдствіе тогдашняго невѣжества и превратилось въ представленіе о людяхъ съ обращенными взадъ ступнями и съ восьмью пальцами на каждой рукѣ.

[57]) См. *Berger de Xivrey*, Traditions tératologiques P. 1836.

Konrad von Megenberg), и космографіяхъ (напр. *Себастіана Мюнстера*). Нѣкоторые путешественники въ Египетъ, Индію и другія тропическія и субтропическія страны особенно отличились собираніемъ всевозможныхъ свѣдѣній о баснословныхъ народахъ; въ ряду ихъ едва ли не первое мѣсто занимаетъ Мандевилль, французскій путешественникъ XV вѣка [58]). Многіе изъ подобныхъ разсказовъ пользовались кредитомъ весьма долгое время, и мы встрѣчаемъ ихъ (или подобные имъ) даже у образованныхъ писателей XVIII вѣка, напр. у Де-Майлле, de Paw и др. Самъ Линней вѣрилъ въ существованіе хвостатыхъ людей, принималъ «ночнаго человѣка» (что-то среднее между человѣкоподобной обезьяной и человѣкомъ-альбиносомъ) и не сомнѣвался въ существованіи «дикихъ» людей, волосатыхъ, ходящихъ на четвереванькахъ и открываемыхъ по временамъ въ лѣсахъ. Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, не далѣе какъ 15—20 лѣтъ тому назадъ, появлялись еще извѣстія объ открытіи людей съ хвостами въ тропическихъ странахъ, именно въ Африкѣ и въ юго-восточной Азіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій, разбросанныхъ въ древней, средневѣковой и позднѣйшей литературѣ Запада, проникали съ довольно отдаленнаго времени и въ литературу русскую. Болѣе образованные люди изъ нашего духовенства знакомились съ произведеніями отцовъ церкви и съ разными апокрифическими сочиненіями, а чрезъ посредство ихъ могли получить свѣдѣніе и о разныхъ дивныхъ людяхъ. Въ до-Петровскую эпоху у насъ были въ ходу и переводы «Александріи», и «Сказаніе объ Индіи богатой», и «Луцидаріи» и наконецъ—«Космографіи». Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, также какъ въ Азбуковникахъ и въ собранной изъ нихъ статьѣ «о людяхъ дивныхъ»—русскіе люди знакомились и съ Пигмеями, и съ Монокулами, и съ Сатирами, и съ Псиголовцами и со многими другими подобными баснословными людьми — чудовищами. Но, во-первыхъ, большая часть этихъ переводныхъ сочиненій стала распространяться у насъ, сравнительно, поздно, не ранѣе, надо полагать, XVI вѣка, а съ другой стороны, сопоставляя данныя ихъ съ извѣстіями разсматриваемаго нами Новгородскаго сказанія, нельзя замѣтить никакихъ слѣдовъ явственнаго вліянія первыхъ на второе. Все, что̀ говорится о Молгонзѣяхъ, о линной самоѣди, о людяхъ мохнатыхъ отъ пупа до долу, о людяхъ живущихъ въ землѣ, о людяхъ ходящихъ подъ землею съ огнемъ, о Каменской самоѣди,—все это совершенно оригинально; если же въ другихъ извѣстіяхъ и встрѣчается нѣчто, напоминающее разсказы въ древнихъ и западныхъ литературахъ, напримѣръ о людяхъ безъ головъ, о нѣмомъ торгѣ,—то и это немногое обставлено настолько оригинальными подробностями, что заставляетъ предполагать скорѣе совпаденіе или сходство, чѣмъ какое бы то ни было заимствованіе. По всѣмъ признакамъ,

---

[58]) Видѣнная мною рукопись путешествія или «романа» Мандевилля украшена множествомъ миніатюръ съ изображеніями дивныхъ людей и чудовищныхъ звѣрей, живущихъ якобы въ Египтѣ или около него, въ Индіи и Персіи.

составитель «Сказанія» писалъ не мудрствуя лукаво, что̀ зналъ и слышалъ, и не думалъ хвастаться ни своими знаніями, ни своими приключеніями. Еслибы это былъ человѣкъ начитанный, слыхавшій о разныхъ дивныхъ людяхъ, и еслибы онъ желалъ пополнить свой разсказъ на счетъ книжной мудрости, то онъ, вѣроятно, пошелъ бы много далѣе въ своихъ вымыслахъ, которые бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, представили гораздо большее сходство съ подобными же разсказами въ другихъ литературныхъ памятникахъ, а также, по всей вѣроятности, сослался бы на какой нибудь авторитетъ, въ родѣ того, какъ лѣтописецъ, по поводу разсказа Новгородца Гюряты Роговича о людяхъ, просѣкавшихся чрезъ горы (камень) къ Югрѣ и просившихъ знаками желѣза, припомнилъ сказаніе Меѳодія Патарскаго о людяхъ, заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ. Ничего подобнаго въ разбираемомъ нами сказаніи нѣтъ; оно носитъ вполнѣ характеръ простаго, безпритязательнаго разсказа человѣка, которому пришло на мысль записать все извѣстное ему и слышанное относительно народовъ, живущихъ далеко на сѣверѣ и востокѣ, за Югорскою землею,—относительно ихъ вида, быта и имѣющагося у нихъ товара.

Сдѣлавъ такой общій обзоръ сказанія, перейдемъ къ его подробному анализу и разберемъ послѣдовательно сообщаемыя имъ извѣстія. Обратимъ прежде всего вниманіе на заголовокъ статьи: «о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ», къ которому, въ нѣкоторыхъ спискахъ, прибавлено для поясненія: «о языцѣхъ розныхъ» или «о языцѣхъ разныхъ и иновидныхъ». Это поясненіе имѣло, очевидно, цѣлью дать понять, что дѣло идетъ не о какихъ нибудь отдѣльныхъ людяхъ, а о народахъ, отличающихся отъ русскаго видомъ, языкомъ и нравами. Названіе «восточная страна», прилагаемое къ области Оби, можетъ, какъ мы думаемъ, служить доказательствомъ, что слово Сибирь, не было еще извѣстно составителю сказанія. Невозможно допустить, чтобы въ эпоху, когда названіе Сибирь вошло въ употребленіе и сдѣлалось общеизвѣстнымъ, чтобы въ это время пишущій о Сибири не зналъ этого названія и продолжалъ выражаться описательно: «восточная страна». Но названіе «Сибирь» встрѣчается уже подъ 1483 г. въ описаніи похода «на Асыку на вогульскаго князя, да и въ Югру, на Обь рѣку великую» [59]), а въ 1544 г. «Сибирь», какъ названіе города, появляется даже на иностранныхъ картахъ (на картѣ Себ. Мюнстера). Десять лѣтъ спустя, въ 1564 г. Иванъ Васильевичъ Грозный, въ грамотѣ къ англійскому королю Эдуарду VI-му, уже называетъ себя

---

[59]) Лербергъ высказалъ, что впервые названіе Сибирской земли встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1407 г. по случаю указанія на то, что Тохтамышъ (въ княженіе Дмитрія Донскаго, въ 1382 г., разорившій Москву) былъ убитъ въ томъ же году ханомъ Шадибекомъ—въ *Сибирской землѣ*, причемъ въ Архангельск. Лѣтописцѣ сказано даже, что Тохтамышъ убитъ *въ Сибирской землѣ, близъ Тюмени*. Однако есть основаніе полагать, что это опредѣленіе мѣстности составляетъ позднѣйшую вставку. Тюмень была основана только въ 1586 г., да и самое основаніе города Сибири приписывается хану Мамету, жившему во второй половинѣ XV вѣка.

«повелителемъ Сибири» и еще прежде, чѣмъ Ермакъ перешелъ Уралъ, «Сибирь» уже вошла, какъ названіе одного изъ русскихъ владѣній, въ царскій титулъ. Названіе это, по объясненію сибирскихъ лѣтописцевъ, произошло отъ названія города Сибири, находившагося на р. Иртышѣ, близь впаденія въ него Тобола, недалеко отъ позднѣйшаго Тобольска (втораго города, основаннаго русскими въ Сибири послѣ Тюмени) [60]. Хотя толкованіе книжника-лѣтописца въ данномъ случаѣ и не можетъ быть особенно убѣдительнымъ, но, принимая во вниманіе, что городъ Сибирь дѣйствительно существовалъ и считался главнымъ въ странѣ, весьма возможно, что названіе его было распространено и на всю область, получившую именованіе «Сибирской страны», а позже и «Сибири». Впрочемъ названіе это не имѣло первоначально такого широкаго значенія, какъ теперь. Оно придавалось сначала только области по Иртышу и Тоболу, стоявшей въ непосредственной зависимости отъ г. Сибири, какъ то можно заключить изъ описанія похода 1483 г., князя Ѳедора Курбскаго-Черного, да Ивана Ивановича Салтыка-Травина. Въ этомъ описаніи говорится, что воеводы великаго князя имѣли «бой съ вогуличами на устьѣ рѣки Пелыни» (притокѣ Тавды, впадающей въ Тоболъ), и «оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю», «а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю». Такимъ образомъ Югорская земля отличалась отъ Сибирской, что̀ доказывается и тѣмъ, что названіе «Югорскаго» вошло въ царскій титулъ отдѣльно, еще въ 1488 г. (въ грамотѣ Ивана III къ Чешскому королю Матеашу). Точно также отличались отъ Сибирской земли сѣверныя области: Обдорія и Кондія, названія коихъ вошли въ царскій титулъ также ранѣе, въ 1514

---

[60]) Въ Лѣтописцѣ Саввы Есипова, составленномъ въ 1636 г., есть глава: «О Сибири, чего ради Сибирь наречеся вся страна сія». Разсказавъ какъ «Адеровъ сынъ Маметъ Казанскаго царя Упака уби и гради свой Чингиденъ (Чингитуръ?) разруши, и отъиде оттуду внутрь Сибирскія земли, и постави себѣ градъ на рѣкѣ Иртыши и назва его градъ Сибирь, сирѣчь начальный, и живяше въ немъ царь лѣта многа и умре, и оттоль пресѣчесе царство на рѣцѣ Ишимѣ», лѣтописецъ начинаетъ указанную главу такъ: «Да егда убо Маметъ Казанскаго царя побѣди и повелѣ поставити градъ, сего ради, яко царя побѣди, храбрость свою показуя, и повелѣ начальнымъ градомъ звати его, оттолѣ же и вся страна сія прозвася Сибирь; гради же Сибирстіи именуеми кійждо ихъ по смотрѣнію и по прилучаю и по древнему именованію, общее же Сибирь именуется. Якоже и римская страна Италія нарицается отъ Итала нѣкоего, обладавшаго странами вечерними, якоже свидѣтельствуетъ Кроника Латынская; гради же всея Римскія страны разньство именъ имѣютъ, общеже Италія нарицается. Прежде же сего како сія нарицашеся, не вѣмъ, понеже отнележе градъ Сибирь созданъ, много лѣтъ прейде и испытати не возмогохъ; прежде бо живяше Чюдь по всей Сибирстѣй земли, и како нарицашеся, того въ память никому не вниде, ни писанія обрѣтохъ». См. рукопись: «Матеріалы для Исторіи Сибири», собр. П. Н. Строевымъ 1840 (въ библ. гр. Уварова, № $^{312}/_{245}$. Любопытно однако, что имя Sibir, какъ названіе какой-то области за Эдилемъ (Волгой), въ Азіатской Сарматіи, встрѣчается уже на картѣ Fra Maura 1459. См. уменьшенную копію ея въ сочиненіи *S. Ruge,* Geschichte d. Zeitalters der Entdeckungen.

или 1516 гг., тогда какъ слово Сибирь появилось въ титулѣ лишь во второй половинѣ XVI вѣка [61]). На старинныхъ иностранныхъ картахъ конца XVI вѣка названія Сибири, какъ страны или области, не встрѣчается, но на картѣ Ѳедора Борисовича, пополненной и изданной Герардомъ для царя Михаила Ѳедоровича въ 1614 г., оно значится, какъ названіе области, лежащей между Югоріей и Обдоріей, съ городами Тюменью и Тобольскомъ. Шрифтъ, которымъ отпечатано это названіе (Sibiria), одинаковъ съ наваніями: Condora, Obdora, Jugoria, Permia, Pega orda, Samoieda [62]). Какъ бы то ни было, если бы даже составителю сказанія была извѣстна Сибирь, какъ названіе только указанной области или даже только какъ городъ, то онъ не могъ бы о ней не упомянуть. Отсутствіе же этого названія можетъ служить новымъ доказательствомъ тому, что разбираемое нами сказаніе едвали ли могло возникнуть позже конца XV-го или, самое позднее, начала XVI-го вѣка.

Первое извѣстіе сказанія посвящено Самоѣди-Молгонзѣямъ. «На восточнѣй странѣ, за югорьскою землею, надъ моремъ, живуть люди, самоѣдь зовомы, молгонзѣи» (по другимъ спискамъ «молгоньзѣи», «малгонзѣи», «молгозіи», «монгазеи»). Здѣсь прежде всего предстоитъ опредѣлить мѣстоположеніе указанной страны, а такъ какъ она помѣщается за Югорскою землею, то слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о положеніи послѣдней. Оставляя въ сторонѣ догадки первыхъ изслѣдователей, Татищева, Миллера, Шлецера, Георги, упомянемъ лишь о мнѣніи Лерберга, основанномъ на спеціальномъ изученіи источниковъ [63]) и сводящемся

---

[61]) См. *Щегловъ*, Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Иркутскъ. 1883 и *Адріевичъ*, Исторія Сибири. ч. I Спб. 1889. По Щеглову—подъ Сибирской областью разумѣлась первоначально Тюменская, т. е. южная Югрія, въ отличіе отъ Югорской (сѣверной Югріи, по рр. Сысвѣ и Сосвѣ и около Березова) и Сургутской—по Оби. Въ 1554 и 1556 г. въ царскомъ титулѣ упоминается: «Обдорскій, Кондинскій и многихъ другихъ земель, Государь всѣхъ сѣверныхъ береговъ». По другой грамотѣ титулъ обозначенъ такъ: Обдорскій, Кондинскій и всѣхъ Сибирскихъ земель, повелитель Сѣверныя страны». Затѣмъ въ 1563 г., въ грамотѣ къ Сигизмунду, королю Польскому, прописано: «Удорскій, Кондинскій и всея Сибири». Герберштейнъ упоминаетъ уже о provincia Sibier, лежащей за Камою и о которой онъ говоритъ вслѣдъ за Югріей, но замѣчаетъ, что ему неизвѣстно, есть ли тамъ какіе нибудь города.

[62]) Tabula Russiae, ex autographo, quod delineandum curavit Feodor filius Tzaris Boris desumpta et .... amplificata: ac Magno Domino, Tzari et Magno Duci Michäeli Foedrowits omnium Russorum.... dedicata ab *Hesselo Gerardo*, MDCXIV. Первоначально издана Устряловымъ въ «Сказаніяхъ о Самозванцахъ» изд. 3, а недавно перепечатана съ фототипіи Стебницкимъ въ «Извѣстіяхъ Геогр. Общ.» 1889, вып. I. Впервые эта карта была найдена Мусинъ-Пушкинымъ, въ 1782 г., въ Москвѣ, и поднесена Екатеринѣ II. Она была издана затѣмъ Дейріеромъ, подъ заглавіемъ: «Карта древней Россіи, по повелѣнію царя Бориса Годунова Ѳедоромъ Борисовичемъ начертанная. Умножена, выгравирована и поднесена Великому Государю Михаилу Ѳедоровичу въ 1614 г.». Я видѣлъ экземпляръ этого изданія въ Имп. Публичной Библіотекѣ.

[63]) *Лербергъ*. «Изслѣдованія» пер. Языковъ. Спб. 1819, I. О географ. положеніи Югорскія земли. Татищевъ и Болтинъ производили названіе Югріи отъ Юга, притока

къ тому, что «древняя Югрія находилась не въ Европейской Россіи, но простиралась между 56° и 67° с. ш., отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ, чрезъ нижнюю Обь, до р. Над(р)ыма, впадающей въ Обьскую губу, и до Аган(п)а, который выше Сургута впадаетъ въ Обь; къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южной стороны граничила она съ татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею прежде бывшихъ Самоѣдовъ». Что Югра въ XVI—XVII вв. находилась на Оби и на ея притокахъ Сысвѣ и Сосвѣ, явствуетъ изъ «Книги Большому Чертежу», въ которой, во введеніи, сказано между прочимъ: «А отъ рѣки Таза и отъ рѣки Оби, вверхъ по Оби, Обдорскую, Югорскую и Сибирскую землю, до Нарыма до Пѣгія орды....» и въ другомъ мѣстѣ, при описаніи рѣки Оби Великія: «А по Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя въ нее пали: отъ устья въ верхъ Обдорскіе грады, а выше Обдорскихъ градовъ Югорскіе, а выше Югорскихъ градовъ Сибирь....» «А по Сосвѣ и по Сысвѣ грады... Юиль,.. Мункусъ,.. Ляпинъ...» и проч., «а тѣ грады по Сысвѣ и по Сосвѣ — Югра». Далѣе же говорится: «рѣки же текутъ въ рѣку въ Обь, а по тѣмъ рѣкамъ Сибирскіе грады», причемъ указаны рѣки: Иртышъ, Тоболъ, Ишинъ, Тура, Ница, Тавда и др. [64]). Нахожденіе Югріи на Оби подтверждается и выше приведеннымъ извѣстіемъ о походѣ въ Югру 1483 г. и даже гораздо болѣе раннимъ свидѣтельствомъ отъ 1334 г., о походѣ Новгородцевъ, о которыхъ сказано, что они «зимою съ Югры пріѣхаша,... воеваша по Оби рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша». Существуютъ, впрочемъ данныя, доказывающія, что ранѣе Югра жила и по сю сторону Урала. Въ пользу этого свидѣтельствуютъ какъ многія хорографическія названія на сѣверѣ Европейской Россіи, объясняемыя лишь изъ угорскихъ языковъ (Европеусъ), или заключающія въ себѣ корень *угра, югра* (напр. р. Угроньга, р. Угорма и др.), встрѣчающіяся особенно въ области соприкосновенія Югорскихъ поселеній съ поселеніями Печоры на Вычегдѣ и Еми на Сухонѣ, (Барсовъ) [65]), такъ и нѣкоторыя извѣстія о древнѣйшихъ сношеніяхъ съ Югрой Новгородцевъ, — извѣстія, объяснимыя только при допущеніи, что область Югры находилась не очень далеко отъ Новгорода и не за «Камнемъ». Это подтверждаетъ и разсказъ Гюряты Роговича, подъ 1096 г., изъ котораго видно, что Югра сосѣдила съ Самоѣдью и жила гдѣ-то около Печоры, по сю сторону горъ, до которыхъ путь «непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ», отчего, — говорили Югричи — и «не доходимъ ихъ всегда». Карамзинъ видѣлъ въ этомъ извѣстіи доказательство того, что уже въ XI в. Русскіе ходили за Уралъ, но въ дѣйствительности

Сухоны; Миллеръ — полагалъ её у Ледовитаго моря, у Пустозерска, по Печорѣ и Уралу; Шлецеръ—тоже, и признавалъ Вычегду за южную ея границу; Георги утверждалъ что Югріею назывался берегъ, простирающійся отъ Бѣлаго моря чрезъ Уралъ до Оби.

[64]) Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изд. Спасскимъ. М. 1846.

[65]) *Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи. Изд. 2-ое; *Европеусъ*. Объ Угорскомъ народѣ.

слѣдуетъ вывести обратное заключеніе, что не только Русскіе тогда не знали Урала, но даже и Югра не всегда до него доходила. Вообще, изслѣдованія Шёгрена [66]) и затѣмъ Барсова не оставляютъ, повидимому, сомнѣнія, что Югра жила нѣкогда по сю сторону Урала и только впослѣдствіи отступила отсюда къ востоку. По мнѣнію Барсова, Югра, тѣснимая Новгородцами, «постепенно передвинулась за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаетъ ихъ XV вѣкъ и гдѣ они были покорены уже московскими войсками». Если мы обратимся къ картамъ, то увидимъ, что положеніе Югріи полагалось разными описателями весьма различно, что̀ впрочемъ свидѣтельствуетъ прежде всего о плохомъ знакомствѣ съ этою страною. На первой картѣ Россіи, Баттиста Агнезе, 1525 г., (предназначавшейся къ «Книгѣ о Московіи», Павла Іовія) положеніе Югріи совершенно извращено: она помѣщена къ западу отъ Сѣверной Двины, между нею и Печорою, которая показана еще далѣе на западъ, а за нею означены горы (Уралъ?), надъ которыми надпись: «in istis montibus capiunt nobiles falcones» (въ этихъ горахъ ловятъ благородныхъ соколовъ). На картѣ Антона Вида 1555 г. «Juhri» помѣщены къ сѣверу отъ Вятки, между рр. Мезенью и Печорою; на картѣ въ Космографіи Себ. Мюнстера, 1544 г. — тамъ же, или къ востоку отъ Печоры, между нею и страной Cõdoria (Condoria) [67]). По Герберштейну, — «Угричи и Вогуличи сидятъ по р. Оби» (fl. Oby, qui oritur ex Kitaisko lacu.... Hunc quoque Vuogulici et Ugritzchi gentes accolunt), причемъ на картѣ къ его путешествію, очевидно ошибочно, область Juhra поставлена къ востоку отъ Оби, къ сѣверу отъ Кимбалика (столицы Китая). На картѣ Ѳеодора Борисовича, дополненной Герардомъ, 1614 г., Jugoria показана на лѣвой сторонѣ Оби, между Обью и Иртышемъ: на картѣ Hasii 1750 г. она показана по р. Мезени, между нею и Печерой. Названіе «югра» объясняется изъ зырянскаго языка; *jögrajass* (*jass* = окончаніе множественнаго числа) прилагается Зырянами къ обозначенію своихъ сосѣдей, Вогуловъ и Остяковъ, причемъ *jögra* значитъ собственно: «грубый», «дикій» «дикарь» [68]). Относительно Вогуловъ (тождественныхъ по ихъ собственному названію — «Маньзы» и по языку съ Обскими Остяками) извѣстно, что они ранѣе, въ XV—XVII вѣкахъ (даже еще въ XVIII), жили, отчасти, по сю сторону Урала, хотя теперь поселенія ихъ начинаются только по ту сторону, по рр. Сосьвѣ и Лозьвѣ.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, повидимому, что уже въ XV вѣкѣ Югра распространялась до Оби и что выраженіе «за Югорьскою землею, надъ моремъ» можетъ относиться только къ странѣ за Обью, прилегающей къ Ледовитому океану. Здѣсь и жила очевидно, та «самоѣдь», которая носила названіе «Молгонзѣевъ», причемъ изъ дальнѣйшаго видно, что тер-

---

[66]) *Sjögren.* Ueber die Wohnsitze d. Jemen. Mém. de l'Acad. Jmp. S.-Pet. 1850, I, также «Gesammelte Schriften» Bd. I.

[67]) *Michow,* Die æltesten Karten von Russland. Mit 3 Karten.

[68]) См. *Sjögren,* l. c. и *Савельевъ,* Мухаметанская Нумизматика. 1857. Стр. CV, прим. 191 — Самоѣдовъ Зыряне называютъ также Jögras.

минъ «самоѣдь» употреблялся составителемъ сказанія въ родѣ нарицательнаго, почти равнозначительнаго термину — «инородцы», «дикари», для обозначенія вообще иновидныхъ, дикихъ народовъ сѣвера (за исключеніемъ Югры). Не подлежитъ сомнѣнію, что Новгородцы должны были ознакомиться прежде всего съ европейскими Самоѣдами (мезенскими, большеземельскими, пустозерскими и др.), жившими по сю сторону Урала, о которыхъ упоминается въ лѣтописи уже подъ 1096 г., какъ о сосѣдящихъ съ Югрой и Печерой (Зырянами). Регули, на основаніи хорографическихъ названій, вывелъ заключеніе, что долина р. Усы, впадающей въ Печеру съ правой стороны, и страна на сѣверъ отъ этой рѣки была населена Самоѣдами съ давнихъ временъ, тогда какъ мѣстности къ югу отъ р. Усы могутъ быть разсматриваемы, какъ исконная область Зырянъ [69]). По изслѣдованіямъ Кастрена, Самоѣды — родомъ съ Саяна, гдѣ еще теперь живутъ отатарившіяся племена (Сойоты, Карагассы и др.), у которыхъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, Кастренъ встрѣтилъ нѣсколько стариковъ, помнившихъ свой прежній языкъ, похожій на самоѣдскій [70]). Чѣмъ было вызвано разселеніе первоначальныхъ Самоѣдовъ на сѣверъ—рѣшить трудно; по всей вѣроятности, оно произошло подъ напоромъ тюрко-монгольскихъ племенъ съ юга. Но дальнѣйшее движеніе ихъ въ низовья Оби обусловливалось, повидимому, отступаніемъ передъ Югрой, которая отрѣзала Самоѣдовъ отъ ихъ южныхъ сородичей и заставила разселиться въ прибрежной полосѣ Ледовитаго моря. О борьбѣ Самоѣдовъ съ Остяками и о подчиненіи отчасти первыхъ вторымъ свидѣтельствуютъ многія преданія, сохранившіяся у обоихъ народовъ [71]).

Самоѣдь - Молгонзѣи, описанные въ разбираемой нами статьѣ, жили, очевидно, по ту сторону Оби, по р. Тазу и до Енисея. Это доказывается уже самымъ названіемъ ихъ, которое можетъ быть пріурочено только къ указанной области. Названіе «Молгонзѣи» (Молгоньзѣи *Син.*, Малгонзѣи *Стр.*, Монгазеи *Унк.*) напоминаетъ «Мангазею», — городъ, существовавшій на р. Тазѣ, въ XVII — XVIII вв., и получившій свое наименованіе, какъ мы увидимъ далѣе, отъ названія страны или народа. Прежде однако чѣмъ, представить тому доказательства, мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на исторіи этого города Мангазеи. Острогъ Мангазея былъ заложенъ въ 1600 г. посланными изъ Тобольска письменными головами, княземъ Мирономъ Шаховскимъ и Данилой Хрипуновымъ. Поводомъ къ его основанію послужили, повидимому, слухи о богатствѣ страны соболями и о томъ, что еще ранѣе проникали туда, къ Самоѣдамъ, русскіе и зырянскіе промышленники, которые даже «дань съ нихъ (самоѣдовъ) имали воровствомъ на себя, а сказывали на государя, а въ государеву казну не да-

---

69) Письмо *Регули,* въ «Зап. Геогр. Общ.» 1849, III.

70) *Castren,* Ethnol. Vorlesungen über die altaische Völcker. 1857.

71) Нѣкоторыя преданія объ этой борьбѣ приведены у Кушелевскаго (см. далѣе и у *Третьякова*—«Туруханскій край».

вали, и обиды, и насильства, и продажи отъ нихъ были имъ (самоѣдамъ) великіе» [72]). Князь Миронъ Шаховской и Данило Хрипуновъ пошли изъ Березова со ста казаками, на четырехъ кочахъ (плоскодонныхъ судахъ, саженъ въ 12 длиною, съ палубой) и двухъ коломенкахъ. Судна эти, по выходѣ въ Обскую губу, отчасти разбились, отчасти стали течь, такъ что воеводы должны были высадиться на берегъ и пойти сухимъ путемъ, причемъ люди шли на лыжахъ, а для провіанта Самоѣды доставили оленей. Но на дальнѣйшемъ пути отрядъ подвергся нападенію другой шайки Самоѣдовъ, которая убила тридцать казаковъ (ранила самого кн. Шаховскаго), разграбила провіантъ и заставила остальныхъ Русскихъ искать спасенія въ бѣгствѣ на оленяхъ [73]). Въ Москву послано было извѣстіе о случившемся несчастіи, которое однако не заставило правительство отказаться отъ принятаго имъ намѣренія. Въ слѣдующемъ, 1601-мъ году, посланы были съ тою же цѣлью воеводы князь Василій Масальскій и Савлукъ Пушкинъ съ двумя стами воинскихъ людей. Имъ данъ былъ подробный наказъ, начало котораго не уцѣлѣло, но изъ оставшейся части котораго видно, что они должны были взять съ собою изъ Тобольска, Сургута и Березова «литвы и казаковъ и стрѣльцовъ на обмѣну передъ прежнимъ (т. е. посланными съ кн. Шаховскимъ) вдвое», также опредѣленное число воинскаго снаряда и провіанта (въ томъ числѣ четыре пушки), запастись проводниками (вожами) изъ «зырянъ торговыхъ людей и вымичъ, которые бы ходъ знали и талмачить умѣли», и идти на девяти кочахъ, двухъ лодкахъ морскихъ да двухъ дощаникахъ. Идти имъ велѣно было «на спѣхъ, днемъ и ночью, съ великимъ береженьемъ, чтобъ имъ... придти водянымъ путемъ до заморозовъ», а «идучи... развѣдывать про князя Мирона (Шаховскаго) и про Данила на крѣпко», гдѣ нынѣ они, поставленъ ли ими острогъ и т. д., и если острогъ уже заложенъ, то смѣнить въ немъ ранѣе посланный отрядъ, а если нѣтъ, то заложить новый, привести къ присягѣ окрестную самоѣдь, розыскать Мирона Шаховскаго съ товарищами, выручить ихъ, подать имъ помощь въ случаѣ надобности и т. п. Изъ послѣдующей грамоты 7111 года явствуетъ, что князь Масальскій и Савлукъ Пушкинъ въ Мангазеѣ устроились, но видно также, что городъ существовалъ уже до нихъ, а изъ этого можно заключить, что основаніе ему

---

[72]) По словамъ Миллера, «въ сибирскихъ лѣтописяхъ упоминается, что еще въ 7106 г. изъ Москвы отправленъ былъ для провѣдыванія Мангазейской страны нѣкто Ѳедоръ Дьяковъ, который съ двумя, изъ Тобольска съ нимъ отправленными, цѣловальниками въ тамошнихъ мѣстахъ былъ и первый тамъ ясакъ въ государеву казну собралъ, съ чѣмъ онъ въ 7108 г. въ Москву возвратился».

[73]) Нападеніе Самоѣдовъ объяснялось тѣмъ, что «самоядь къ сему дѣлу подъущены были зырянскими торговыми людьми, которые опасались, что торги ихъ съ самоядью чрезъ пришествіе Россіянъ придутъ въ упадокъ» (Миллеръ).—Объ исторіи Мангазеи приведены данныя у *Миллера*, «Описаніе Сибирскаго царства», *Фишера*—«Сибирская Исторія» и *Щеглова*—«Хронологическій Перечень».

было положено еще Шаховскимъ, что подтверждается и свидѣтельствами сибирскихъ лѣтописей [74]).

Первоначально острогъ предполагалось поставить на устьѣ р. Таза, но въ наказѣ предоставлено было воеводамъ право выбрать и другое подходящее мѣсто, причемъ указывалось на промышленные острожки и какой-то «Пантуевъ городокъ». Какъ бы то ни было, но городъ былъ заложенъ по среднему теченію Таза, верстахъ въ 200 отъ его устья, и сталъ извѣстенъ подъ именемъ Мангазеи. Въ 1603 г. въ Мангазею былъ посланъ воевода Ѳедоръ Булгаковъ, и ему была дана всякая церковная утварь, а также поручено было взять изъ Березова священника и построить въ Мангазеѣ гостиный дворъ (церковь была построена уже, повидимому, при кн. Масальскомъ). Въ 1608 г. въ Мангазею доставлялся уже ясакъ не только Самоѣдами, жившими по р. Тазу, но и многими изъ Енисейскихъ Самоѣдовъ и Остяковъ, а равно частью Тунгузовъ по р. Нижней Тунгузкѣ. Тогда же близь устья р. Туруханa было построено зимовье, переименованное впослѣдствіи въ Новую Мангазею и затѣмъ въ Туруханскъ. — Отъ 1616 г. сохранилось извѣстіе, что Архангелогородцы, идя вдоль Мезенскихъ и Пустозерскихъ береговъ, чрезъ Вайгачскій проливъ, въ Карское море, дошли до р. Мутной (текущей поперекъ полуострова Ялмала), шли по ней 5 дней до озера и, перетащивъ изъ него суда волокомъ въ другое озеро, Зеленое, спустились въ рѣчку Зеленую и вошли въ Обскую губу, а затѣмъ, повернувъ отсюда въ Тазовскую губу, пошли вверхъ по р. Тазу и прибыли въ Мангазею, проложивъ такимъ образомъ морской путь изъ Архангельска до этого города, — путь, торговля по которому была однако, изъ-за фискальныхъ цѣлей, запрещена въ 1620 г. [75]).— Въ 1619 г. Мангазея выгорѣла и по одному извѣстію (у Щеглова) городъ тогда же былъ перенесенъ въ Туруханское зимовье, но по другимъ, болѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, оставленіе старой Мангазеи послѣдовало много позже, именно не прежде пожара 1642 г. Въ Сибирской исторіи Фишера (стр. 390) сказано, что «претерпѣнный въ 1642 г. Мангазеей пожаръ способствовалъ къ совершенному потомъ запустѣнію сего мѣста, которое кромѣ того, для непрестаннаго приращенія Туруханска, пришло уже въ нарочитый упадокъ. Натуральное положеніе послѣдняго мѣста было безъ сумнѣнія гораздо способнѣе и выгоднѣе перваго. Объисканія и завоеванія на востокѣ изъ Мангазеи не могли чинены быть инако, какъ чрезъ Туруханскъ; соболи скорѣе перевелись у Таза, нежели у Енисея,

---

[74]) По словамъ Миллера, въ одной «лѣтописи о мятежахъ» значится, что городъ Мангазѣя былъ поставленъ по приказу царя Бориса, «а ставилъ городъ князь Василій Мосальскій Рубецъ», но это извѣстіе не подтверждается другими источниками.

[75]) По мнѣнію Третьякова, этимъ морскимъ путемъ могли приходить въ Мангазею и иностранцы. На колокольнѣ города Туруханска есть два колокола, похожіе на корабельные, съ надписями на голландскомъ языкѣ; вѣроятно, они были завезены сначала въ Старую Мангазею. Послѣднее возможно, но колокола могли быть завезены изъ Архангельска и Русскими.

который для впадающихъ въ него съ востока рѣкъ безпрестанно подавалъ новые способы къ обогащенію. Ничто тягостнѣе не было, какъ возить съѣстные припасы изъ Тобольска Тазскимъ морскимъ заливомъ, на которомъ пути пропадали иногда суда съ людьми и съ товарами, или отъ самоѣди претерпѣвали нещастье, которые по разграбленіи судовъ убивали людей [76]). Напротивъ того, Туруханскъ лежалъ посреди Мангазейскаго уѣзда, и туда можно было способно возить всякія нужныя потребности изъ Енисейска. Сія выгода и изобиліе въ хорошей мягкой рухляди побудили людей переселиться въ сіе мѣсто. Въ Туруханскѣ по наступленіи лѣта была почти всегда ярманка, понеже тогда казаки съ собраннымъ съ язычниковъ ясакомъ, а промышленные съ своего промыслу туда приходили. Чего ради воеводы и таможенные надзиратели весною обыкновенно изъ Мангазеи туда отправлялись для сбору доходовъ, а осенью назадъ возвращались; по времени нѣкоторые воеводы препровождали тамъ по цѣлому году, а таможенные надзиратели поступили еще далѣе и, оставя совсѣмъ Мангазею, утвердили свое постоянное жилище въ Туруханскѣ, несмотря что сіе послѣднее мѣсто называлось токмо зимовьемъ, а Мангазея напротивъ того и тогда имѣла еще названіе города».— Изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ можно заключить что оставленіе Старой Мангазеи, послѣдовало еще позже, во второй половинѣ XVII в. Такъ, въ «Краткомъ показаніи о воеводахъ», изд. въ 1791 г., сказано, что Мангазея была оставлена лишь въ 1662 г., а Г. Н. Спасскій нашелъ извѣстіе, что она была перенесена на мѣсто Туруханскаго зимовья лишь въ 1672 г., по указу царя Алексѣя Михайловича. Окончательное оставленіе Старой Мангазеи послѣдовало, повидимому, лишь въ 1677 году, когда въ новомъ городѣ были построены четыре башни, вооруженныя пушками и снабженныя каменьями на случай осады, и когда въ него былъ переведенъ отрядъ изъ ста человѣкъ стрѣльцовъ. На Сибирскомъ Чертежѣ, Ремезова, 1701 г., показано положеніе какъ Старой, такъ и Новой Мангазеи, Старой — на р. Тазѣ, Новой — на Енисеѣ, причемъ новый городъ представленъ въ два слишкомъ раза бо́льшимъ противъ стараго и расположеннымъ на дугообразной протокѣ (шарѣ) въ 1—2 верстахъ отъ р. Турухана *). Оба города, какъ Старая, такъ и Новая Мангазея показаны также на картахъ Штраленберга 1730 г., Hasii (Imperii Russici et

---

[76]) Въ «Спискѣ съ Чертежа Сибирской земли», изд. Спасскимъ, въ 1849 г., сказано объ этомъ пути: «А отъ Березовскаго въ низъ по Сосвѣ и по Обѣ рѣкамъ до Мангазейскаго моря ходятъ 12 дней; а за море перебѣгаютъ до усть Тазу рѣки парусомъ въ 3 сутки; а путь нуженъ и прискорбенъ и страшенъ отъ вѣтровъ. А съ усть Тазу рѣки до Мангазей города въ верхъ по Тазу рѣкѣ добѣгаютъ парусомъ въ 4 сутки, а бичевою путь нуженъ».

*) На слѣдующей страницѣ мы приводимъ копію части одной карты въ Атласѣ Ремезова. Она оріентирована такъ, что вверху приходится западъ, вправо — сѣверъ. Видно нижнее теченіе рѣкъ Таза и Енисея, область «юрацкой самоѣди немирной» и города: Старая Мангазея — на р. Тазѣ и Новая Мангазея на Енисеѣ, обтекаемая протокомъ съ находящимся на противоположномъ берегу Енисея, монастыремъ Троицкимъ. Русскія надписи мѣстами сопровождаются голландскимъ переводомъ.

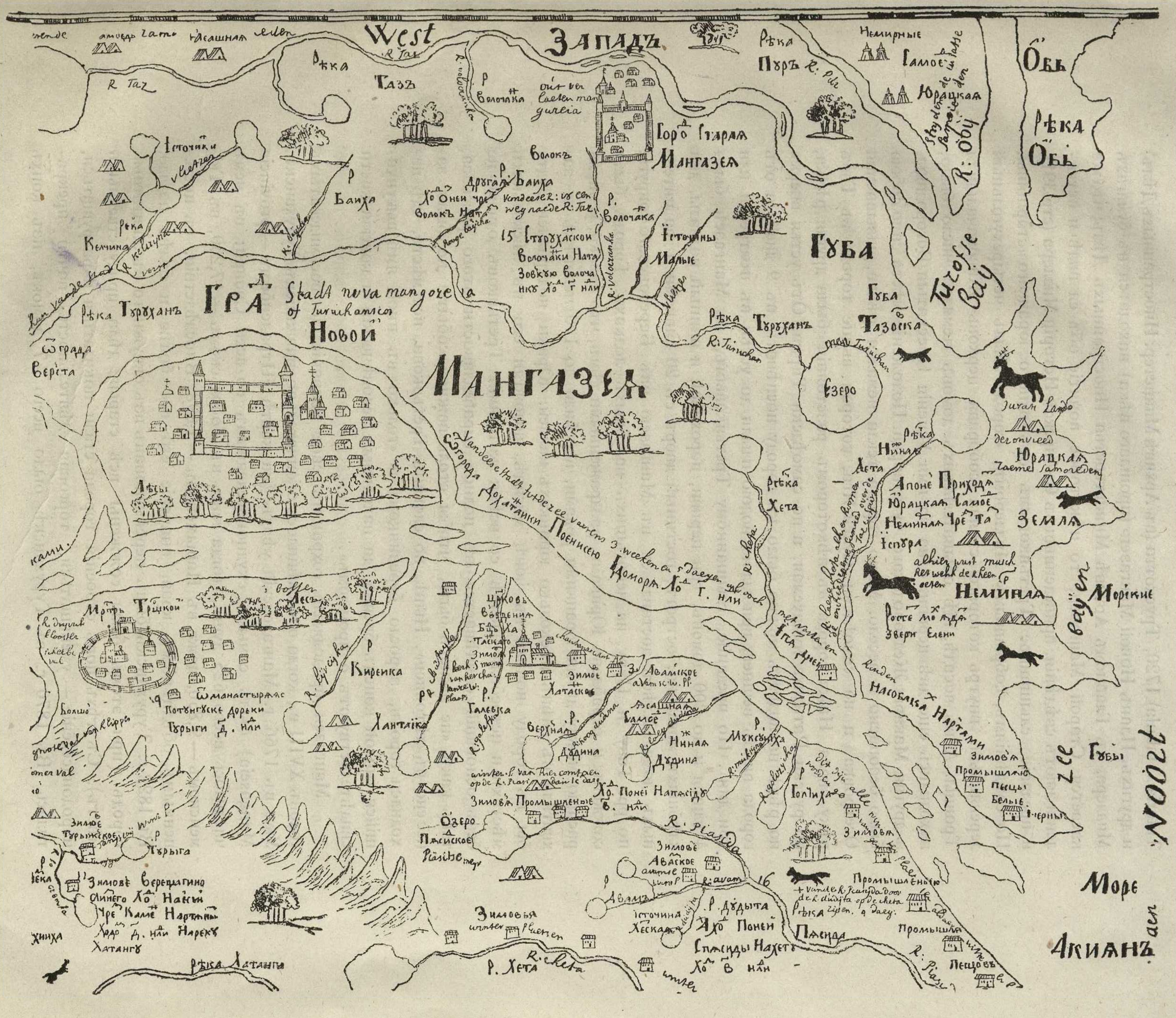

West
Западъ
Рѣка Обь
Обь
Губа
Губа Тазоска
Мангазея
Горо Старая Мангазея
Рѣка Тазъ
Рѣка Пуръ
Рѣка Турухань
Земля
Неминаа
Море
Акиянъ
Рѣка Хатанга
Р. Хета

РИС. I.

Tatariæ... tabula) 1720, Трускотта (въ Архивѣ Министер. Иностранныхъ Дѣлъ) и другихъ. Планъ Новой Мангазеи (прошлаго вѣка) находится въ бумагахъ Миллера, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; что же касается Старой Мангазеи, то нѣкоторое понятіе объ ея видѣ и оставленіи даютъ свѣдѣнія, приведенныя въ Сибирской Исторіи Миллера (стр.391), и преданіе, слышанное Третьяковымъ отъ одного юрацкаго старшины. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Миллеромъ, «городъ былъ четырехугольный деревянный, внутрь котораго стояла соборная церковь Живоначальныя Троицы. А въ посадѣ, гдѣ обывательскихъ домовъ немалое число было, находились еще двѣ церкви, одна во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, а другая Макарія Желтоводскаго чудотворца. Положеніе мѣста само собою было безопасно и весело. Мимо города текла немалая рѣчка, называемая Осетровка, а по самоѣдски Сулей-Яга, которая выше города въ Тазъ рѣку впала. Ниже города въ нѣкоторомъ разстояніи была другая рѣчка, по русски Ратилиха имянуемая, а по самоѣдски Тирма. Отъ устья вверхъ по рѣкѣ на лодкахъ можно было къ городу поспѣвать въ 9 дней, а отъ города внизъ вешнею прибылою водою плыли до устья въ полтретья или три дни». По преданію, слышанному Третьяковымъ, въ Мангазеѣ было 4 улицы и до 200 домовъ, три церкви, пороховой и винный подвалы, два хлѣбныхъ магазина, острогъ, гостиный дворъ съ 20 лавками и два питейныхъ дома. Хлѣбъ доставлялся въ Мангазею изъ Березовскаго округа, по рр. Тазу и Пуру, на небольшихъ палубныхъ лодкахъ. Городъ былъ сожженъ и ограбленъ Юраками, раздраженными тѣмъ, что казаки, усмиряя распрю между двумя юрацкими родами, перебили до 130 человѣкъ и захватили въ плѣнъ нѣсколько юрацкихъ князей. Юраки подкрались будто бы къ городу ночью, въ іюнѣ мѣсяцѣ, подожгли его въ нѣсколькихъ мѣстахъ и истребили вполнѣ со всѣми жителями. Третьяковъ однако не безъ основаній сомнѣвается въ полной справедливости этого разсказа, такъ какъ «не можетъ быть, чтобы столь важное событіе не было занесено въ лѣтописи». Нынѣ, по словамъ Третьякова, все мѣсто, гдѣ находился городъ, заросло березнякомъ и «только въ иной ямѣ высунувшійся гнилой конецъ бревна, да находимыя человѣческія и конскія кости свидѣтельствуютъ о прошломъ».

Мангазея продолжала сохранять свое названіе до восьмидесятыхъ годовъ XVIII в., когда оно смѣнилось окончательно названіемъ Туруханскъ. Уже въ 1766 г. Мангазейскій уѣздъ (на картѣ Штраленберга — provincia Mangaseia) былъ самымъ скуднонаселеннымъ во всей Сибири: въ немъ числилось всего 625 душъ, тогда какъ въ Тобольскомъ — 17,200, въ Тюменскомъ — 9,850, даже въ Нарымскомъ — 1,098. Впослѣдствіи, съ постепеннымъ обѣднѣніемъ края, значеніе его все болѣе и болѣе падало. Въ 1822 г. Туруханскъ былъ переименованъ изъ окружнаго въ заштатный городъ (при этомъ были сожжены всѣ старыя дѣла присутственныхъ мѣстъ). Съ тѣхъ поръ строенія города стали покидаться и разрушаться, народонаселеніе — уменьшаться, торговая дѣятельность почти прекратилась. Въ 1870 г. въ Туруханскѣ было всего 47 домовъ, изъ коихъ

большинство — жалкія лачужки, три бѣдныхъ церкви и нѣсколько лавокъ. Въ 40-хъ годахъ въ городѣ насчитывалось 270 жителей обоего пола, въ 1874 г. — 181, а по новѣйшимъ даннымъ (въ календарѣ Суворина) ихъ числилось только 119.

Что касается названія «Мангазея», то оно объяснялось различно. Въ «Сибирской Исторіи» Фишера (ст. 206) происхожденіе этого названія объясняется такъ. «Понеже при р. Тазѣ жилъ самоядскій родъ, Моказее называемый, то новому городу дано имя Мунгазей, которое послѣ еще больше испорчено и перемѣнено въ Мангазею». Въ «Описаніи Сибирскаго царства» Миллера (стр. 372) преданіе это передается иначе. «И понеже при рѣкѣ Тазѣ нашли нѣкоторой родъ самояди, называемой Мокасе, то сіе подало поводъ къ названію тамошней страны по россійскому произношенію Мангазѣя. Сія страна наипаче была извѣстна обывателямъ около рѣкъ Двины и Печеры живущимъ, какъ русскимъ, такъ и зырянамъ, потому что они за соболинымъ промысломъ и для торговли туда часто хаживали». Позже Г. Н. Спасскій высказалъ мнѣніе, что «городъ Мангазея получилъ свое названіе отъ бывшаго тамъ, прежде его основанія (?), хлѣбнаго запаснаго магазина для вымѣна на хлѣбъ звѣриныхъ шкуръ, отъ кочующихъ въ тѣхъ мѣстахъ остяковъ и самоѣдовъ» [77]). Но тотъ же Спасскій, три года спустя, призналъ высказанное имъ ранѣе мнѣніе невѣрнымъ [78]). «Не справедливо думаютъ, писалъ онъ на этотъ разъ, что городъ Мангазея получилъ имя свое по поводу устроенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился. Кромѣ новизны этого слова въ нашемъ языкѣ, въ замѣнъ житницы, служатъ тому опроверженіемъ, во первыхъ, сибирскія лѣтописи, въ которыхъ упоминается еще въ 1597 г. о принимаемыхъ мѣрахъ для провѣданія Мангазейской страны до самаго Енисея и обложенія тамошнихъ инородцевъ ясакомъ; во вторыхъ, въ наказѣ 1601 г. воеводамъ объ устроеніи Мангазейскаго острога съ двумя или тремя при немъ житницами для хлѣба, предписывается: «распрашивати накрѣпко, сколько въ Мангазѣ и въ Енисеѣ городковъ и волостей... и сколько по Оби и по всѣмъ Мангазейскимъ и Енисейскимъ рѣкамъ Мангазейские и Енисейские Самоеди живетъ». Спасскій склонился на этотъ разъ къ мнѣнію, высказанному Пестовымъ («Записки о Енисейской губ. М. 1833, стр. 197), что названіе Мангазея произошло отъ имени жившаго здѣсь самоѣдскаго князца Маказея, «вѣроятно, значительнаго, если его имя, передѣланное въ Мангазею русскими поморцами и зырянами, издавна посѣщавшими тотъ край, распространилось на всю страну, а можетъ быть также и имя обитавшаго тамъ народа Мокасе, какъ утверждаетъ Миллеръ, неизвѣстно впрочемъ на какомъ основаніи».

Сопоставляя всѣ только что приведенныя толкованія, нельзя не признать, что производство названія Мангазеи отъ слова «магазинъ»

---

[77]) «Книга, глаголемая Большой Чертежъ», изд. Г. Н. Спасскаго. 1846, прим. 214.
[78]) Списокъ съ Чертежа Сибирскія земли, изд. Спасскимъ въ «Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Древностей». 1849, кн. III, прим. 32.

едва ли можетъ быть допущено. Въ концѣ XVI в. хлѣбные амбары назывались у насъ житницами, и слово «магазинъ» не вошло еще въ употребленіе; въ наказахъ Мангазейскимъ воеводамъ точно также о хлѣбныхъ магазинахъ нигдѣ не упоминается, а вмѣсто нихъ говорится о житницахъ [79]). Кромѣ того, изъ грамотъ и наказовъ явственно видно, что названіе «Мангазея» было извѣстно еще за нѣсколько лѣтъ до основанія города того же имени и прилагалось первоначально къ обозначенію страны по р. Тазу. Въ грамотѣ царя Бориса Ѳедоровича отъ 7109 г. Березовскому воеводѣ князю Ивану Борятинскому и головѣ Григорью Векентьеву, страна эта называется «Мунгазея». Въ наказѣ отъ того же года князю Вас. Мосальскому и Савлуку Пушкину говорится также о странахъ Мунгазеѣ и Енисѣѣ и о рѣкахъ: Мангазѣй и Енисей, а также — о Мангазейской и Енисѣйской Самояди и о Мангазѣйскихъ и Енисѣйскихъ рѣкахъ. Очевидно, подъ рѣкой Мангазѣемъ разумѣлся Тазъ, а подъ Мунгазѣей или Мангазѣей — страна по Тазу, подобно тому какъ подъ Енисѣей — страна по Енисѣю. Въ сказаніи «О Сибирскомъ царствѣ» (хронографъ И. Публ. Библіотеки. Л. F. IV. № 165) говорится, что «межъ тѣми великими рѣками Обью и Енисѣемъ река рекомая Тазъ, сія исходитъ изъ Пѣгія орды и шествующи къ сѣверной странѣ и своимъ устіемъ течетъ въ морскую губу, на той же рекѣ Тазу градъ зовомый Тазовскій и паки *Мангазѣя сирѣчь Самояджая земля*, по той рѣкѣ и во вся поморіе языкъ Самояцкой»... [80]). Изъ какого именно туземнаго слова образовалось русское Мунгазѣя или Мангазѣя — сказать въ точности трудно (далѣе мы приводимъ впрочемъ догадку), но во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы отъ имени самоѣдскаго князца Маказея, какъ утверждалъ Пестовъ, или отъ названія народа Мокасе (по Миллеру) или Моказее (по Фишеру). Непонятно, какимъ образомъ изъ этихъ названій, вмѣсто Маказы или Макасы, могло образоваться «Мангазея» со вставочнымъ *н*, переходомъ *k* въ *г* и съ окончаніемъ на *ея*. Притомъ невѣроятно, чтобы имя какого-то самоѣдскаго князца могло дать поводъ къ названію цѣлой страны и затѣмъ города. Вѣрнѣе предполагать, что названіе «Мангазея» произошло отъ названія страны или рѣки, какъ Енисейскъ отъ Енисея, Томскъ отъ Томи, Обдорскъ отъ Обдоріи и т. д. Что р. Тазъ еще въ началѣ XVIII вѣка назывался Мангазеемъ (Монгамзеемъ) видно изъ сочиненія «Allerneuster Staat von Casan, Astracan, Siberien» etc., изд. въ 1720 — 1723 гг. и составленномъ, повидимому, плѣнными Шведами. Тамъ, при описаніи мамонтовой кости, упоминается между прочимъ, что ее находятъ по берегамъ Енисея, Тругана

---

[79]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Сибири въ настоящее время употребляется однако слово «мангазея» вмѣсто «магазина». Но это, повидимому, уже позднѣйшее искаженіе.

[80]) «Изборникъ» изд. *А. Поповъ*. М. 1869, стр. 403. На картѣ «Великой Татаріи» Штраленберга (J. v. Strahlenberg) 1730 года названіе Mangazea придано небольшой рѣчкѣ, впадающей въ Тазовскую губу, и вмѣстѣ съ тѣмъ показана другая Mangazea, впадающая въ Тазъ съ правой стороны, недалеко отъ города Старой Мангазеи.

(Туруханa), *Монгамзея*, Лены и у Якутска. Еще болѣе точное указаніе на происхожденіе имени «Мангазея» дастъ разсматриваемое нами сказаніе, именно названіе народа «Молгонзѣи». Въ статьѣ Ѳирсова оно уже передѣлано въ «Монгонзѣи», въ спискѣ изъ собр. Унковскаго даже въ «Монгазеи», а отсюда до «Мангазеи» очень недалеко, и передѣлка вполнѣ соотвѣтствуетъ духу русской фонетики. Но что это за народъ «Молгонзѣи»

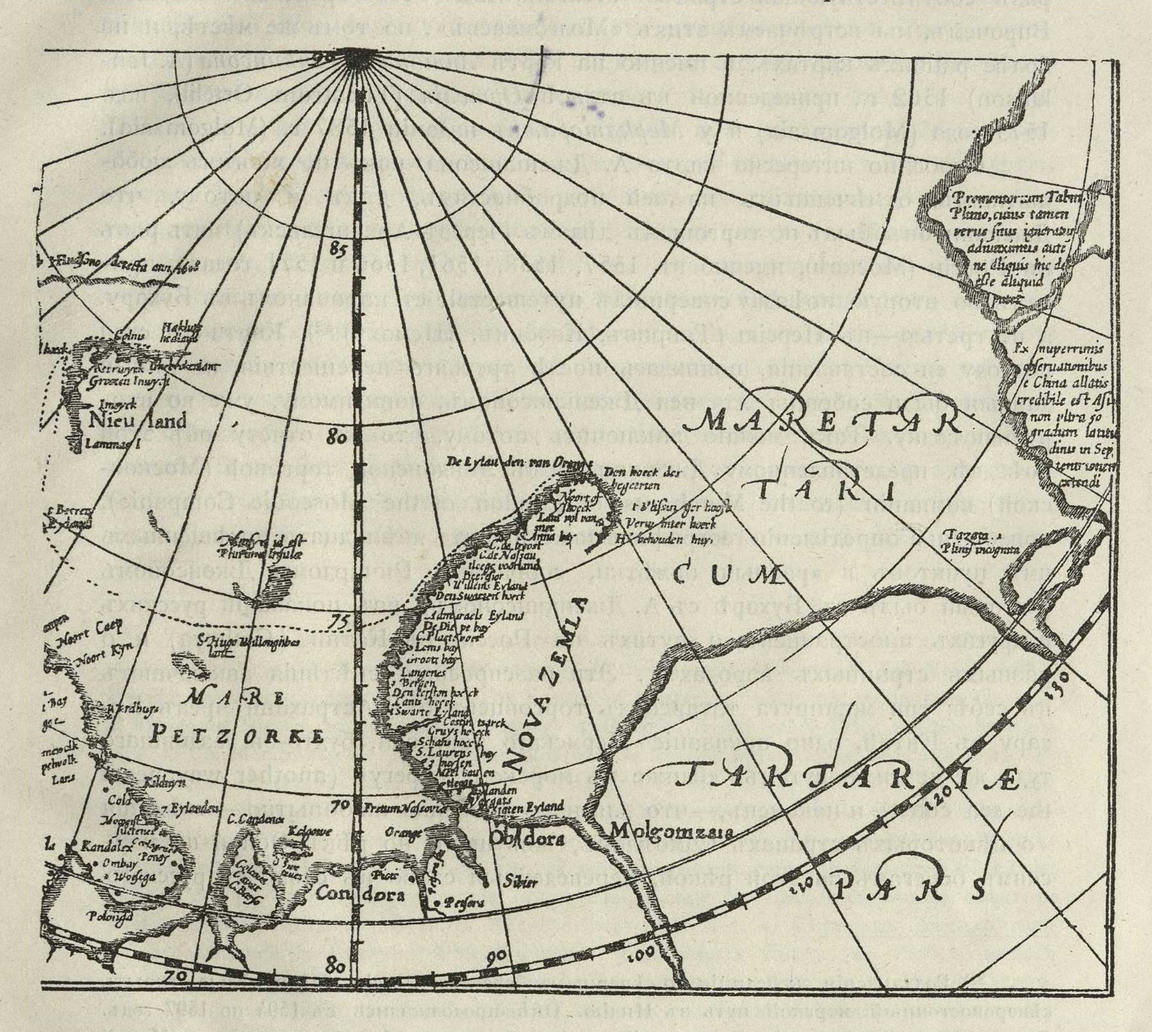

рис. II.

Часть карты къ третьему путешествію Баренца, опубликованной въ 1598 г. и перепечатанной, почти безъ измѣненій, Понтаномъ, въ 1611 г. На картѣ видны: Nova Zemla (восточный берегъ которой оставался еще неизслѣдованнымъ), страны Condora, Obdora и *Molgomzaia*.

и существовалъ ли онъ въ дѣйствительности? Въ пользу дѣйствительнаго существованія такой страны и народа говорятъ многія иностранныя карты конца XVI и XVII вѣка, въ томъ числѣ карта голландскаго морехода *Баренца*, участвовавшаго въ трехъ экспедиціяхъ къ русскимъ берегамъ Ледовитаго моря и Новой земли и впервые нанесшаго ихъ маломальски удовлетвори-

тельно на карту [81]). На этой картѣ, опубликованной въ 1597 г., обозначенъ довольно вѣрно Лапландскій полуостровъ, Бѣлое море, западный берегъ Новой земли, устье Печоры и указаны прилегающія страны. Къ западу отъ Печеры показана Condora, къ востоку, по берегу Карскаго моря, до Оби — Obdora, а за Обью помѣщена — *Molgomzaia*, область какъ разъ соотвѣтствующая странѣ «Молгонзѣевъ» Новгородскаго сказанія. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ этихъ «Молгомзаевъ», на томъ же мѣстѣ, и на болѣе раннихъ картахъ, а именно на картѣ *Антона Дженкинсона* (A. Jenkinson) 1562 г., приведенной въ атласѣ *Ортелія* (Theatrum Ortelii), изд. 1573 года (Molgomsaia) и у *Меркатора*, въ изданіи 1587 г. (Molgomzaia).

Особенно интересна карта А. Дженкинсона какъ по многимъ любопытнымъ, отмѣченнымъ на ней подробностямъ, такъ и потому, что Дженкинсонъ былъ по торговымъ дѣламъ (черезъ Архангельскъ) пять разъ въ Россіи (Москвѣ), именно въ 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571 годахъ, причемъ во вторую поѣздку совершилъ путешествіе съ караваномъ въ Бухару, а въ третью—въ Персію (Тавризъ, Казбинъ, Шемаху) [82]). Карта его, судя по году ея составленія, появилась послѣ третьяго путешествія, но многія данныя были собраны для нея Дженкинсономъ, повидимому, уже во вторую поѣздку. Такъ можно заключить потому, что къ отчету объ этой поѣздкѣ, представленному Дженкинсономъ Лондонской торговой (Московской) компаніи (to the Merchants of London of the Moscouie Companie), приложены: опредѣленія географическихъ широтъ двѣнадцати посѣщенныхъ имъ пунктовъ и «разныя замѣтки, собранныя Ричардомъ Джонсономъ (который былъ въ Бухарѣ съ А. Дженкинсономъ), изъ показаній русскихъ и другихъ иностранцевъ, о путяхъ по Россіи въ Катай (Cathaya) и о разныхъ странныхъ народахъ». Эти разспросныя свѣдѣнія заключаютъ въ себѣ: три маршрута татарскихъ торговцевъ отъ Астрахани чрезъ Бухару въ Китай, одно показаніе Пермскаго торговца, будто-бы ѣздившаго туда же другимъ путемъ, «ближе къ морскому берегу» (another way neere the sea coast), и наконецъ,—что для насъ особенно любопытно,—свѣдѣнія «о нѣкоторыхъ странахъ Самоѣдовъ, живущихъ по рѣкѣ Оби и по морскимъ берегамъ за этой рѣкой, переведенныя слово въ слово съ русскаго

[81]) Голландскія экспедиціи по сѣвернымъ берегамъ Россіи имѣли цѣлью открыть сѣверовосточный морской путь въ Индію. Онѣ продолжались съ 1594 по 1597 годъ. Въ послѣднюю экспедицію Баренцъ (Barendsz) вынужденъ былъ зазимовать на Новой Землѣ, гдѣ и скончался. Карта Баренца была перепечатана, почти безъ измѣненій, въ сочиненіи *Pontanus,* Rerum et urbis Amstelodamensium historia, Amst. 1611, а оттуда заимствована Норденшильдомъ, приложившимъ ее къ описанію своей экспедиціи на «Вегѣ». Любопытно, что уже на картѣ Fra Mauro, 1459 г., за Перміей, въ «region de tenebre» означена какая-то страна «Mechon».

[82]) Антонъ Дженкинсонъ былъ въ Россіи сначала въ качествѣ агента Лондонской торговой компаніи, основанной Себ. Каботомъ, а затѣмъ—въ качествѣ посла королевы Елисаветы для улаженія торговли Россіи съ Англіей. Свѣдѣнія объ его поѣздкахъ и библіографическія данныя о нихъ приведены у Аделунга (Adelung, «Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. Bd. I. 1846. S. 214—220).

языка». Страны эти,—говорится далѣе,—«были посѣщены однимъ Рускимъ, родомъ изъ Холмогоръ, по имени Ѳедоромъ Товтыгинымъ, который, какъ говорятъ, былъ убитъ въ свою вторую поѣздку, въ одной изъ сказанныхъ странъ» [83]). Очевидно, переведенныя Джонсономъ данныя были заимствованы имъ изъ какого-то русскаго источника, и повидимому, судя по приведеннымъ извлеченіямъ, изъ той же самой статьи «о человѣцѣхъ незнаемыхъ», которая служитъ предметомъ и нашего разбора. Такъ можно заключать по началу извѣстія: «Въ восточной странѣ (upon the East part), за Югорскою землею, рѣка Обь составляетъ ея самую западную часть. По берегу моря живутъ Самоѣды и страна ихъ называется *Молгомзей* (Molgomsey); они питаются мясомъ оленей и рыбъ, а иногда и ѣдятъ другъ друга». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе того, какъ они убиваютъ дѣтей, чтобы угостить приходящихъ къ нимъ торговцевъ, какъ они не хоронятъ мертвыхъ а ѣдятъ ихъ, а далѣе слѣдуетъ описаніе ихъ наружнаго вида, ихъ ѣзды на собакахъ и оленяхъ и ихъ торга соболями. Слѣдующія два извѣстія тоже соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени приводимымъ въ разбираемой, нами статьѣ, хотя они нѣсколько сокращены и именно (какъ увидимъ далѣе) въ нихъ пропущено то, что представляется болѣе невѣроятнымъ или преувеличеннымъ. Дальнѣйшія извѣстія однако не приведены, отчасти, можетъ быть вслѣдствіе ихъ еще большей невѣроятности, а отчасти и потому, что̀ иныя изъ нихъ касаются уже странъ, лежащихъ вверху Оби, и слѣдовательно не имѣющихъ отношенія къ тѣмъ, о которыхъ сообщалъ

---

[83]) Отчеты Дженкинсона приведены въ сборникѣ Гаклюйта *(Hakluyt's*, «Collection of the early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation», N. Ed. Vol I. 1809). Второе путешествіе озаглавлено: «The Voyage of Master A. Jenkinson, made from the citiè of Mosco in Russia, to the citie of Boghar in Bactria, in the yeere 1558; written by himselfe to the Merchants of the Moscouie Companie». Третье путешествіе описано подъ заголовкомъ: «A compendious and briefe Declaration of the Iourney of M. Anth. Jenkinson from the famous citie of London into the land of Persia, passing in this same iourney thorow Russia, Moscouia and Mare Caspium, alias Hircanum, sent and imployed therein by the right worshipfull Societie of the Merchants Aduenturers for discouerie of Lands, Islands etc. Во второмъ путешествіи приведены, между прочимъ, интересныя свѣдѣнія о Ногайцахъ, Татарахъ, Бухарѣ, Каспійскомъ морѣ и т. д. Спутникъ Дженкинсона (въ его поѣздкѣ въ Бухарію) Рич. Джонсонъ участвовалъ также (въ 1556 г.) вмѣстѣ съ Барро (Steuen Burrowe) въ экспедиціи къ островамъ Вайгачу и Новой Землѣ, причемъ ознакомился тамъ съ Самоѣдами, какъ то видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ имъ Рич. Ченслеру (Chancelor) и помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ Гаклюйта, I, стр. 316—318.— Карта Дженкинсона, въ «Theatrum *Ortelii*» 1573, озаглавлена: «Tartaren oder Grossen Chams Lender»; та же карта, безъ измѣненій, въ 3-мъ изданіи 1684 года. По словамъ Аделунга, карта Дженкинсона была издана еще съ дополненіями въ атласѣ Ванъ-деръ-Аа: «Carte du voyage par terre et par mer fait par A. Jenkinson d'Astracan vers la Tartarie et an retour jusques dans Moscou etc. въ «Atlas nouveau et curieux etc., Leyde, par Pierre Van-der-Aa». Упомянутыя въ текстѣ свѣдѣнія о Самоѣдахъ озаглавлены у Дженкинсона такъ: «Here follow certaine countrey of the Samoeds which dwell vpon the riuer Ob, and vpon the sea coasts beyond the same, taken out of the Russe tongue word by word ant trauailed by a Russe born in Colmogro, whose name war Pheodor Towtigin, who by report, was slane in one of the sad countreys».

Джонсонъ въ своемъ письмѣ къ Ченслеру. Какъ бы то ни было, есть серьезное основаніе думать, что Джонсонъ ознакомился, непосредственно или при помощи какого нибудь Русскаго, съ разбираемою нами статьей, и что упомянутый имъ житель Холмогоръ, Ѳедоръ Товтыгинъ, былъ, можетъ быть, именно составителемъ статьи «о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ» [84]).

Что «Молгомзеи» были извѣстны по слухамъ Англичанамъ въ XVI вѣкѣ, доказываетъ еще инструкція, данная сэромъ Роулендомъ Гайвардомъ и Дж. Бэрномъ, директорами англійской купеческой компаніи для открытія новыхъ торговъ, — Артуру Пету и Чарльзу Джекману, отправленнымъ въ морскую экспедицію для открытія Катая въ 1580 г. Въ этой инструкціи говорится, между прочимъ, что если имъ придется зазимовать въ устьѣ Оби или около него и они встрѣтятся тамъ съ туземцами, «Самоѣдами, Юграми или *Молгомзеями*», то съ ними слѣдуетъ обращаться ласково, вывѣдать, кто ими владѣетъ, доставить ему одну изъ королевскихъ грамотъ, вступить съ ними въ торговый обмѣнъ и т. д. [85]). Тоже названіе «Molgomzaia» встрѣчается на многихъ картахъ XVII в., напр. у Blaeu (Geographia Blaviana), 1668, въ атласѣ Сансона 1683 г., у Витзена и др. [86]). Въ «Geographia Blaviana» объ этихъ «Молгомзеяхъ» приводится даже одна черта изъ ихъ религіознаго быта, именно, что они поклоняются солнцу или развернутому красному знамени, — черта, которая, впрочемъ, на картѣ Дженкинсона пріурочена, какъ увидимъ далѣе, не къ Молгомзеямъ, а къ народамъ, жившимъ далѣе за ними. Какъ бы то ни было,

---

[84]) Указанное мѣсто, въ изложеніи Джонсона, читается такъ: «Upon the East part beyond the countrey of Vgori, the riuer Ob is the most Westermort part thereof. Vpon the sea coast dwell Samoeds, and their countrey is called Molgomsey, whose meate is flesh of Olens or Harts, and Fisch, and doe eate one another sometimes among themselves» и т. д. *Hackluyt*. I, p. 377.

[85]) Инструкція эта озаглавлена: «Commission given by sir Rowland Hayward knight and George Barne, Aldermen and Governours of the Company of English Merchants, for discovery of new Trades, vnto Ar. Pet, and Charles Jackman, for a voyage by them to be made for discovery of Cathay, 1580». Въ инструкціи говорится между прочимъ: «....We wish then that the same your wintering place may be in the riuer of Ob, or ar neere the same riuer as you canand finding in such wintering place people, be they Samoeds, Jowgorians, or *Molgomʒes* etc. doe you gently entreat with them» и т. д. Подъ Катаемъ разумѣлся въ тѣ времена Китай, о городахъ котораго, Cambalu (или Кимбаликъ = Пекинъ) и Quinsay, было извѣстно изъ путешествія Марка Поло и другихъ.

[86]) Ср. карты: *Меркатора*, 1587 г. (копія ея у Witsen'a), также—въ атласѣ изд. 1593 г. Атласъ Сансона я имѣлъ въ изданіи: «Geographishe en historische Beschryvingh der Werelds-Deelen etc. dvor de *Hr. Sanson d'Abbeville*, verstaeld etc. door S. de Urdes, Utrecht. 1683 г. 4⁰. Здѣсь, на картѣ «La grande Tartarie», весьма впрочемъ невѣрной, показана страна Molgamzaia, но города Мангазеи нѣтъ. На другой картѣ Сансона, изданной Шенкомъ («Russiae Albae sive Moscoviae Delineatio geographica»), — наоборотъ, означенъ г. Мангазея (на р. Тазѣ), но страны Molgomzaia нѣтъ. Вмѣсто нея стоитъ названіе «Manamo», а по сю сторону Таза, между нимъ и Обью — «Hasiaied», по всей вѣроятности — Хазово, названіе Самоѣдовъ, которые впрочемъ показаны также по сю сторону Оби, какъ «Samoiedes.»

не подлежитъ сомнѣнію, что страна по ту сторону Оби и населяющій её народъ были дѣйствительно извѣстны въ XVI—XVII вв. подъ именемъ: Molgomsey, Molgomzaia, Molgomsai, Молгонзѣи, Малгоньзѣи, Мангонзѣи,— названіе, которое было перенесено и на прилегающую часть Ледовитаго океана (Mare tartaricum olim Mare glaciale; Mangaseiche Zee; Мангазейское море), а также и на основанный въ этой странѣ русскій городъ, только подвергшись передѣлкѣ въ Мангазею [87]).

По своему происхожденію, слово «Молгонзѣи», повидимому, самоѣдское, юрацкое. Названія Кондорія, Обдорія объясняются изъ зырянскаго языка и означаютъ устье (страна при устьѣ) Конды, устье Оби. Но словъ «молгонзѣи», «молгонъ» или «малгон» въ зырянскомъ языкѣ не существуетъ; по крайней мѣрѣ я ихъ не встрѣтилъ въ имѣющихся спискахъ зырянскихъ словъ Савваитова и Кастрена. Наоборотъ, окончаніе на *зеи* или *зѣи* встрѣчается въ названіяхъ самоѣдскихъ родовъ; такъ, среди Архангельскихъ, лѣсовыхъ родовъ есть родъ Хатанзеи или Хатанзей (по Иславину, изъ лѣсовыхъ — самый большой родъ) [88]). Съ другой стороны, слово «молгон» или «малгон», повидимому, соотвѣтствуетъ словамъ *mâl* — «конецъ», «mâlhana» — конечный, краевой, приводимымъ Кастреномъ въ его спискѣ юрацко-самоѣдскихъ словъ [89]). Юраками называется самоѣдское племя, живущее и теперь еще между Обью и Енисеемъ и отличаемое какъ ими самими, такъ и всѣми сосѣдними народами отъ остальныхъ Самоѣдовъ по типу, языку и характеру. Если указанное нами сопоставленіе возможно (а оно невольно напрашивается), то «молгонзѣи» будетъ значить: «конечные», «краевые», т.е. живущіе на краю земли, на краю свѣта, именно на окраинѣ прочихъ Самоѣдскихъ племенъ. Это и примѣнимо къ Юракамъ, кочевья которыхъ простираются на сѣверъ до моря, а на востокъ соприкасаются съ кочевьями Тунгузовъ.

Такимъ образомъ, первое извѣстіе Новгородскаго сказанія оказывается справедливымъ. Народъ Молгонзѣи, дѣйствительно, существовалъ, и подъ нимъ слѣдуетъ, очевидно, разумѣть Самоѣдовъ-Юраковъ [90]). Обра-

---

87) Витзенъ производилъ даже названіе города Мангазеи отъ Мангазейскаго моря: «Обь впадаетъ въ Океанъ или въ Сибирское Мангазейское холодное море (Siberische Mangaseische Koude Zee), откуда городъ Мангазея получилъ свое названіе. Городъ этотъ стоитъ на р. Мангазеѣ, изливающейся въ море...» На картѣ Штраленберга названіе Mare Mangazeysco придано Тазовской губѣ и ближайшей части Карскаго моря.

88) *Иславинъ*, Самоѣды. Спб. 1847, стр. 135.

89) *Castren*. Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen, bearb. v. Schiefner. St.-Pet. 1855. S. 40.

90) На картѣ Ѳедора Борисовича (изд. Герардомъ) — страна «Molgomsaia» не показана, но на ней не означенъ и городъ Мангазея, а на мѣстѣ его надписано только: «Тазовскій городокъ». На Сибирскомъ Чертежѣ Ремезова, на которомъ обозначены какъ Старая, такъ и Новая Мангазея, вмѣсто Молгонзѣевъ стоитъ — «немирная самоѣдь юрацкая». Повидимому, съ основаніемъ Мангазеи названіе народа Молгонзѣи стало выходить изъ употребленія и смѣнилось названіемъ Юраки. Юрацкое племя долго было «немирнымъ» и подверглось окончательному усмиренію, сравни-

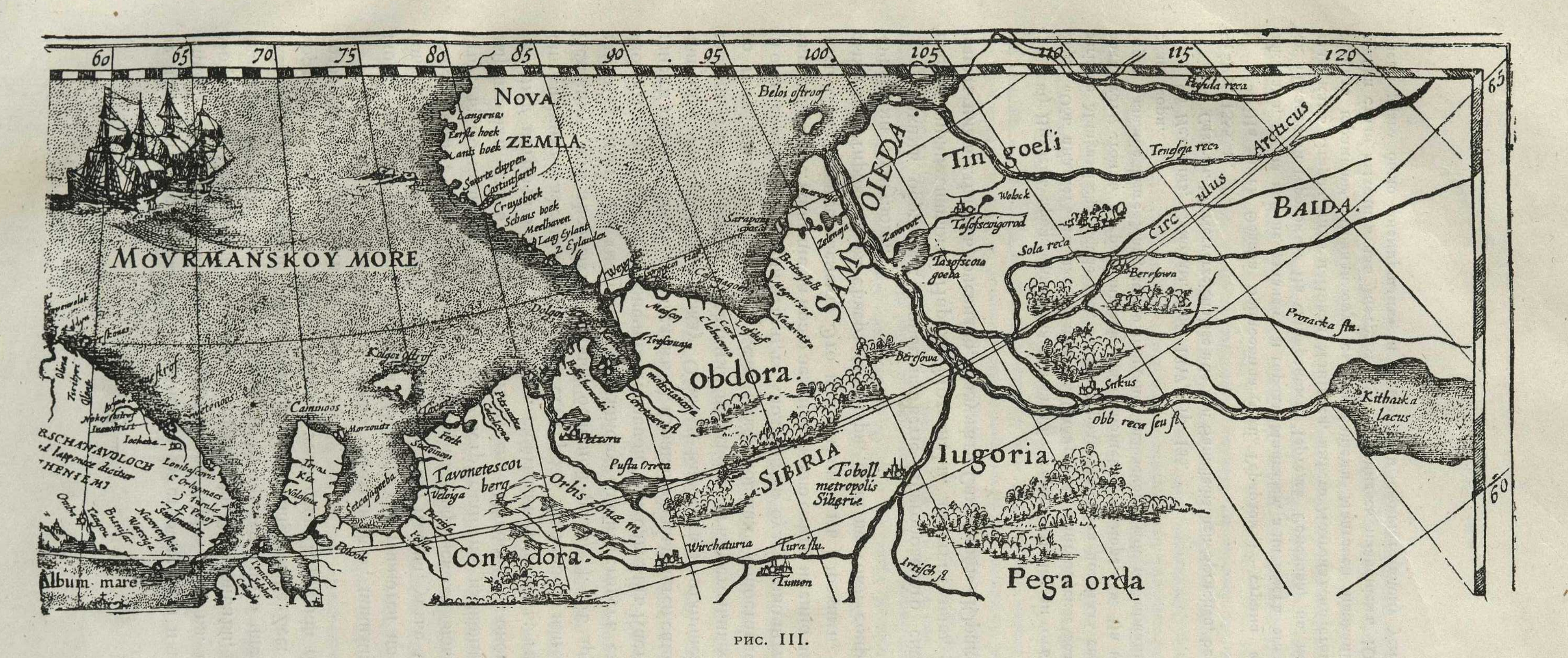

рис. III.

ЧАСТЬ КАРТЫ ѲЕДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА,

доп. и изд. Герардомъ въ 1614 г.,

съ показаніемъ земель на сѣверѣ Россіи отъ Бѣлаго моря до Оби и далѣе.

тимся теперь къ характеристикѣ этого народа, приведенной въ сказанiи. «А ядь ихъ мясо оленье да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ; а гость къ нимъ откуда прiидетъ, и они дѣти свои закалаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ; а который гость у нихъ умретъ, и они того снѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ таможъ». Что самоѣды питаются оленьимъ мясомъ и рыбой, это извѣстно всѣмъ; но чтобы они были людоѣдами, это можетъ казаться сомнительнымъ. Новѣйшiе писатели (съ XVIII вѣка) большей частью даже категорически опровергаютъ, чтобы Самоѣды были людоѣдами и чтобы ихъ названiе было вызвано именно этимъ обстоятельствомъ. Лербергъ производилъ слово «самоѣдъ» отъ «семгоѣдъ». Бѣлявскiй объяснялъ его, какъ русскiй переводъ самоѣдскаго родоваго названiя Хасово (отъ *хазъ* — самъ и *ово* — одинъ), т. е. «самъ-одинъ» или «самъединъ»; большинство однако, слѣдуя Фишеру, принимаютъ, что это названiе — финское и соотвѣтствуетъ лопарскому Same-jedne, прилагаемому Лопарями къ обозначенiю своей земли (ср. Suomi, Häme, Сумь, Ямь). Полагаютъ, что Русскiе изъ этого слова сдѣлали Самоядь, считая сперва Лопарей и Самоѣдовъ за одно племя или что «не зная обитателей сѣвернаго прибрежья подъ собственнымъ ихъ названiемъ, они назвали ихъ Самоѣдами отъ лопарскаго названiя Самоянда», узнаннаго ими, можетъ быть, отъ Кареловъ. Но нѣкоторые сомнѣваются и въ этомъ объясненiи, считая его мало вѣроятнымъ [91]). Какъ бы то ни было, названiе это было извѣстно уже Плано Карпини, который передаетъ его въ формѣ Samogeti и разсказываетъ со словъ Татаръ, что они живутъ только звѣроловствомъ, а шатры свои и одежду дѣлаютъ изъ звѣриныхъ шкуръ. Плано Карпини, впрочемъ, не упоминаетъ о людоѣдствѣ «Самогетовъ», но представленiе о существованiи гдѣ-то на сѣверѣ антропофаговъ идетъ со временъ глу-

---

тельно недавно, въ XVIII в. Вмѣсто «юраки» на старинныхъ русскихъ картахъ (XVIII в.) встрѣчается также нерѣдко названiе «юраты». Такъ, въ «Атласѣ, сочиненномъ къ пользѣ и употребленiю юношества и всѣхъ читателей вѣдомостей и историческихъ книгъ.» Спб. 1737, — за Обьскою губою показаны «Юраты»; на картѣ, представляющей часть сѣверной Росс. Имперiи отъ устьевъ р. Енисея, до начала Бѣл. моря», сост. Трускотомъ (въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ) — «Самоѣдь юратская».

[91]) Въ упомянутыхъ ранѣе свѣдѣнiяхъ о самоѣдскихъ странахъ, заимствованныхъ изъ русскаго источника Рич. Джонсономъ (спутникомъ Дженкинсона), о людоѣдствѣ Самоѣдовъ говорится совершенно въ тѣхъ же выраженiяхъ, что и въ разбираемой нами статьѣ. «And if any Marchants come vnto them, then they kill one of their children for their sakes to feast them withall. And if a Marchant chance to die with them, they burie him not, but eate him, and so doe they eate them of theire owne countrey likewise». Производство Лербергомъ слова «самоѣдъ» отъ «семгоѣдъ» можетъ быть нѣсколько оправдано стариннымъ названiемъ самоѣдовъ у Плано Корпини и Герберштейна: «Samogeti», «Samoged». Джонсонъ (1556) и Флетчеръ (1558) пишутъ однако уже «Samoeds» и «Samoites», Олеарiй — «Samoieden». — Мнѣнiе *Бѣлявскаго* см. въ его книгѣ: «Поѣздка къ Ледовитому морю» М. 1833, стр. 154. — О различныхъ толкованiяхъ имени «Самоѣдъ»: *Огородниковъ*, Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей съ ихъ притоками по Книгѣ Большаго Чертежа, въ «Зап. Геогр. Общ. по отд. Этнографiи». Т. VII. 1877, также у *Замысловскаго*, «Герберштейнъ», и т. д. На картѣ Штраленберга встрѣчаются и Samogedae и Samojedae, а между Тазомъ и Енисеемъ—Samojèdae montani.

бокой древности. Они упоминаются, какъ извѣстно, уже у Геродота въ числѣ народовъ, живущихъ гдѣ-то за Скиѳами. Позже, съ расширеніемъ предѣловъ извѣстнаго міра, мѣстообитаніе ихъ (какъ и людей съ песьими головами) переносилось все далѣе—къ сѣверу и востоку; русскіе же люди, повидимому, съ давнихъ поръ, отождествили ихъ съ Самоѣдами. Извѣстіе о людоѣдствѣ Самоѣдовъ мы встрѣчаемъ уже у Герберштейна; упоминая о Samoged, онъ добавляетъ: «т. е. сами себя ядущіе»; «эти племена, говоритъ онъ, дики и избѣгаютъ сообщества съ другими людьми». Р. Джонсонъ, познакомившійся въ 1556 г. съ Самоѣдами, жившими при устьѣ р. Печоры, замѣчаетъ, что эти Самоѣды находятся въ подданствѣ у русскаго государя, что они занимаются много колдовствомъ и хорошо стрѣляютъ изъ луковъ. Къ северовостоку отъ Печоры, на о-вѣ Вайгачѣ, — продолжаетъ Джонсонъ, — живутъ «дикіе Самоѣды, которые не дозволяютъ приставать къ острову Русскимъ, но убиваютъ и съѣдаютъ ихъ, какъ намъ разсказывали Русскіе». «Самоиты (Samoits) — говоритъ Флетчеръ, — носятъ такое названіе (по словамъ Русскихъ) отъ того, что они ѣдятъ самихъ себя, ибо въ прежнее время они жили какъ людоѣды и ѣли другъ друга. Что это вѣроятно, можно заключить изъ того, что они и теперь еще ѣдятъ всякое сырое мясо, даже падаль, валяющуюся въ ямахъ. Но сами Самоѣды производятъ свое названіе отъ «самые» (samoie), считая себя коренными жителями своей страны, никогда не мѣнявшими своей родины». Петрей (1620) сообщаетъ, что за страной Печерой, миляхъ во ста къ сѣверу, къ Ледовитому морю, «живутъ народы, которыхъ Русскіе называютъ «Samiedi». Это — люди, пожирающіе самихъ себя». (Es ist ein solch Volck, das sich selber frist). Олеарій говоритъ, что Русскіе назвали Самоѣдовъ такъ потому, что «они (Самоѣды) дѣйствительно ѣли человѣческое мясо и даже тѣла своихъ умершихъ друзей, которыя они смѣшивали и ѣли съ дичиной». Мейербергъ тоже упоминаетъ о людоѣдствѣ Самоѣдовъ, ссылаясь при этомъ на Олеарія [92]). Въ русскихъ описаніяхъ Сибири и ея «звѣрообразныхъ» людей, довольно многочисленныхъ въ космографіяхъ XVII вѣка, о людоѣдахъ однако не упоминается, а говорится только, что Вогуличи, Остяки, Самоядь, Лопане, Тунгусы и проч.... «аще и подобни образомъ человѣкомъ, но нравомъ и житіемъ подобни звѣрямъ» или «живутъ въ лѣсахъ и въ земли яко звѣри, нравомъ же зѣло люти» [93]). Но преданія о людоѣдствѣ Самоѣдовъ въ прежнія времена еще сохранились у Вогуловъ и Остяковъ. Въ былинахъ ихъ разсказывается о борьбѣ ихъ прежнихъ богатырей съ самоѣдскими, причемъ богатыри эти, будто-бы, не только убивали другъ друга, но и ѣли

---

[92]) *Herberstein*, русск. пер. Анонимова, стр. 124; Джонсонъ и Флетчеръ—у Hakluyt, I, 317, 555; *Olearius*, Relation, 1679 p. 125; *Petrejus*, Von dem Groszfürstenthum Muschkow»; 1620, S. 85; *Mayerberg*, II, 99.—«Samogedi» показаны на картѣ Меркатора (1587—1595 гг.). съ надписью: «id est se mutuo comedentes», и въ «Geographia Blaviana», 1662, съ объясненіемъ: «Mecreti ac Samojedi, quos latine dicas semetipsos devorantes».

[93]) *А. Поповъ* «Изборникъ». Статья «О Сибирскомъ царствѣ», изъ хронографа И. Пуб. библ. (Л. F. IV. № 165); см. еще тамъ-же— стр. 528.

печень и пили кровь своихъ враговъ [94]). Эти разсказы могутъ впрочемъ относиться къ временамъ стародавнимъ, миѳическимъ, но у Остяковъ (и самихъ Самоѣдовъ) сохранились еще другіе, болѣе реальные разсказы, относящіеся ко временамъ сравнительно недавнимъ, историческимъ, даже, можно сказать, новѣйшимъ. Вотъ что мы читаемъ у Кушелевскаго [95]). «Остяки называютъ Самоѣдовъ — *орхой* (дикій человѣкъ). Въ преданіяхъ Самоѣдовъ и Остяковъ еще по настоящее время сохранилось въ памяти слѣдующее обыкновеніе самоѣдскихъ предковъ. Удрученный лѣтами Самоѣдинъ, когда чувствовалъ себя неспособнымъ къ промысламъ и ѣздѣ на оленяхъ, тогда жизнь свою считалъ въ тягость себѣ и своему потомству. Вслѣдствіе этого и вслѣдствіе убѣжденія, что въ загробной жизни онъ можетъ быть купцомъ, приказывалъ себя убить въ честь счастливой жизни своего потомства, а тѣло свое съѣсть. Этотъ обрядъ отцеубійства исполняли дѣти при шаманствѣ съ особеннымъ благоговѣніемъ и тѣло съѣдали. Остяки, видя такое ихъ варварское обыкновеніе, назвали Самоѣдовъ орхой, дикимъ человѣкомъ, и во время оно, когда Остяки въѣзжали къ нимъ въ тундру для торговли, то приказывали Самоѣдамъ, при встрѣчѣ съ собою, падать на колѣни, кланяться въ землю и не смотрѣть на себя до тѣхъ поръ, пока не позволятъ. Входя въ самоѣдскіе чумы, приказывали постилать себѣ подъ ноги оленьи кожи и по нимъ входили. Не дотрогивались къ самоѣдской одеждѣ и къ вещамъ ихъ, а если которыя брали изъ рукъ ихъ, то чрезъ огонь. Обкуривали вещи бобровою струею, которая, по понятію Остяковъ, очищаетъ все отъ всѣхъ нечистотъ. Въ преданіяхъ Остяковъ сохранилась еще быль, какъ одного казачьяго сотника Какаулина, пріѣхавшаго къ Самоѣдамъ за сборомъ ясака, самоѣдскій старшина, желая угостить прилично, позвалъ къ себѣ въ чумъ и при Какаулинѣ приказавъ своей младшей дочери раздѣться, показалъ ему тѣло ея, которое было жирное и бѣлое. Послѣ этого тотчасъ убилъ дочь свою и, отрѣзавъ у нея груди, вынулъ сердце, положилъ то и другое въ котелъ и сталъ варить на тотъ предметъ, чтобы этимъ лакомствомъ поподчивать Какаулина, но тотъ, испугавшись, убѣжалъ изъ чума и болѣе къ Самоѣдамъ за сборомъ ясака не пріѣзжалъ, а поручилъ таковой производить остяцкому князцу. — Изъ этихъ преданій можно заключить, что Самоѣды получили названіе свое отъ русскихъ казаковъ собственно потому, что сами себя ѣли и не удивительно, что они считаютъ это слово браннымъ. Еще недавно былъ такой случай: лѣтъ 15-ть тому назадъ (т. е. въ началѣ 50-хъ годовъ), Самоѣдъ, руководясь убѣжденіями своихъ предковъ, съѣлъ свою мать,

---

[94]) Н. Л. Гондатти записалъ у Маньзовъ преданіе, что богатыри ихъ (*похатуръ* или *одыръ*) отличались громадной силой и, убивая своихъ противниковъ, всегда ихъ скальпировали... Убивъ врага, они всегда съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ. См. *Гондатти*. «Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибири», стр. 360.

[95]) *Кушелевскій*. Сѣверный полюсъ и земля Ялмалъ. Путевыя записки. Спб. 1868, стр. 52 слѣд.

старую и неспособную къ труду, за что судился и въ наказаніе содержался въ тобольскихъ арестантскихъ ротахъ. Преслѣдованія начальства давно искоренили между ними это варварство.... Но еще недавно были случаи, что Самоѣдинъ, убѣдившись, что жена родила ему дитя, не имъ прижитое, убивалъ его и выбрасывалъ на съѣденіе собакамъ. Наконецъ, не лишнимъ считаю разсказать объ одномъ случаѣ, доказывающемъ, что Самоѣды дѣйствительно сами себя съѣдали, и что поэтому и названіе имъ дано русскими казаками — «самоѣдъ» правильно. Остяки и Самоѣды долго между собою враждовали и ходили другъ на друга войною. Но когда Самоѣды убѣдились, что Остяковъ не въ состояніи были прогнать изъ своего отечества, то смирились передъ ними и въ клятву вѣчнаго мира и признаніе надъ собою владычества Остяковъ исполнили слѣдующій обрядъ: изъ среды своей, по жребію, избрали одного Самоѣда, убили его, сварили и съѣли. Послѣ срубили у лиственницы вершину и на оставшемся отрубкѣ поставили то корыто, изъ котораго ѣли человѣческое мясо. Этотъ обрядъ былъ вѣрнымъ ручательствомъ вѣчнаго между ними согласія, и эта лиственница еще по настоящее время существуетъ недалеко отъ Пашерцовыхъ юртъ и с. Обдорска».

Если исключить догадку Кушелевскаго о томъ, что слово «самоѣдъ» было придумано казаками (слово это существовало задолго ранѣе казачества), то сообщаемые имъ факты нельзя не признать возможными и вѣроятными. Кушелевскій занимался (по порученію Сидорова) изслѣдованіемъ путей отъ Печоры до Енисея, жилъ подолгу въ тундрѣ и могъ ознакомиться довольно хорошо какъ съ Остяками, такъ и съ Самоѣдами. Фактъ убіенія Самоѣдами въ прежнее время дряхлыхъ стариковъ не можетъ считаться невѣроятнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что этотъ обычай существуетъ еще кое-гдѣ и теперь у дикарей, а въ древнія времена исполнялся даже предками многихъ культурныхъ народовъ [96]). Но, если допустить даже, что всѣ эти разсказы были преувеличены и вымышлены Остяками, во всякомъ случаѣ остается фактъ, что они существуютъ и были въ обращеніи, а слѣдовательно могли дойти и до составителя Новгородскаго сказанія, который имѣлъ еще большія основанія имъ вѣрить, чѣмъ г. Кушелевскій. Такимъ образомъ и это извѣстіе сказанія оказывается вѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, основаннымъ на дѣйствительно ходившихъ разсказахъ.

Далѣе о тѣхъ же Молгонзѣяхъ говорится слѣдующее: «Сия же люди невелики возрастомъ, плосковиды, носы малы; но рѣзвы вельми и стрѣльцы скоры и горазды. А ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платье носятъ соболье и оленье. А товаръ ихъ соболи». Все это вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Малорослость сѣверныхъ народовъ, Лопарей и Самоѣдовъ

---

96) *Кулишеръ*, Очерки сравнительной этнографіи, Спб. 1887. Гл. IV: «Оставленіе на произволъ судьбы и убійство стариковъ»; *Andree*, Anthropophagie. 2 Ausgabe. 1887; *Каллашъ*, Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ, въ «Этнографическомъ Обозрѣніи». М. 1889, кн. 1, 2 и 3.

была извѣстна давно; первые дали поводъ къ возникновенію германскихъ (готскихъ) и финскихъ (карельскихъ) преданій о карликахъ, съ которыми приходилось бороться предкамъ Германцевъ и Карелъ [97]. Позже, когда пришлось убѣдиться, что Лопари, хоть и не велики ростомъ, но все-таки не пигмеи, настоящихъ пигмеевъ стали помѣщать за Лопарями, на самомъ крайнемъ сѣверѣ и наконецъ въ Гренландіи. (Павелъ Іовій, 1525; Olaus Magnus, 1567) [98]. Что касается Самоѣдовъ, то они въ прежнее время представлялись часто тоже карликами, какъ то доказываютъ изображенія ихъ у старинныхъ путешественниковъ, напримѣръ у Мартиньера [99]. Въ дѣйствительности, Самоѣды, хотя и не карлики, но все таки — малорослы Средній ростъ 17-ти взрослыхъ Мезенскихъ Самоѣдовъ былъ найденъ. Н. Ю. Зографомъ — равнымъ 159 сант., т. е. ниже средняго. Юраки, по Третьякову, также «болѣе низкаго, чѣмъ средняго роста» и притомъ ниже Самоѣдовъ, хотя и лучше сложены [100]. Что касается «плосковидности» Самоѣдовъ, то она хорошо извѣстна. Большинство Самоѣдовъ выказываетъ монгольскія черты лица, т. е. широкія, выдающіяся скулы, плоское

рис. IV.
Старинное изображеніе Самоѣдовъ
(въ «Путешествіи» De la Martinière).

---

[97]) Пигмеи помѣщались классическими писателями въ тропическихъ странахъ Африки и Индіи; но въ Средніе вѣка ихъ стали искать въ Средней Азіи, на границахъ Китая (Каталонская карта, 1375), а арабы отождествляли ихъ съ Магогомъ (Мадшудшъ) и помѣщали гдѣ-то сѣвернѣе, въ пустынѣ.— Преданія о карликахъ приведены у Гримма, Нильсона и Кастрена.

[98]) *Pauli Jovii*, Libellus de legatione Basilii Magni: «Ultra Lapones in regione inter Corum et Aquilonem perpetua oppressa caligine, Pygmeos reperire.... nostratis pueri denum annorum mensurum vix excedant, meticulosum genus hominum»·... На картѣ Олая Великаго (у Норденшильда) на сѣверѣ Норвегіи, выше Lappia, показана Scriclinnia и поставлена надпись: «Hic habitant Pygmei vulgo Screlinger dicti».— На этой картѣ, видно, что Олай къ сѣверу отъ Норвегіи, въ недалекомъ разстояніи черезъ море, представлялъ себѣ Гренландію, которая по норвежскимъ сагамъ и была отечествомъ Скриклинговъ.

[99]) *De la Martinière*, Voyage des pays septentrionaux. Sec. edit. 1676., p. 249, 279, Ср. также снимки со старинныхъ изображеній Самоѣдовъ у Норденшильда, I. S. 88, 90.

[100]) *Петрей* (l. c., стр. 89) разсказываетъ, что по ту сторону Гиперборейскихъ горъ (Урала) — по словамъ ходившихъ туда Русскихъ, живутъ *пигмеи*, ростомъ не выше трехлѣтняго мальчика. Они по природѣ очень боязливы и говорятъ особымъ языкомъ, непонятнымъ ни для кого.

(не вогнутое) переносье и малый носъ, что̀ и дѣлаетъ ихъ лице болѣе плоскимъ, чѣмъ европейское [101]). «Рѣзвость», т. е. проворство движеній точно также приписывалась издавна какъ Лопарямъ, такъ и Самоѣдамъ, а равно и искусство стрѣлять быстро и ловко съ лука. Наконецъ, ѣзда на оленяхъ и на собакахъ и употребленіе соболинаго и оленьяго платья — черты характерныя для сѣверныхъ инородцевъ. Собственно самоѣдскій способъ ѣзды — на оленяхъ, а ѣзду на собакахъ ввели, повидимому, Остяки, но оба способа были съ давнихъ поръ въ употребленіи на сѣверѣ. Такъ, въ походъ 1499 года Русскіе встрѣтили югорскихъ князей на оленяхъ, и сами отъ Ляпина шли: «воеводы на оленяхъ, а рать на собакахъ» [102]). Что касается до соболей, то страна Молгонзѣевъ была первоначально очень богата ими. Это явствуетъ, между прочимъ, и изъ того, что одна рѣка, впадающая въ море между Обью и Енисеемъ, была названа «Собольною», какъ-то можно видѣть на Сибирскомъ Чертежѣ Ремезова, гдѣ, кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ — показаны (нарисованы) соболи и песцы [103]).

рис. V.
Старинное изображеніе Самоѣдовъ (По *Schleiszing*, 1693 г.; копія у Норденшильда).

Первое извѣстіе сказанія оказывается, слѣдовательно, вѣрнымъ или вѣроподобнымъ какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Нельзя повидимому, сказать того же о второмъ извѣстіи, о «линной самоѣди». «Въ той

---

101) Въ упомянутыхъ ранѣе свѣдѣніяхъ Джонсона разбираемое нами мѣсто статьи передано почти въ буквальномъ переводѣ: «They be euill of sight, and haue small noses, but they be swift and shoote very well, and they trauaile on harts and on dogges, and their apparell is Sables and Harts skinnes, they haue no Marchandise but Sables onely». По Флетчеру «the Samoites... are thought to have taken their beginning from the Tartar kinde. And it may partly bee gessed by the fashion of their countenance, having all broade and flat faces as the Tartars haue... They are all blake haired, naturally beardlesse».

102) По (Спасскому Списокъ съ чертежа Сибирской земли, прим. 33)—въ Туруханскѣ Русскіе «ѣздятъ и перевозятъ тяжести на собакахъ; отчасти служатъ къ тому и олени».

103) «Въ Туруханскомъ краѣ, по словамъ Третьякова, соболя еще въ 1812 — 1818 гг. было столь много, что жители не разъ видали его въ дворахъ и били палками; тогда добывалось этого звѣря отъ 6 до 9 тыс. штукъ въ годъ. Одни Тунгузы и Остяки вывозили изъ окрестностей Нижней Тунгузки до 4 тыс. соболей. Многіе Тунгузы имѣли собольи парки». Но съ 1818 г. соболь началъ исчезать. Въ началѣ 70-хъ годовъ Третьяковъ опредѣлялъ годовой промыселъ (въ Туруханскомъ краѣ) въ 180 соболей. Другія животныя, водившіяся въ этомъ же краѣ, дали поводъ къ названіямъ: р. Моржовка, р. Китовка, Сокольи Луды, Медвѣжій носъ.

же странѣ — иная самоѣдь такова же: линная словетъ. Лѣтѣ мѣсяць живутъ въ мори, а на сусѣ не живутъ того ради, занежъ тѣло на нихъ трескается. И они тотъ мѣсяць въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ вылѣсти». Дѣло идетъ о той же странѣ и даже, какъ будто, о той же самоѣди, но она отличается, какъ «линная», т. е. подверженная линькѣ, смѣнѣ кожи, которая на нихъ трескается, вслѣдствіе чего они это время «живутъ въ мори». Можно подумать, что въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду не люди, а какія-нибудь морскія животныя, въ родѣ тюленей или моржей. Смѣшеніе морскихъ животныхъ съ людьми вовсе не такая невѣроятная вещь; ему обязаны своимъ возникновеніемъ многочисленные миѳы о сиренахъ, нереидахъ, Мелузинѣ, «морскихъ людяхъ» и т. д., бывшіе распространенными не только въ древніе и средніе вѣка, но даже еще въ XVIII стол. [105]). Большинство этихъ чудовищъ пріурочивалось, правда, къ тропическимъ морямъ, но нѣкоторыя помѣщались и въ сѣверныхъ. У Плано Карпини встрѣчается извѣстіе, что Татары, во время своихъ походовъ, встрѣтили за Самогетами, въ странѣ у океана, какихъ-то чудовищъ, которыя имѣли во всемъ человѣческій видъ, только ноги у нихъ были бычьи, а лица собачьи; два слова произносили они по человѣчьи, а третье лаяли какъ собаки, и такимъ образомъ, вставляя по временамъ лай, но возвращаясь затѣмъ къ своей природѣ, они позволяли себя понять» [106]). На

---

[105]) См. *Grässe*, Von den Meermännern und Meerfrauen, въ его «Beiträge zur Literatur und Sage des Mittelalters». Dr. 1859. Также *Baring-Gould*, Curious Myths of the Middle Ages, 1874., глава XIX. Melusina.— Лютеръ разсказываетъ объ одной «морской дѣвицѣ», очень красивой, которая, будучи поймана, прижила съ однимъ матросомъ ребенка, но затѣмъ, когда корабль пришелъ снова на то мѣсто, гдѣ она была поймана, бросилась съ ребенкомъ въ воду и исчезла. Отъ 1618 г. сохранилось извѣстіе, что въ Ютландіи былъ пойманъ «Seemännchen» около 40 л., съ большой черной бородой, который, полежавъ нѣкоторое время на соломѣ, отправился въ церковь и молился тамъ, а затѣмъ исчезъ въ лѣсу. Еще въ 1832 г. показывали въ Лондонѣ, въ стеклянномъ ящикѣ, «морскую дѣвицу», которая оказалась однако, при ближайшемъ изслѣдованіи, искусственной чучелой, сложенной изъ верхней части тѣла обезьяны и хвостовой части большой рыбы. — У Baring-Gould приведена любопытная переписка по поводу рисунка одной рыбы, пойманной будто бы около Молукскихъ острововъ и помѣщеннаго въ сочиненіи *Fallours*, Poissons, écrevisses et crabes extraordinaires, que l'on trouve autour des Isles Moluques», Amst. 1717. Рыба эта, названная See-wyf (морская женщина) представляетъ родъ сирены, съ головою, руками и туловищемъ женщины и съ большимъ рыбьимъ хвостомъ. Рисунокъ этотъ, еще до выхода книги, былъ показанъ издателемъ ея, Ренаромъ (Renard) — «царю Московіи» (Петру), который заинтересовался рисункомъ и пожелалъ узнать подробности. Ренаръ обратился съ письмомъ по этому поводу къ пастору Валентину, жившему 30 лѣтъ въ Остъ-индскихъ колоніяхъ Голландіи. Тотъ, не имѣя возможности сообщить что-либо о данномъ рисункѣ, доставилъ однако свѣдѣнія о другихъ подобныхъ сирено-образныхъ людяхъ, видѣнныхъ въ индійскихъ моряхъ, и въ существованіи которыхъ онъ нисколько не сомнѣвался.

[106]) «Собраніе путешествій къ Татарамъ», изд. Языкова. Спб. 1825. *Плано Карпини*, стр. 158—159:... «venerunt ad quandam terram super Oceanum, ubi invenerunt quaedam monstra quae per omnia formam humanam habebant, sed pedes desinebant in pedes bovinos, et faciem per omnia habebant ut canis: duo verba loquebantur more humano

картѣ Олая Великаго (1567), въ моряхъ, омывающихъ Норвегію и Англію, также представлены разныя чудовища то съ большими зубами, топящія корабли, то съ лошадиной головой, съ тѣломъ змѣи, съ рогомъ на лбу и т. д. Герберштейнъ, со словъ какого-то русскаго дорожника, упоминаетъ о водящейся въ р. Тахнинѣ, гдѣ-то къ сѣверу отъ Лукоморья, рыбѣ, съ головою, глазомъ, носомъ, ртомъ, руками, ногами и пр., по виду совершенномъ человѣкѣ, но безъ голоса. Сомнительно однако, чтобы составитель разбираемаго нами сказанія смѣшалъ въ данномъ случаѣ людей съ морскими звѣрями. Описываемые имъ люди представляются «такою же» самоѣдью, которая живетъ въ морѣ только лѣтомъ, съ мѣсяцъ, а остальное время проводитъ «на сусѣ» [107]. Естественнѣе предположить, что данное извѣстіе основано на невѣрно понятомъ разсказѣ о лѣтнихъ перекочевкахъ Самоѣдовъ. Извѣстно, что Самоѣды, проводя большую часть года въ лѣсной области, гдѣ не такъ холодно, меньше мятелей и болѣе звѣря для охоты, перекочевываютъ лѣтомъ на сѣверъ, въ тундру, спасаясь отъ комаровъ и занимаясь отчасти промысломъ на морскаго звѣря и рыбу. «Нельзя себѣ представить, говоритъ Иславинъ, того множества комаровъ, которое бываетъ въ лѣтнее время въ тундрѣ, въ особенности въ лѣсистой ея части... Комары и овода такъ безпокоятъ оленей, что стада ихъ съ крикомъ бѣгаютъ вокругъ чумовъ и вскорѣ превращаютъ моховыя мѣста въ грязь; въ предупрежденіе этого, на лѣто отгоняютъ стада къ морю: ибо чѣмъ далѣе отъ лѣсовъ, тѣмъ становится прохладнѣе и начинаютъ мало-по-малу исчезать несносные комары и оводы...» «Весною самоѣдскіе роды (въ Архангельской губ., Пустозерскіе и Устьцылемскіе) выходятъ изъ лѣсовъ къ рѣкамъ Воркотѣ, Сіойдѣ и Хузьмору; къ Іюню и Іюлю приближаются къ рѣкамъ Карѣ и Коротаихѣ, а племя Ятуыссіи (отъ *ямъ* — море) для рыболовства и промысла морскихъ звѣрей переходитъ даже на островъ Вайгачъ; въ Августѣ и Сентябрѣ занимаются рыболовствомъ при озерахъ Балбанскомъ и Письемъ и охотою на песцовъ, въ особенности по хребту Ногосоты; къ зимѣ возвращаются въ лѣса». Подобнымъ же образомъ поступаютъ Обдорскіе Самоѣды. По Кушелевскому, они «лѣтомъ бродятъ вблизи моря, на полуостровѣ Ялмалѣ и т. д.; съ приближеніемъ осени, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, подходятъ съ своими стадами къ южнымъ частямъ Обской и Тазовской губы и р. Оби, и, какъ только станетъ ледъ въ Сен-

---

et tertio latrabant ut canis: et sic per intervalla temporum latratum interponebant; tum ad naturam suam redibant: et sic intelligi poterat quod dicebant». — Лербергъ видѣлъ въ этихъ чудовищахъ моржей. — Петрей приводитъ слухи, что около страны Лукоморья живутъ разные звѣрообразные люди: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ головы, какъ у собакъ или волковъ».

[107]) У Джонсона разбираемое нами мѣсто передано такъ: «Item, on the same coast or quarter beyond those people, and by the sea side also doth dwell another kinde of Samoeds in like manner, hauing another language. One moneth in the yeere they liue in the sea, and doe not come or dwell on the dryland for that moneth». — Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія, напр. Софійскомъ, Бѣляевскомъ, этотъ разсказъ опущенъ, можетъ быть, по его кажущейся невѣроятности.

тябрѣ, тотчасъ переходятъ на противоположный берегъ, гдѣ уже находятся небольшіе перелѣски, и чѣмъ сильнѣе дѣлается морозъ, тѣмъ скорѣе стараются попасть въ густые лѣса и среди нихъ распространяютъ свои кочевья все южнѣе и южнѣе до предѣловъ Сургутскаго участка» [108]).

Откочевывая на сѣверъ и доходя до моря, нѣкоторые самоѣдскіе роды занимаются, въ теченіе мѣсяца или двухъ, рыболовствомъ и боемъ морскихъ звѣрей. «Морской звѣрь, — говоритъ Иславинъ, — требуетъ большой осторожности и терпѣнія со стороны промышленника: проходятъ иногда цѣлые дни, что не покажется на поверхности воды ни одной тюленьей головки, и тогда Самоѣдъ, лежа въ лодкѣ или просто на морскомъ берегу, и вооружившись терпѣніемъ и винтовкой, выжидаетъ давно желанной добычи, зная, что она наконецъ должна же явиться»... Ловля рыбы также сопряжена съ немалыми трудами, и Кушелевскій говоритъ, что отработывая свои долги русскимъ промышленникамъ, Самоѣды иногда по цѣлымъ днямъ, «какая бы ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ по салмамъ» (ямамъ или старицамъ на меляхъ Обской губы). Этими откочевками къ морю (даже иногда переходомъ черезъ море на островъ Вайгачъ) для занятія тамъ рыболовствомъ и боемъ морскихъ звѣрей, вѣроятно, и объясняется извѣстіе о самоѣди, живущей «лѣтѣ мѣсяць въ морѣ»; толкованіе же такого обычая тѣмъ — «зане жь тѣло на нихъ трескается», вызвано, можетъ быть, непонятыми разсказами о страшныхъ комарахъ и оводахъ, кусающихъ до крови людей и оленей. Замѣтимъ еще, что въ сухомъ климатѣ полярныхъ странъ, въ которомъ табакъ разсыпается въ мелкую пыль, и въ которомъ лѣтомъ дѣйствіе лучистой теплоты солнца проявляется иногда весьма рѣзко, солнце способно значительно жечь и вызывать даже трещины кожи.

Третье извѣстіе касается людей, мохнатыхъ въ нижней половинѣ тѣла. «Въ той странѣ есть иная самоѣдь: по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа вверхъ яко же и прочіи человѣци. А ядь ихъ рыбы и мясо, а торгъ ихъ соболи, и песцы, и пыжи, и оленіи кожи» [109]). Мохнатость или волосистость, въ данномъ случаѣ, едва ли можетъ относиться къ тѣлу, которое у сѣверныхъ народовъ всегда прикрыто, а по всей вѣроятности — къ одеждѣ, такъ что подъ выраженіемъ «по пупъ мохнаты до долу» надо разумѣть — одѣтые въ костюмъ, нижняя половина котораго сдѣлана изъ длинношерстыхъ шкуръ, волосами кверху. Извѣстно, что сѣверные народы пользуются для одеждъ звѣриными (оленьими и др.) шкурами, которыя носятся часто шерстью вверхъ. Но обыкновенно, шкурки эти (напр. оленьи, бѣличьи и др.) — съ короткимъ

---

108) У Кушелевскаго приведена карта съ показаніемъ лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ Каменскихъ и Обдорскихъ Самоѣдовъ и Остяковъ.

109) У Джонсона это мѣсто приведено въ сокращеніи: «Item beyond these people, on the sea coast, there is another kinde of Samoeds, their meate is flesh and fish, and their merchandise are Sables, white and black Foxes (which the Russes call Pselts) and Harts skinnes, and Fawnes skinnes».

волосомъ, не производящимъ впечатлѣнія мохнатости, и только нѣкоторыя части одежды обшиваются длиннымъ мѣхомъ. Мохнатость отъ пупа до долу могла быть вызвана ношеніемъ штановъ изъ длиннаго, косматаго мѣха, но это мало вѣроятно, такъ какъ Самоѣды и другіе сѣверные инородцы Сибири не носятъ короткихъ куртокъ, какъ Эскимосы, а надѣваютъ обыкновенно длинную одежду, малицу, покрывающую штаны, а отчасти даже и пимы (мѣховые сапоги). Болѣе вѣроятно, что мохнатость относится именно къ этой длинной одеждѣ, къ нижней половинѣ ея, обшивавшейся длиннымъ мѣхомъ. Еще и въ настоящее время малица обшивается обыкновенно кругомъ подола широкою полосою собачьей шкуры съ длинными волосами, (у Обдорскихъ Самоѣдовъ — такъ-называем. кундой, длинношерстной, въ родѣ бахромы), у женщинъ даже двумя или тремя полосами, одна надъ другой, а прежде, по словамъ стариковъ (какъ передавалъ мнѣ Н. Л. Гондатти), полосы эти доходили почти до пояса. Возможно, что какое-нибудь племя или родъ особенно отличался волосистой обшивкой нижнихъ половинъ своихъ малицъ (изъ собачьяго или инаго мѣха, такъ что эта особенность костюма вызвала соотвѣтственное прозвище племени у его сосѣдей и вообще стала отличительною чертою его внѣшности по отношенію къ другимъ родственнымъ народностямъ, а этого было достаточно для того, чтобы свѣдѣніе о немъ могло дойти до Русскихъ и выразиться въ соотвѣтственной, хотя и не вполнѣ точной и ясной, характеристикѣ его [111]).

РИС. VI.
Женскій самоѣдскій костюмъ, сзади.
Съ рисунка Норденшильда.

---

[110]) Енисейскіе Тунгузы обшиваютъ свои шубы по подолу бахромою изъ шкуры горнаго барана «майгуконъ». См. *Третьяковъ* Турух. край, стр. 164. Эта длинная бахрома явственно видна на тунгузскихъ костюмахъ. См. напр. изображеніе Тунгузовъ въ «Описаніи» *Георги* или у *Pauly,* Les peuples de la Russie.»

[111]) Любопытно, что Герберштейнъ, со словъ русскаго дорожника, тоже приводитъ извѣстіе о людяхъ на сѣверѣ Сибири, у которыхъ все тѣло поросло волосами. — Н. Л. Гондатти записалъ у Маньзовъ преданіе, что богъ Нуми задумавъ создать людей, сдѣлалъ сперва изъ лиственницы два бревна и оживилъ ихъ; явились мэнквы, лѣшіе. Увидалъ Нуми, что сдѣлалъ не хорошо и сталъ вторично создавать людей — изъ лиственичной сердцевины. Эти первые люди были совершенно подобны теперешнимъ, только *мохнатые.* Они поѣли запрещенныхъ ягодъ (голубики) и отъ того потеряли

Четвертое извѣстіе сказанія уже кажется менѣе поддающимся объясненію. «Въ той же странѣ — иная самоѣдь: въ верху рты на тѣмени, а не говорятъ. А образъ (видѣніе) въ пошлину (по обычаю) человѣчь [112]). А коли ядятъ и они крошатъ мясо или рыбу, да кладутъ подъ колпакъ или подъ шапку. И какъ почнутъ ясти, и они плечима движутъ въ верхъ и внизъ». Дѣло идетъ тоже о Самоѣдахъ и притомъ имѣющихъ вполнѣ человѣческій образъ, за исключеніемъ того, что ротъ у нихъ на темени, и они не говорятъ. Послѣднее слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть въ томъ смыслѣ, что у нихъ «языкъ нѣмъ», т. е. что они говорятъ на непонятномъ языкѣ. Но какимъ образомъ объяснить существованіе рта на темени? Очевидно — не инымъ чѣмъ, какъ тоже особенностью костюма. Извѣстно, что одежда Самоѣдовъ шьется въ родѣ мѣшка съ отверстіемъ вверху для просовыванія головы и съ рукавами, къ которымъ пришиты рукавицы. Къ отверстію пришивается обыкновенно «тріушокъ» (треухъ), родъ башлыка, для покрытія головы, при чемъ этотъ тріушокъ, на верхней одеждѣ, паркѣ, дѣлается иногда изъ кожи головы оленя съ ушами. У Юраковъ отверстіе малицы, въ которое съ трудомъ пролѣзаетъ голова, имѣетъ воротникъ, а у верхняго платья, сокуя, къ отверстію пришита мѣховая шапка, плотно охватывающая голову. Въ томъ случаѣ, когда воротникъ кругомъ охватываетъ шею и стоячій, такъ что закрываетъ ротъ и даже часть носа, ѣсть въ такомъ костюмѣ не совсѣмъ удобно, и надо или отгибать воротникъ или поднимать ротъ кверху, чтобы класть въ него пищу. Можетъ быть подобный костюмъ съ жесткимъ воротникомъ, заставлявшимъ по необходимости загибать при ѣдѣ голову взадъ и класть пищу въ ротъ сверху, составлялъ особенно принадлежность одного какого-нибудь племени или рода, извѣстіе о которомъ, невѣрно понятое, и послужило поводомъ къ возникновенію, кажущагося невѣроятнымъ, разсказа [113]).

свои волосы и стали голыми. Богъ разсердился, дунулъ на нихъ и они разсыпались. Послѣ того Нуми создалъ родоначальниковъ теперешнихъ людей — изъ тальника, обмазаннаго глиною.—Что касается до перечисленныхъ сортовъ товара, то всѣ они извѣстны и въ настоящее время. Пыжами называютъ шкурки съ маленькихъ оленятъ.

[112]) Слово «пошлина» употреблено здѣсь въ значеніи обычая, обыкновенія, какъ это явствуетъ и изъ варіантовъ сказанія. Аналогичный смыслъ имѣетъ это слово въ слѣдующихъ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ древнихъ памятниковъ: «Ино то обыскано (найдено), что то было учинилося ново, не пошлинѣ, а нынѣча не надобѣ». (Акты Арх. Эксп. I, 5); «Докончаша (послы отъ Свѣйскаго короля) миръ вѣчный по старой пошлинѣ» (П. С. Р. Л. III, 73); «И онъ не пошлиною пріѣхалъ въ Псковъ: священники противъ его (на встрѣчу) съ кресты не ходили». (Ист. Гос. Рос. VII, Прим. стр. 94). См. «Словарь Церк.-Слав. и Русск. яз.», сост. II Отд. Ак. Н. 2-ое изд. 1867 и «Толковый словарь» Даля.

[113]) Иславинъ, описывая ѣду Самоѣдовъ, говоритъ, что они «берутъ куски сыраго оленьяго мяса, обмакиваютъ ихъ въ горячую кровь и около самаго рта вверхъ къ носу отрѣзываютъ куски ножемъ». (При этомъ, очевидно, ротъ долженъ быть поднятъ кверху, иначе кровь будетъ стекать мимо). Гондатти записалъ преданіе Маньзовъ о мэнквахъ, лѣшихъ, которые отличаются большимъ ростомъ, острою головою и тѣмъ, что у нихъ между грудью и шеей воткнутъ гвоздь, подпирающій голову, такъ что они

Слѣдующее извѣстіе сказанія представляется еще болѣе баснословнымъ. «Въ той же странѣ есть иная самоѣдь, якоже и прочіи человѣци. Но зими умираютъ на два мѣсяца. Умираютъ же тако: какъ гдѣ котораго застанетъ въ тѣмъ мѣсяци, тотъ тамъ и сядетъ, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерьзнетъ къ земли; и кто человѣкъ иные земли невѣданіемъ потокъ той отразитъ у него и сопхнетъ съ мѣста, и онъ умретъ, то уже не оживетъ, а не сопхнетъ съ мѣста, той оживетъ, и познаетъ и речетъ ему, о чемъ мя еси друже поуродовалъ. А иные (вар. И паки) оживаютъ, какъ солнце на мѣсто вернется; тако на всякій годъ оживаютъ и умираютъ». Дѣло идетъ о людяхъ, умирающихъ или засыпающихъ на зиму или на два мѣсяца. Разсказы о подобныхъ людяхъ были распространены, повидимому, съ давнихъ поръ. Уже Геродотъ говоритъ о счастливыхъ Гипербореяхъ, живущихъ въ странѣ, гдѣ полгода царствуетъ ночь. Въ Россіи разсказы о временно умирающихъ людяхъ на сѣверѣ извѣстны въ нѣсколькихъ варіантахъ отъ XVI и XVII вѣка. Герберштейнъ приводитъ одинъ изъ нихъ, заимствованный изъ какого-то русскаго дорожника (itenerarium). «Сказываютъ, говоритъ онъ, что съ людьми Лукоморья (по ту сторону Оби, въ горахъ) происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: по слухамъ, они каждый годъ умираютъ, именно 27 ноября, когда у Русскихъ празднуется память св. Георгія,— и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частью около 24 апрѣля». Подобные же разсказы встрѣчаются въ русскихъ космографіяхъ XVII в. Поповъ напечаталъ одинъ изъ нихъ, помѣщенный въ статьѣ «о Сибирскомъ царствѣ», въ сокращенной «Космографіи», по списку хронографа 1696 г. Космографія эта «переведена съ римскаго языка», но въ ней имѣются вставки переводчика, къ числу которыхъ относится и вставка о Сибири. Между прочимъ, въ статьѣ говорится: «Въ зимнее жъ время въ странахъ Сибирскія земли во многихъ мѣстахъ мраза ради и тяжкихъ воздуховъ никто же обитати и жительствовати можетъ въ то время, но бываютъ пусты и бесчеловѣчны. Глаголютъ же нѣцыи, яко за тою рекою Обью великою подъ самой сѣверъ есть человѣци дикіе безгласни, точию рычатъ и шипятъ, зимою же, егда мразы настанутъ, человѣцы же (тѣ) пускаютъ отъ ноздрей своихъ сморгъ или соплю, и егда сіи замерзнутъ, тогда стоятъ ови яко о древесахъ, къ веснѣ же сия сопли растаиваютъ, человѣцы же паки оживаютъ, егда же кто сихъ соплю преложитъ, таковіи уже не оживаютъ, но невѣмъ о сихъ аще истинна суть» [114]). Въ концѣ XVII в. такіе разсказы возбуждали, слѣдовательно, уже сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе все таки, по старой памяти, приводились въ описаніяхъ Сибирской земли. Что разсказы о сибирской стужѣ могли

не могутъ смотрѣть внизъ, а только впередъ или вверхъ. Такія существа, если они ѣдятъ, должны, конечно, класть пищу въ ротъ сверху. — Въ «Сказаніи о Индѣйскомъ царствѣ» упоминаются, впрочемъ, также «иные люди вверхъ рты ихъ», см. «Лѣтописи Русск. Литературы», изд. Тихонравовымъ, 1859, кн. IV, стр. 101.

114) *А. Поповъ*. Изборникъ, стр. 529.

вызвать преувеличенныя представленія объ ея вліяніи на человѣка, это не удивительно, въ особенности если принять въ соображеніе, что на далекомъ сѣверѣ зима сопровождается еще ночью, продолжающеюся, смотря по географической широтѣ, отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ [115]). Уже Олеарій, путешественникъ 1-й половины XVII в., пытался объяснить басню о сѣверныхъ жителяхъ, умирающихъ на зиму, особенностями ихъ жизни, именно тѣмъ, что зимою, во время долго продолжающихся сумерекъ и ночи, они скрываются, будто бы, въ своихъ «низкихъ, на половину скрытыхъ въ землѣ, но сверху округленныхъ и заостренныхъ жилищахъ», которыя заносятся тогда настолько снѣгомъ, вышиною въ ростъ двухъ человѣкъ и болѣе, что нельзя ни войти, ни выйти. Самоѣды сидятъ тогда въ своихъ жилищахъ, освѣщая ихъ рыбьимъ жиромъ, а для сообщенія между собою они продѣлываютъ подъ снѣгомъ ходы отъ одного жилища до другаго [116]). Толкованіе это, интересное какъ одна изъ первыхъ попытокъ объяснить реальными фактами баснословное извѣстіе, не можетъ, конечно, считаться удовлетворительнымъ, во-первыхъ потому, что подобное прокапываніе ходовъ подъ снѣгомъ не практикуется (притомъ трудно исполнимо, да и снѣгу за Ураломъ выпадаетъ меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи), а во вторыхъ — оно совершенно не объясняетъ другія подробности разсказа, въ которомъ говорится

---

[115]) *Замысловскій*, l. c. стр. 420, замѣчаетъ по поводу вышеприведеннаго извѣстія Герберштейна: «можетъ быть, сложившаяся въ эпоху глубокой древности легенда объ умирающихъ на зимніе мѣсяцы людяхъ, обитателяхъ крайняго сѣвера, испытывала такія же странствованія, какъ и нѣкоторыя другія баснословныя преданія, переносилась съ юга на сѣверъ и на азіятскій востокъ все далѣе и далѣе, по мѣрѣ того, какъ расширялась область міра извѣстнаго».— Олеарій полагалъ, что Самоѣды были извѣстны древнимъ подъ именемъ Гипербореевъ и Abii Scythae (Quint. Curtius, lib. 7) — можетъ быть отъ Abi или Obi (Обь). Все это однако — только сомнительныя догадки.

[116]) *Olearius,* 1647. S. 188 «Sie (Samojeden) wohnen in kleinen niedrigen und halb in die Erde gebaweten Hütten, welche oben rund und spitz zulauffen, in derer mitten ist ein Loch, als in einem Schorstein hinausz hefühche Sie zur Winterzeit steigen; dann ihre Häuser werden gantz mit Schnee, welcher über 2 Mann und höher fallen sol, bedecket, dasz sonst niemand weder ausz, noch ein kan. Sie haben aber unter den Schnee ihre Gänge gemachet, durch welche Sie ein zu dem andern gehen. Weil sie umb dieselbe Zeit fast ein halb Jahr keine Sonne und Tag, sondern continuirliche Nacht haben und ausser den Häusern nicht viel beginnen können, kömpts ihnen desto erträglicher vor. Sie brennen in Lampen das Fett oder Thran von Fischen, darbey sie sehen, und sich so lange behelffen bis die Sonne sich über die Aequinoctial Linie in die mitternächtige Zeichen erhebt, und sich nach dem Tropico Cancri machet, so gehet dann die Schnee auch himveg, dasz sie wieder hervor auffs Land kommen, wandeln und gegen den Winter wieder einsamlen können. Hierausz erkennet man nun was jener per errorem von den mitternächtigen Völckern geschrieben hat, dasz nemblich unter denselben eine Nation gefunden wurde, welche nach art der Schwalben ein halb Jahr, nemblich zur Winterzeit todt lägen, den Sommer aber wieder aufflebeten, und wandelten».— Хотя Олеарій и бесѣдовалъ въ Москвѣ съ двумя Самоѣдами, однако не зналъ, повидимому, что они живутъ въ чумахъ. Между тѣмъ Джонсонъ уже въ 1556 г. писалъ: «Their tents are rounde and are called Chome in their language».

РИС. VII.

ЧАСТЬ КАРТЫ

АНТОНЪ ВИДА (XVI в.).

Виды страны: Kondori, Abdori, Wilki Perim, городъ Sybir и Tymen и Обская губа. Карта оріентирована такъ, что сѣверъ приходится влѣво, а востокъ вверху. Между Обью и р. Deick (Яикомъ) показаны Kalmucky horda и Kosary horda; между Волгой и Яикомъ — horda Nohay. Въ странѣ Abdori изображена Золотая Баба, съ ребенкомъ на рукахъ, и поклоняющіеся ей туземцы.

о людяхъ засыпающихъ или умирающихъ на поверхности земли, «какъ гдѣ котораго застанетъ» и которые (по объясненію русскаго космографа XVII в.) «стоятъ яко о древесахъ». Можно полагать скорѣе, что возникновеніе такого представленія было вызвано видомъ человѣкообразныхъ идоловъ, которые, по многимъ стариннымъ извѣстіямъ, существовали въ Самоѣдской землѣ.

Первое извѣстіе о такихъ идолахъ мы встрѣчаемъ у польскаго писателя Матвѣя Мѣховскаго (1517), который (въ своемъ сочиненіи о Сарматіяхъ), говоритъ, что за Вятской землей, въ Скиѳіи, находится большой идолъ Золотая Баба, въ видѣ старухи, которая, при вопрошаніи ея, издаетъ звуки, и которой поклоняются окрестные народы, принося ей въ жертву мѣха убиваемыхъ ими звѣрей [117]). Позже эта же «Золотая Баба» является на картѣ Ант. Вида (Wied; изд. въ 1555, но составленной между 1537 и 1544 гг.), именно въ странѣ Abdori, въ видѣ статуи женщины, съ ребенкомъ на рукахъ, передъ которой изображены молящіеся и приносящіе ей въ жертву звѣриныя шкуры — четыре дикаря [118]). Далѣе, ту же «Золотую Бабу» мы находимъ на картѣ Герберштейна (1549), гдѣ она помѣщена около устья Оби и представлена въ видѣ женской фигуры, въ парадномъ (западномъ) костюмѣ того времени, съ копьемъ въ рукѣ, хотя въ текстѣ приводится разсказъ (подвергаемый впрочемъ, сомнѣнію), что эта золотая старуха изображена съ ребенкомъ, и даже съ двумя, однимъ побольше, котораго считаютъ ея сыномъ, и другимъ, младенцемъ,— ея внукомъ [119]). Такое изображеніе «Золотой Бабы», съ двумя дѣтьми,

---

[117]) *Michow.* Die ältesten Karten von Russland. Hamb. 1884. S. 40 — 41. Здѣсь приведены всѣ извѣстія о Золотой бабѣ западныхъ писателей. Матвѣй Мѣховскій сообщаетъ о ней такъ: «Accipiat (scil. lector) quod post terram Viathka nuncupatam in Scythiam penetrando, jacet magnum idolum Zlota baba, quod interpretatum sonat, aurea anus seu vetula, quod gentes vicinae colunt et venerant, nec aliquis in proximo gradiens aut feras agitando et in venatione sectando vacuus et sine oblatione pertransit; quin imo si munus nobile deest, pellem aut saltem de veste estractum pilum in offertorium idolo projicit et inclinando se cum reverentia pertransit».

[118]) На картѣ *Вида* Abdori помѣщены къ востоку отъ Печоры и Сосвы, близь устья Оби. Надъ изображеніемъ статуи съ ребенкомъ стоитъ надпись: «Золотая Баба (русскими буквами), hoc est aurea vetula idolum quod hujus partis incolae adorant».— У *П. Іовія* (Libellus de legatione Basilii magni etc. 1537) объ этомъ идолѣ не упоминается а говорится только, что «Permii et Pecerri paulo ante aetatem nostram more gentilium Idolis sacrificabant». На картѣ Московіи въ Космографіи Себ. Мюнстера (1544), названіе Abdori также имѣется, къ сѣверу отъ города Sybir, но къ названію этому прибавлено «Abtgöter». Золотой бабы здѣсь однако не показано, а представленъ столбъ, со изображеніемъ какого-то рогатаго животнаго на верху и стоящій передъ этимъ столбомъ на колѣняхъ человѣкъ.

[119]) *Herberstein*: «Slata Baba, id est Aurea anus, idolum est, ab Obi ostia, in provincia Obdora, in ulteriori ripa situm. Narrant, seu, ut verius dicam, fabulantur, hoc idolum Auream anum, statuam esse, in formam cujusdam anus, quae filium in gremio teneat; atque ibi jam denuo alterum cerni infantem, quem ejus nepotem esse ajunt. Praeterea instrumenta quaedam ibi posuisse, quae perpetuum sonum in modum tubarum edant. Quod si ita est, equidem ventorum vehementi et perpetuo in ea instru-

отрокомъ и младенцемъ и съ двумя, стоящими передъ ней на колѣнахъ людьми, находится на картѣ Дженкинсона (1562), гдѣ оно помѣщено между «Joughoria» и «Molgomzaia», причемъ въ надписи къ этому мѣсту пояснено, что баба эта — старуха и почитается Обдорянами и Югричами, которые

РИС. VIII.

Часть карты Герберштейна (изд. 1556 г.), съ изображеніемъ Урала (Montes dicti Cingulus Terrae) и рѣки Оби, вытекающей изъ Kithay lacus. Между Ураломъ и Обью, на сѣверѣ, показана Slata Baba, въ западно-европейскомъ костюмѣ богатой дамы съ копьемъ въ рукѣ.

обращаются къ ней, чрезъ посредство жреца, за совѣтами, какъ къ оракулу [120]). Болѣе подробныя свѣдѣнія о «Золотой Бабѣ» приведены у Александра Гваньино (1580) и Петрея де Эрлезунда (1620). Гваньино

---

menta flatu fieri puto.» — На картахъ къ различнымъ изданіямъ Комментарій Герберштейна «Золотая баба» изображена неодинаково: различіе замѣчается въ костюмѣ и головномъ уборѣ, хотя костюмъ этотъ всегда западноевропейскій, и «баба» представлена всегда съ копьемъ. — Изображенія «бабы» нѣтъ только на картѣ, приложенной къ итальянскому переводу Герберштейна и составленной Giacomo Gastaldo, Piamontese, Cosmographo in Venezia, 1550. Карта эта, отличающаяся отъ прочихъ Герберштейновскихъ большею полнотою, замѣчательна еще и тѣмъ, что на ней нанесены градусы широты и долготы, чего на другихъ картахъ не имѣется. Facsimile ея приведено Норденшильдомъ (Die Umsegelung, II, 162, № 10).

[120]) На картѣ Дженкинсона (у Ортелія) изображеніе «Золотой бабы» имѣетъ слѣдующую надпись: «Zlata Baba, id est aurea vetula ab Obdorianis et Iougorianis religiose colitur. Idolum hoc sacerdos consulit, quid ipsis faciendum, quove sit migrandum, ipsumque (dictu mirum) certa consulentibus dat responsa, certique eventus consequuntur».

разсказываетъ, что баба эта, съ двумя дѣтьми, высѣчена изъ камня, что ей покланяются Обдоряне, Югричи, Вогуличи и другіе сосѣдніе народы, которые приносятъ ей соболиные и другіе мѣха, а также жертвуютъ отборныхъ оленей, причемъ мажутъ ей кровью лице и другія части тѣла [121]). Петрей сообщаетъ, что «Золотая Баба» имѣла внутри пустоту (ist holl und ausgegraben), что она стояла на берегу Оби, и что она издавала звукъ, въ родѣ трубнаго, когда жрецы совершали передъ ней моленія, что ей приносили въ жертву черныхъ соболей и куницъ, а также убивали дикихъ звѣрей и мазали кровью ихъ ея ротъ и глаза. Жрецы спрашивали её о будущемъ и она давала отвѣты, подобно Дельфійскому оракулу [122]). Но уже Флетчеръ признаетъ весь этотъ разсказъ о Золотой бабѣ баснею, хотя замѣчаетъ, что въ Обдоріи, на берегу моря, близь устья Оби, есть одна скала, которая (при нѣкоторой помощи воображенія) можетъ казаться имѣющею видъ женщины въ лохмотьяхъ, съ ребенкомъ на рукахъ (какъ одна скала у Нордъ-капа форму Фреи). Мѣсто это,—продолжаетъ Флетчеръ, — часто посѣщается Обдорскими Самоѣдами изъ за удобствъ рыбной ловли, причемъ они (по ихъ обычаю) производятъ здѣсь иногда свои колдовства и гаданія — о перекочевкахъ, удачной охотѣ или рыбной ловлѣ и тому подобномъ [123]).

О существованіи такихъ священныхъ скалъ у Самоѣдовъ говорятъ и новѣйшіе изслѣдователи; такъ, Иславинъ упоминаетъ о камнѣ *Нѣве-хэге* т. е. «мать болвановъ» и *Ню-хэге* — «сынъ-истуканъ», маленькій утесъ, оба на Вайгачѣ, — о *Минисеѣ*, возвышеніи у Уральскаго хребта и др. Онъ же записалъ преданіе, что на Вайгачѣ, до пришествія Самоѣдовъ ничего не было, но что вскорѣ потомъ явился на берегу моря утесъ, который все болѣе и болѣе росъ и наконецъ образовался на подобіе человѣка. Пораженные такимъ чудомъ, Самоѣды стали вѣровать въ его содѣйствіе при болѣзняхъ и промыслахъ и приносить ему въ жертву оленей. Герберштейнъ, со словъ русскаго посла Гр. Истомы, сообщаетъ о священныхъ утесахъ на бере-

---

[121]) Гваньино прибавляетъ еще: «Dicuntur etiam in montibus, vicinis huic Idolo, tinnitus boatusque quidum audiri, qui perpetuam sonitum, in modum clangoris tubarum edunt. Hoc autem nihil aliud esse existimo, nisi instrumenta quaedam illic antiquitus posita, vel canales subterraneos, sic natura ipsa effectos, ut ventorum perpetuo flatu, sonum boatumque et clangorem continuum efficiant».

[122]) P. *Petrejus de Erlesunda*, «Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow» L. 1620 p. 87 — 88.

[123]) «As for the story of Slata Baba, or the Golden hagge (which I haue read in some mappes, and descriptions of these countries, to be an idole after the forme of an olde woman) trat being demanded by the Priest, giueth them certaine Oracles, concerning the successe, and euent of things, I found it to be a very fable. Onely in the prouince of Obdoria vpon the sea side, neare to the mouth of the great riuer Obba, there is a rocke, which naturally (being somewhat helped by imagination), may seeme to beare the shape of a ragged woman, with a child in her armes (as the rocke by the North Cape the shape of a Frier) where the Obdorian Samoites vse much to resort, by reason of the place for fishing; and their sometime (as their manner is) conceiue, and practise their sorceries, and ominous coniecturings about the good or bad speede of their iourneies, fishings, huntings, and such like» *Flecher*, въ Hacluyt's Collection I. 533.

гахъ Лапландіи, которымъ проѣзжавшіе мимо нихъ моряки считали обязанностью принести нѣкоторую жертву (щепотку муки и т. п.).— Что касается человѣкообразныхъ идоловъ, то мы встрѣчаемъ описанія о нихъ у нѣсколькихъ иностранныхъ путешественниковъ XVII вѣка, которые не упоминаютъ, правда, о «Золотой Бабѣ», но говорятъ о многихъ деревянныхъ идолахъ, служившихъ предметомъ поклоненія и лица которыхъ вымазывались кровью [124]). Самое раннее извѣстіе имѣемъ мы, кажется, въ отчетѣ объ экспедиціи къ устью Оби Ст. Борро, (Burrough) 1556 года. «3-го августа, пишетъ онъ, высадились мы съ Лошекомъ (Loshak, можетъ быть Ложкинъ, какой-то русскій промышленникъ, встрѣтившійся въ морѣ съ англійскимъ судномъ, и оказавшій содѣйствіе экспедиціи своими указаніями) — на одинъ островъ (повидимому — одинъ изъ небольшихъ остро-

рис. IX.
Самоѣдскій идолъ на островѣ Вайгачѣ.
Копія съ рисунка Мартиньера,
въ изданіи 1676 г.

[124]) Въ пользу возможности существованія «Золотой бабы», т. е. идола съ позолоченнымъ лицомъ или съ какими нибудь золотыми украшеніями, говоритъ тотъ фактъ, что уже древнія норвежскія саги упоминаютъ о богатствѣ Біарміи золотомъ и о существованіи тамъ богато украшеннаго идола Юмалы. Позже, у Русскихъ Закамская сторона славилась своимъ серебромъ, которое было, повидимому, не мѣстное, а привозное. Такъ можно заключать, во-первыхъ, по малой культурѣ Приуральскихъ инородцевъ, которые едва ли могли искусно обдѣлывать металлы, а во вторыхъ — по находкамъ въ Приуральскомъ краѣ многихъ серебряныхъ издѣлій (особенно — блюдъ восточнаго происхожденія и Сассанидской эпохи). Эти блюда, вѣроятно, пріобрѣтались въ обмѣнъ на цѣнные мѣха и служили для религіозныхъ цѣлей, судя по тому, что еще недавно, въ отдаленныхъ мѣстахъ, въ особыхъ сараяхъ, посвященныхъ главнымъ богамъ, хранились у Остяковъ десятки пудовъ стараго серебра въ издѣліяхъ, при чемъ запасами этими можно было, въ крайнихъ случаяхъ, пользоваться заимообразно. Подобныя серебряныя издѣлія для той же цѣли пріобрѣтаются инородцами иногда и теперь отъ Русскихъ. По словамъ Кушелевскаго, «были случаи, что русскіе промышленники, изъ корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, нарочно заказывали для идоловъ серебряныя короны и, привозя ихъ въ Обдорскъ, тайно продавали инородцамъ за большія деньги». По его же словамъ, на р. Большой Хоровѣ, впадающей въ р. Обь, находится идолъ — Ортикъ; у него человѣческая голова съ металлическимъ лицемъ. «При живыхъ жертвахъ у идола ставятся маленькія металлическія тарелочки въ $1^1/_2$ вершка въ діаметрѣ и на эти тарелочки наливаютъ кровь изъ сердца того животнаго, которое было обречено ими въ жертву». По словамъ Гондатти, тарелочки эти бываютъ серебряныя и употребляются еще и для другой цѣли, именно ставятся передъ жилищемъ, во время призыванія ночью шаманомъ «Міръ-сусне-хума» (бога завѣдующаго людьми, младшаго сына главнаго бога «Нума торума») для того, чтобы конь этого бога могъ стоять не на голой землѣ или снѣгу. Пріобрѣтаются эти тарелочки, бо́льшею частью также отъ Русскихъ, напр. тарелочки, употребляемыя для просфоръ.

вовъ около Вайгача), гдѣ Лошекъ показалъ мнѣ кучу самоѣдскихъ идоловъ, числомъ около 300. Они были самой грубой и плохой работы; у многихъ глаза и ротъ были вымазаны кровью. Они представляли мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и то, что у нихъ было выдѣлано изъ другихъ частей тѣла, также было вымазано кровью. Нѣкоторые идолы имѣли видъ просто палокъ или кольевъ, съ двумя — тремя нарѣзками на нихъ, сдѣланными ножемъ... Здѣсь валялись также сломанныя сани и оленья шкура, исклеванная птицами. Передъ нѣкоторыми идолами стояли деревянные обрубки, достигавшіе высоты ихъ рта и всѣ въ крови; я полагаю, что это были жертвенники, на которыхъ приносились жертвы. Я видѣлъ

Samoiedarum, trahis a rangiferis protractis insidentium; Nec non Idolorum ab üsdem cultorum effigies

РИС. X.

Самоѣдъ, ѣдущій на оленяхъ мимо священнаго мѣста, уставленнаго деревянными идолами и оленьими рогами. Со старинной голландской гравюры, приведенной въ «Путешествіи» Норденшильда.

также приборъ, на которомъ жарили мясо, и, насколько я могъ понять, огонь разводился прямо подъ вертеломъ» [125]). Норденшильдъ приводитъ копію съ одной старинной голландской гравюры, изображающей Самоѣда,

[125]) «The navigation and discouerie toward tbe riuer of Ob, made by Master Steuen Burrough, Master of the Pinnesse called the Serchthrift, with diuers things worth the noting, passed in the yere 1556», въ *Hakluyt's* Collection, I. p. 313: «Munday we weyed and went roome with another Island... and there I met againe with Loshak, and went on shore with him, and hee brought me to a heap of the Samoeds idols, which were in number aboue 300», the worst and the most vnartificiall worke that euer I saw: the eyes and mouthes of sundrie of them were bloodie, they had the shape of men, women and children, very grosly wrought, and that which they had made for other parts, was also sprinckled with blood. Some of their idols were an olde sticke with two or three notches, made with a knife in it. Before certaine of their idols blocks were made as high as their mouthes, being all bloody. I thought that to be the table wheron they offered their sacrifice» etc. Далѣе Борро сообщаетъ, что по словамъ Лошека — эти Самоѣды не такъ дики какъ живущіе по Оби.

ѣдущаго въ запряженной оленями нартѣ, мимо десятковъ идоловъ, поставленныхъ на пригоркѣ и представляющихъ грубое подобіе человѣка. Мартиньеръ, путешествовавшій къ сѣвернымъ берегамъ Россіи въ 1647 г., разсказываетъ, что на Новой Землѣ (повидимому — Вайгачѣ) онъ видѣлъ «обрубленные древесные стволы, на которыхъ грубымъ рельефомъ была выдѣлана фигура человѣка, и передъ которыми преклонялись дикари». Въ описаніи его путешествія приведено изображеніе такого идола съ двумя молящимися передъ нимъ дикарями, а въ текстѣ прибавлено еще, что, по словамъ Русскихъ, въ идоловъ этихъ входитъ дьяволъ и произноситъ свои предсказанія. [126]).

Изъ русскихъ писателей едвали не наиболѣе раннія извѣстія объ идолахъ Приобскихъ инородцевъ мы находимъ у Новицкаго, составившаго въ 1715 году «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ». Онъ говоритъ, что Остяки обвиваютъ своихъ идоловъ холстомъ, сукномъ, шкурами, отъ чего идолы эти «толико сими странными рубищы утолстѣваютъ, яко въ пятидесяти аршинъ толщиною бываютъ; древа же самаго изсѣченнаго не вящше поларшина; весь же разшыренъ искони приношеніемъ тѣхъ утварей, ими же повиваютъ». Новицкій самъ видѣлъ многихъ остяцкихъ идоловъ, помогая преосв. Филоѳею въ ихъ истребленіи и въ крещеніи инородцевъ. «Такъ, — говоритъ онъ, — обрѣтохомъ въ Шоркоровскихъ юртахъ кумира единого; въ средѣ полѣнце отъ пятдесятъ лѣтъ прікладними обвитое сукнами, а на верху съ жести изваянная личина, мало что бяше подобіе человѣка». Подобные же идолы, одѣтые въ сукно или «холстины» изъ шелковой матеріи или изъ парчи съ позументомъ, встрѣчаются, по словамъ Кушелевскаго, еще и теперь у Обдорскихъ Самоѣдовъ, а равно мѣстами и у Остяковъ». Разъ, — говоритъ онъ, — случилось мнѣ видѣть у Остяковъ въ Эндерскихъ юртахъ идола, одѣтаго въ старый засѣдательскій мундиръ и при шпагѣ. Всѣ приклады идола надѣваются на него такъ, чтобы онъ не терялъ человѣческой фигуры, и оттого идолы эти годъ отъ года становятся толще. «Въ Шорковыхъ юртахъ, — по словамъ Новицкаго, — бѣ кумиръ изсѣченъ отъ древа на подобіе человѣче, сребренъ, имѣющъ лице: сей дѣйствіемъ сатанинымъ проглагола бездушный и предвозвѣсти надходящее себѣ близь разореніе отъ десницы проповѣдника и учителя, моляше ревнителей и служителей своихъ, дабы восхотѣли поревновать древнему отецъ своихъ зловѣрію и крѣпко противостать проповѣди». Изъ этого извѣстія можно заключить, что у Остяковъ были идолы, которые говорили, въ родѣ того, какъ это передавалось ранѣе о Золотой бабѣ. Близъ Пелыма, читаемъ еще у Новицкаго, «бѣ кумирня, въ ней же обрѣтохомъ пять идоловъ древянныхъ, въ подобіе человѣческое изсѣченныхъ,

---

[126]) *De la Martinière,* Voyage des pays septentrionaux. 2-e edition. P. 1676, p. 251 — 253. «Nous rencontrasmes sur des butes des arbres coupez, entaillez en forme d'Homme, de sculture en bosse, fort grossierement faites, devant une desquelles statuës, à environ une lieuë nous apperceûmes deux de ces Sauvages à genoux»... Dans pareille Idole le Diable se met, rendant les oracles, à ce que nous dit nostre patron (russe)».

обложенны рубицами»; передъ ними «особь предъ каждымъ въ сосудехъ берестеныхъ кости положены.» [127]).

Остяцкіе идолы находились въ кумирняхъ, но у Самоѣдовъ — подобные же идолы стояли подъ открытымъ небомъ. По словамъ Иславина, кромѣ домашнихъ болванчиковъ, у Самоѣдовъ есть еще одинъ родъ истукановъ, которыхъ они сами отесываютъ изъ какого-нибудь деревяннаго чурбана, на подобіе человѣка, и ставятъ на возвышенныхъ мѣстахъ по тундрѣ и въ лѣсахъ и также намазываютъ имъ губы кровью, ихъ они называютъ *сядеи*.... Древнѣйшій и знаменитѣйшій Самоѣдскій идолъ находился на островѣ Вайгачѣ, на большомъ утесѣ, и назывался *Уэсако* (старикъ). Онъ былъ седмиличный (?), деревянный, отесанъ съ трехъ сторонъ, и въ 1827 г. сожженъ миссіонерами и съ нимъ 420 тутъ же находившихся деревянныхъ истукановъ, со множествомъ привѣсокъ, разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, ушей отъ мѣдныхъ котловъ, пуговицъ и другихъ украшеній. Кромѣ того сокрушено еще было на Вайгачѣ 20 каменныхъ идоловъ.» Верстахъ въ 20 отъ Мезени въ Кузминѣ-перелѣскѣ, миссіонеры сожгли также множество деревянныхъ истукановъ. [128]) У Маньзовъ, по словамъ Гондатти, идолы дѣлаются теперь изъ дерева, изъ металла и очень рѣдко изъ кости; «идолы общественные, преимущественно, вырѣзаются въ деревьяхъ, продолжающихъ еще рости.» Нерѣдко идолы эти представляютъ просто шесты, вбитые въ землю и увѣшанные на верху лоскутками, шкурками, блестящими бездѣлушками и тому подобными предметами. Шесты эти, изъ которыхъ среднiй самый высокій, посвящены какимъ-нибудь богамъ; кругомъ валяются кости, остатки трапезы, маленькія лопаточки, которыми ѣдятъ и т. д.» «У Самоѣдовъ и Юраковъ, — говоритъ Третьяковъ, — въ прежнія времена дѣлались статуи изъ лиственницы, стоящей на корнѣ; на верхнемъ концѣ вырѣзывалось подобіе человѣческаго лица, обращеннаго къ западу. Чаще всего ставился простой колъ съ заостреннымъ верхомъ и двумя или тремя зарубками; такія статуи у Юраковъ назывались *сядый*.» [129]). Можно думать, что такіе и подобные имъ человѣкообразные идолы, стоявшіе «яко о древесахъ», или одѣтые

---

[127]) «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ», соч. *Гр. Новицкимъ* въ 1715 г. изд. Майковъ. Спб. 1884 г. — «Старикъ Обскій, — говорится здѣсь, — имѣюще скверное свое хранилище на усть Иртыша недалече Самарова града. Бысть же сей по ихъ зловѣрію богъ рыбъ, изображенъ безстуднѣ: дска нѣкая, носъ аки труба жестяны, очеса стекляны, роги на главѣ малые, покрытъ различными рубищы, сверхъ одѣянъ червленою одеждою съ золотою грудью. Оружіе — лукъ, стрѣлы, копіе, панцеры и иная около его бяху положенна». На Кондѣ, въ Нахрачеевыхъ юртахъ, былъ также кумиръ, «изсѣченъ изъ древа, одѣянъ одеждою зеленою, злообразное лице бѣлымъ желѣзомъ обложено, на главѣ его лисица черная положена; жилище все, наипаче же сѣдалище сего украшенно сукномъ червленнымъ; поставленъ же высочае прочыихъ; иные же нижае около предстоять меншіи кумиры, ихъ же глаголютъ быти служителей настоящаго кумира».

[128]) *Иславинъ*, стр. 316 — 319.

[129]) *Третьяковъ*, стр. 225.

въ костюмъ, и могли, особенно зимою, когда они стояли обледенѣлые и покрытые снѣгомъ,—вызвать представленіе, что это замерзшіе люди, чему могли способствовать и невѣрно понятые разсказы туземцевъ, напримѣръ, что эти идолы—ихъ предки и родичи. Извѣстно, что многія изображенія или даже только грубыя подобія людей, какъ напримѣръ причудливой формы скалы, стоячіе камни или столбы каменной соли (на берегу Мертваго моря), подавали поводъ къ возникновенію разнообразныхъ легендъ, въ которыхъ эти естественные продукты неорганической природы выставлялись окаменѣлыми людьми. Что же касается до возникновенія извѣстій о дивныхъ народахъ на основаніи слуховъ объ идолахъ, то можно указать на шестирукихъ людей, живущихъ будто бы, въ Индіи, средневѣковое представленіе о которыхъ, очевидно, возникло, на основаніи непонятыхъ разсказовъ объ Индійскихъ многорукихъ и человѣкообразныхъ идолахъ.

До сихъ поръ составитель сказанія говорилъ только о странѣ и народахъ въ нижней области Оби, прилегающей къ Ледовитому морю; слѣдующія извѣстія относятся уже къ другимъ областямъ, лежащимъ «вверху Оби рѣки великія». Верхъ здѣсь считается, вѣроятно, отъ страны Югровъ, хотя можетъ относиться какъ къ верховьямъ Оби, такъ и Иртыша, о которомъ въ сказаніи не упоминается. Первое извѣстіе объ этихъ областяхъ «въ верху Оби», касается какой-то земли Баидъ (или Байдъ). «Въ той же странѣ, въ верху Оби рѣки великія, есть земля, Баидъ именуется. Лѣса на ней нѣтъ, а люди какъ и прочіи человѣци; живутъ въ земли, а едятъ мясо соболіе, а иного у нихъ никотораго звѣря нѣтъ опрочѣ соболи. А носятъ платье все соболіе, и рукавицы, и ногавицы, а иного платья у нихъ нѣтъ, ни товару никотораго. А соболи жъ у нихъ черны вельми и велики; шерсть живаго соболи по земли ся волочитъ.» Въ спискѣ Синодальной Библіотеки положеніе этой страны поясняется еще такъ: «въ верху Оби рѣки великія, поперекъ ея ѣхати денми лѣтніи», что̀ слѣдуетъ понимать, повидимому, такъ, что попасть туда можно было только лѣтомъ, плывя вверхъ по теченію [130]). Люди, описываемые въ этомъ извѣстіи, ничѣмъ, повидимому, отъ прочихъ людей не отличаются, кромѣ того, что носятъ платье изъ однихъ соболей, ѣдятъ соболиное мясо и живутъ въ землѣ, т. е. въ землянкахъ. Страна эта, слѣдовательно, богата соболями, которые отличаются здѣсь особенною добротою мѣха, пушистаго и чернаго. Такому богатству соболями противорѣчитъ однако извѣстіе, что въ странѣ нѣтъ лѣса: соболь, какъ извѣстно, звѣрь лѣсной и кормится бѣлкой и другими лѣсными животными. Очевидно, отсутствіе лѣса надо понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы тамъ лѣса совсѣмъ не было, а, вѣроятно, такъ, что лѣсъ этотъ отличался отъ сѣверной сплошной тайги, былъ смѣшаннымъ изъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ и росъ въ горахъ. (Или составитель статьи смѣшалъ

---

130) Рѣкѣ Оби придавалась прежде громадная ширина. Въ Космографіи («Изборникъ» А. Попова, стр. 528) говорится, что «Обь — великая рѣка, еже широта отъ берегу до берегу шездесятъ верстъ, а иніе и болши».

извѣстіе о находящихся къ югу отъ Югры степяхъ съ извѣстіемъ о еще болѣе южной странѣ Баидъ). На горы указываетъ, повидимому, и особенная доброта (чернота) водящихся тамъ соболей, такъ какъ извѣстно, что лучшіе сибирскіе соболи добываются въ горныхъ мѣстахъ, теперь въ Олекмо-Витимскомъ краѣ, а ранѣе—и въ Алтаѣ и Уралѣ [131]). Необыкновенная же длина соболинаго мѣха, волочащагося по землѣ, была, вѣроятно, преувеличеніемъ, которое могло явиться изъ стремленія оттѣнить сильнѣе добротность соболя въ описываемой землѣ. Но гдѣ именно находилась эта земля и къ какой части бассейна р. Оби она должна быть пріурочена? Единственной опорой въ данномъ случаѣ можетъ служить названіе страны: Баидъ. Это названіе (Baïda) встрѣчается на многихъ старинныхъ картахъ XVI и XVII вв., какъ какой-то страны за Обью, на востокѣ. На картѣ Дженкинсона въ атласѣ Ортелія, 1573 г., именемъ Баида означена страна (народъ), сосѣдняя съ Malgomsai и лежащая за ними (къ востоку); далѣе за нею показаны Colmack. На картѣ Меркатора 1587 г. Baida помѣщена за рѣкою Tachnin, на берегу моря, передъ меридіональной цѣпью горъ, за которыми означены «Colmak», то-же у самаго Ледовитаго моря. Въ Geographia Blaviana (1663 г.) Baida занимаетъ то же положеніе, но нѣсколько южнѣе Molgomzaia, хотя все-таки выше полярнаго круга; Colmak помѣщены по прежнему, за меридіональною цѣпью горъ, но еще южнѣе и уже ниже полярнаго круга. Наконецъ, въ атласѣ Сансона, 1683 г., названіемъ Baida отмѣчены горы, идущія въ меридіональномъ направленіи къ востоку отъ страны Malgomzaia, за Енисеемъ и Пясидой, и именно сѣверная часть этихъ горъ, выше полярнаго круга. Эта меридіональная горная цѣпь соотвѣтствуетъ, очевидно, Имаусу Птолемея, т. е. той меридіональной системѣ горъ, какая, по представленіямъ Птолемея и другихъ географовъ, до самаго XVIII вѣка, дѣлила азіатскую Скиѳію (сѣверную Азію) на двѣ части, западную и восточную,—по сю и по ту сторону Имауса. Всѣ эти указанія однако, по ихъ разнорѣчію и неопредѣленности, не могутъ уяснить намъ точнѣе мѣстоположеніе описываемой страны. Видно только, что названіе Баидъ (Баида, Baida) пользовалось извѣстностью въ XVI—XVII вѣкахъ и что оно помѣщалось гдѣ-то на востокѣ, передъ Калмыками и соединялось съ горами. Замѣтимъ еще, что въ спискѣ собранія Унковскаго вмѣсто «Баидъ» стоитъ «Бадъ», а въ Строевскомъ—«Саидъ», но это, повидимому, описки, такъ какъ во всѣхъ прочихъ, и особенно въ двухъ древнихъ, Новгородскихъ спискахъ читается явственно: «Баидъ». Нельзя-ли предположить, что это—названіе Тюркскаго или Монгольскаго племени? *Байдалы* — имя предковъ Киргизъ, *Байдаулетъ*; *Беде*—по Sanang Setsen—древнее названіе Монголовъ; *Баиты*—одно изъ четырехъ племенъ, на которыя распадаются западные Монголы (Дюрбуты, *Баиты*, Уранга (Урянхайцы) и Торгоуты). Въ настоящее время Баиты (по Потанину) граничатъ съ Соитами (Сойотами)

---

131) Герберштейнъ, говоря о «Земномъ поясѣ» (Уралѣ), замѣчаетъ, между прочимъ: «тамъ ростутъ также кедры, около которыхъ водятся самые черные соболи».

въ Прикобдинскомъ Алтаѣ и по хребту Ханъ-Хухей. Но Потанинъ приводитъ свѣдѣніе, что ранѣе Монголы, двигаясь вдоль южной подошвы монгольскаго Алтая, дошли до р. Урунгу, затѣмъ до озера Балхаша и до рѣки Тагаса, а отсюда стали подвигаться на сѣверъ, въ степную долину Чернаго Иртыша и до озера Зайсана, наконецъ перешли «щеки» (Колбинскій хребетъ) и распространились въ долину нижняго Иртыша, гдѣ въ XVII стол. спустились до озера Ямышъ и даже ниже. Урянхайцы въ XVII в. также появились въ нашихъ предѣлахъ у Усть-Каменогорска, спускаясь съ лѣтовокъ въ вершинахъ Бухтармы, а Буряты доходили по Енисею до Красноярска. Всѣ эти движенія относятся, правда, преимущественно къ XVII вѣку, но весьма вѣроятно, что подобныя же движенія тюркскихъ племенъ происходили и ранѣе, подобно тому, какъ это было, въ громадныхъ размѣрахъ, въ XIII в.

Фишеръ («Сибирская Исторія», стр. 207—208) приводитъ извѣстіе, что въ началѣ XVII вѣка, между Обью и Иртышемъ жили Теленгуты, часть Киргизъ, орда князя Бинея (часть Калмыковъ) и Чаты. Калмыки показаны уже на картѣ Вида (первой половины XVI в.), гдѣ-то между Обью (которая представлена очень короткою) и Каспійскимъ моремъ. Дженкинсонъ упоминаетъ о Калмыкахъ въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Бухару, какъ о живущихъ близъ Каспійскаго моря по р. Yem (Эмбѣ). Слѣдуетъ замѣтить еще, что многія родовыя названія Монголовъ встрѣчаются у Тюрковъ и наоборотъ, и что нѣкоторыя изъ этихъ разныхъ названій являются въ другихъ случаяхъ — племенными. Такъ въ числѣ родовъ Алтайскихъ Калмыковъ (Монголовъ по типу и называющихъ себя Kalmak или Oirot, но говорящихъ по тюркски, съ примѣсью многихъ монгольскихъ словъ) встрѣчаются роды: Sart, Kyrgus, Mongul, Sojong и др., названія которыхъ мы находимъ и у цѣлыхъ племенъ или народностей, — Сартовъ, Киргизовъ, Сойотовъ и т. д. Возможно поэтому, что и названіе «Баиты» принадлежало не однимъ только современнымъ Баитамъ Прикобдинскаго Алтая, но и какому-либо другому тюрко-монгольскому роду или племени, жившему въ XV—XVI вв. въ верхнемъ теченіи Оби [132]). Что касается до того, почему страна Баидъ, помѣщаемая разбираемою нами статьею вверху Оби, является на иностранныхъ картахъ XVI—XVII вв., въ формѣ Baida, гораздо сѣвернѣе и къ востоку отъ Оби, за Молгонзѣями, — объ этомъ мы позволимъ себѣ сдѣлать догадку нѣсколько далѣе [133]).

---

[132]) «Бай» входитъ въ названіе многихъ тюркскихъ родовъ; Bai-Sojat, Baigara, Bai-ulu, Bai-bakty и др. См. *Radloff*, Ethnogr. Uebersicht der Türkstämme Sibiriens. L. 1883.

[133]) Въ XVI — XVII вв. между Обью и Иртышемъ жили между прочимъ Теленгиты или Телеуты (Кара-калмыки). Въ XVII в. они были оттѣснены Русскими къ Телецкому озеру. Главное занятіе ихъ и теперь еще во многихъ мѣстахъ составляетъ охота за пушнымъ звѣремъ, хотя они занимаются и земледѣліемъ; точно также они и теперь еще держатся шаманства. См. «Геогр.-Стат. Словарь Росс. Имперіи». V, стр. 88.

Слѣдующее извѣстіе относится къ людямъ «безъ главъ», живущимъ, очевидно, также въ верхнемъ теченіи Оби. «Въ той же странѣ — иная самоѣдь: по обычаю человѣци, но безъ главъ, рты у нихъ межи плечми, а очи въ грудехъ. А ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти и они головы оленіи вззметываютъ себѣ въ ротъ на плечи, и на другій день кости измещуть изъ себя тудажъ, а не говорятъ. А стрѣлба же ихъ трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту вкладаетъ въ трубку ту, да бьетъ молотомъ въ стрѣлку. А товару у нихъ ни котораго нѣтъ.» Описываются, слѣдовательно, люди, лишенные головы, съ лицемъ на груди, соотвѣтствующіе древнимъ Блемміямъ или Лемніямъ, о которыхъ упоминаютъ Страбонъ и Плиній, а со словъ ихъ и многіе другіе писатели. Обыкновенно эти безголовые народы помѣщались въ тропической Африкѣ; Страбонъ полагалъ ихъ за Египтомъ, между Ниломъ и Краснымъ моремъ, рядомъ съ Нубійцами; Плиній — въ тѣхъ же областяхъ, причемъ онъ различалъ собственно Блемміевъ съ ртомъ и глазами на груди (Blemmyis traduntur capita abesse, ore et oculis pectore affixis) и другой народъ, позади Троглодитовъ, далѣе къ западу, у котораго нѣтъ шей и глаза находятся на плечахъ (quosdam sine cervice oculos in humeris habentes). Тѣ же два баснословныхъ народа упоминаются позже Солиномъ и Исидоромъ Севильскимъ, тогда какъ Авлъ Геллій, Помпоній Мела и св. Августинъ говорятъ только объ одномъ которомъ либо изъ этихъ народовъ [134]).

О Блемміяхъ, какъ о народѣ, жившемъ по Нилу, упоминаетъ и Аміанъ Марцеллинъ, а также Вопискъ, по словамъ котораго императоръ Пробъ привелъ нѣсколько ихъ плѣнниками въ Римъ, гдѣ ихъ странный видъ возбудилъ большое удивленіе. Очевидно, что это былъ какой-то дикій народъ въ Нубіи, и Катрмеръ (Quatremère), собравшій всѣ извѣстія о немъ у европейскихъ и арабскихъ писателей, отождествляетъ его съ предками нынѣшняго нубійскаго кочеваго племени Беджа [135]). Въ средніе вѣка, однако, область безголовыхъ людей переносится въ Азію (Индію); люди съ глазами и ртомъ на груди упоминаются въ Александріи, въ числѣ чудовищъ, которыхъ побѣдилъ Александръ Македонскій, и въ числѣ дивьихъ людей, подвластныхъ пресвитеру Іоанну. Впрочемъ, африканскіе ихъ родичи тоже не забываются: въ средневѣковомъ трактатѣ «De Monstris et

---

134) *Strab.* Geogr. L. XVII, c. 1. *Plinius.* His. Nat. L. V. c. VIII и L. VII, c. II. *Aulus-Gellius,* Noct. att. L. IX, c. IV: «quosdam etiam esse nullis cervicibus, oculos in humeris habentes; *Solinus,* Polyhyst. c. LII: «Sunt qui cervicibus carent, et in humeris habent oculos»; Id. c. XXXI; «Blemmyas credunt truncos nasci, parte qua caput est, os tamen et oculos habent in pectore». У Исидора Севильскаго, Origin. L. XI, c. III, читаемъ: «Lemnias in Lybia credunt truncos sine capite nasci, et os et oculos habere in pectore alios sine cervicibus gigni, oculos habentes in humeris». Св. Августинъ, De Civitate Dei; L. XVI, c. VIII: «Quosdam sine cervice, oculos habentes in humeris». Pomponius Mela, De Situ orbis: «Blemyis capita absunt; vultus in pectore est».

135) См. *Berger de Xivrey,* Traditions tératologiques. P. 1836. p. 109; также ч. II, главы XXI и XXX.

Belluis», Acephali помѣщаются на островѣ рѣки Бриксонта, въ которой Валькенеръ и другіе комментаторы видѣли одну изъ рѣкъ Абиссиніи, Маребъ или Такацэ, образующую большую луку (островъ), поросшую тропическимъ лѣсомъ. Въ «Луцидаріѣ» — безголовые снова переводятся въ Индію; въ русскомъ переводѣ Луцидарія читаемъ: «Тамо-же (во Индѣи) есть люди сотворени утворію (?), не имѣютъ главъ у себе, имъ же стоятъ очи въ плечахъ, и вмѣсто устъ и носа имѣютъ двѣ диры на персѣхъ» [136]). Подобное же извѣстіе встрѣчается и въ «Buch der Natur» Конрада фонъ-Мегенберга, XV вѣка, съ тѣмъ только различіемъ, что этимъ безголовымъ приписывается еще густой жесткій мѣхъ, какъ звѣрямъ, а также и въ позднѣйшихъ космографіяхъ, въ путешествіи Мандевилля и др. На миніатюрахъ нѣкоторыхъ рукописей и на политипажахъ многихъ печатныхъ книгъ (Луцидаріусовъ, Космографій и др.) можно видѣть изображенія такихъ безголовыхъ людей; въ западныхъ рукописяхъ они представлены, обыкновенно, нагими, безъ головъ и шеи, съ носомъ (довольно большимъ), ртомъ и глазами на груди, тогда какъ въ нѣкоторыхъ русскихъ рукописяхъ—они изображаются какъ бы съ отрубленною головой, но съ шеей, со ртомъ на груди и съ глазами на плечахъ или даже на локтяхъ [137]). Всѣ эти извѣстія относятся однако къ безголовымъ людямъ тропическихъ странъ, между тѣмъ наше сказаніе помѣщаетъ ихъ на сѣверѣ, въ верхнемъ теченіи Оби. Здѣсь же, на Оби, хотя повидимому выше, къ сѣверу, помѣщалъ этихъ людей и тотъ русскій дорожникъ, изъ котораго приводитъ нѣкоторыя свѣденія Герберштейнъ, и въ которомъ, рядомъ съ людьми, не имѣющими ногъ, а только длинныя руки, или—съ собачьими головами, упоминаются и такіе, у которыхъ «совершенно нѣтъ шеи и на мѣстѣ головы—грудь».

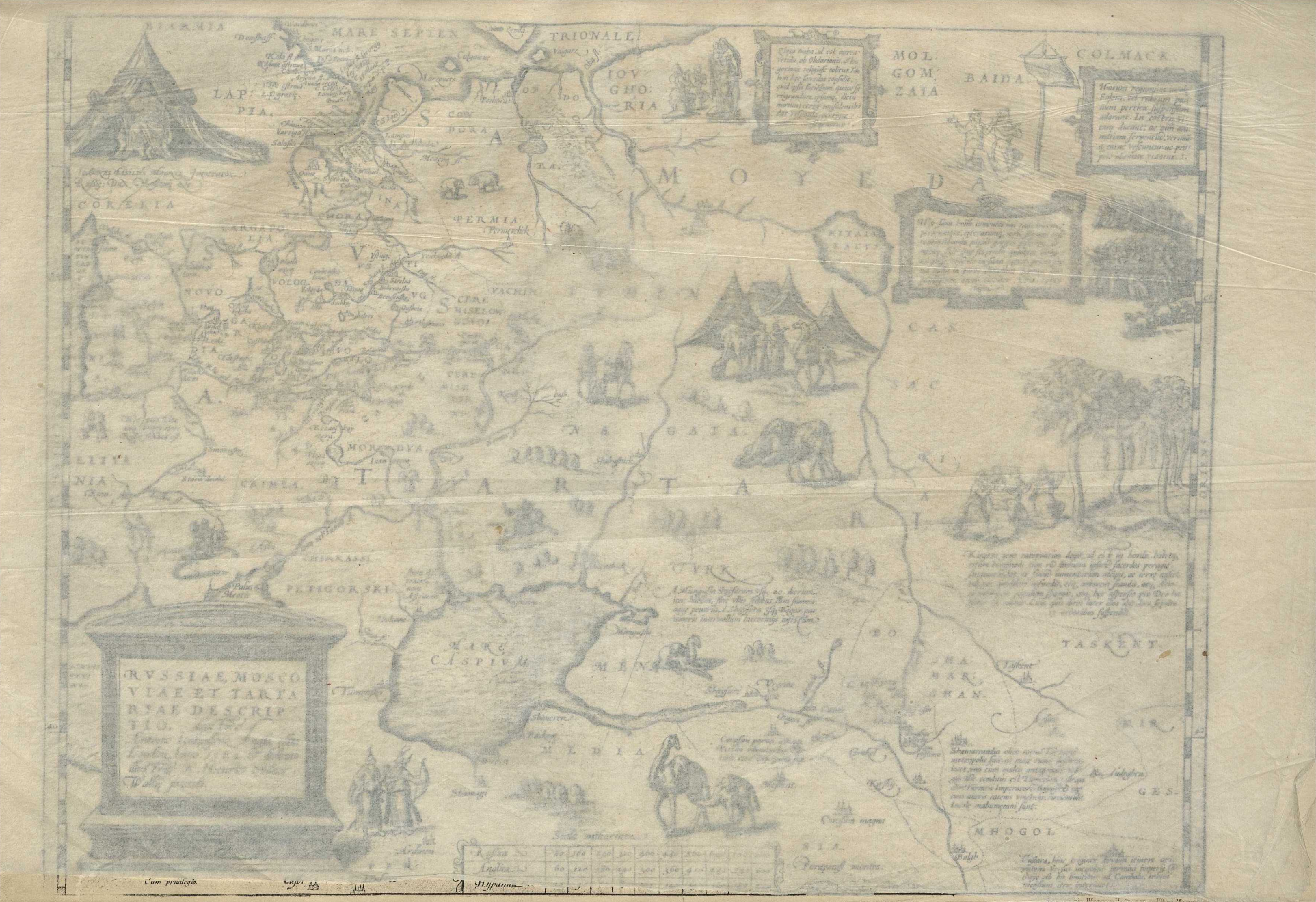
---

[136]) См. Луцидаріусъ, ч. I изд. *Тихонравова,* стр. 48, въ «Лѣтописяхъ русской литературы» 1859. I. Въ рукописи Луцидаріуса, имѣющейся у Е. В. Барсова, безголовые упоминаются, какъ шестой родъ дивныхъ людей въ Индіи: «Шестой родъ: Тамо есть люди безглавіи, имъ же очи на плечехъ и вместо оустъ и носа имѣютъ на в(п)ерсѣхъ два дири».

[137]) «Das Buch der Natur» von *K. von Megenberg*. Die erste Naturgeschichte in deutscher Sprache, (1475 — 1499) her. v. Dr. *Pfeiffer*. St. 1861. S. 490. «Auch sint läut ân haupt, die habent ir augen an den ahseln und habent für munt und für nasen zwai löcher an der prust und sint über al rauch mit hertem hâr, sam diu wilden tier». Безголовые люди изображены въ нѣкоторыхъ лицевыхъ Александріяхъ, въ рукописныхъ Луцидаріяхъ, въ Livre de Merveilles, въ рукописномъ путешествіи Мандевилля и др., а изъ книгъ — въ «Elucidarius, von allerhandt Geschöpffen» etc. Fr. 1602, и въ Космографіи Себ. Мюнстера. Въ XVI — XVII вв. путешественники находили безголовыхъ народовъ въ Южной Америкѣ. У Шекспира, Отелло упоминаетъ о такихъ чудовищахъ, рядомъ съ антропофагами:

The Anthropophagi, and men whose heads
Do grow beneath their shoulders.

Въ библіотекѣ Общества любителей древней письменности я видѣлъ рукопись (Кн. Вяземскаго, № 188), въ которой описаны, между прочимъ, разные дивные люди, въ томъ числѣ и такіе, которые «безъ главъ а на грудѣхъ зубы, а на локтѣхъ очи». При этомъ приложено соотвѣтственное изображеніе такихъ людей съ губами на груди и съ глазами на локтяхъ.

RVSSIAE, MOSCOVIAE ET TARTARIAE DESCRIPTIO.
MARE SEPTENTRIONALE
BIARMIA
LAPPIA.
CORELIA
IOVGHORIA
MOLGOMZAIA
BAIDA.
COLMACA
MOYEDA
PERMIA
CONDORA
VOLOGDA
MORDVA
CRIMIA
LITVANIA
PETIGORSKI
TARTARIA
NAGAIA
TVRK
MARE CASPIVM
MEDIA
TASKENT
SHAMARKHAN
MHOGOL
Scala miliarium
Russica
Anglica
Cum privilegio

Veilles», Acephali помѣщаются на островѣ рѣки Бриксонта, въ которой Вальккенеръ и другіе комментаторы видѣли одну изъ рѣкъ Абиссиніи, Маребъ или Такацэ, образующую большую луку (островъ), поросшую тропическимъ лѣсомъ. Въ «Луцидаріѣ» — безголовые [illegible] переводятся въ Индію; въ русскомъ переводѣ Луцидарія читаемъ: «Тамо же (во Индѣи) есть люди сотворени утворію (?), не имѣютъ главъ у себе, нъ имъ стоятъ очи въ плечахъ, и вмѣсто устъ и носа имѣютъ двѣ дыры на персѣхъ» [136]). Подобное же извѣстіе встрѣчается и въ «Buch der Natur» Конрада фонъ-Мегенберга, XV вѣка, съ тѣмъ только различіемъ, что этимъ безголовымъ приписывается еще густой жесткій мѣхъ, какъ звѣрямъ, а также и въ позднѣйшихъ космографіяхъ, въ путешествіи Мандевилля и др. На миніатюрахъ нѣкоторыхъ рукописей и на политипажахъ многихъ печатныхъ книгъ (Луцидаріусовъ, Космографій и др.) можно видѣть изображенія такихъ безголовыхъ людей; въ западныхъ рукописяхъ они представлены, обыкновенно, нагими, безъ головъ и шеи, съ носомъ (довольно большимъ), ртомъ и глазами на груди, тогда какъ въ нѣкоторыхъ русскихъ рукописяхъ — они изображаются какъ бы съ отрубленною головой, но съ шеей, со ртомъ на груди и съ глазами на плечахъ или даже на локтяхъ [137]). Всѣ эти извѣстія относятся однако къ безголовымъ людямъ тропическихъ странъ, между тѣмъ наше сказаніе помѣщаетъ ихъ на сѣверѣ, въ верхнемъ теченіи Оби. Здѣсь же, на Оби, хотя повидимому выше, къ сѣверу, помѣщаетъ этихъ людей и тотъ русскій дорожникъ, изъ котораго приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія Герберштейнъ, и въ которомъ, рядомъ съ людьми, не имѣющими ногъ, а только длинныя руки, или — съ собачьими головами, упоминаются и такіе, у которыхъ «совершенно нѣтъ шеи и на мѣстѣ головы — грудь».

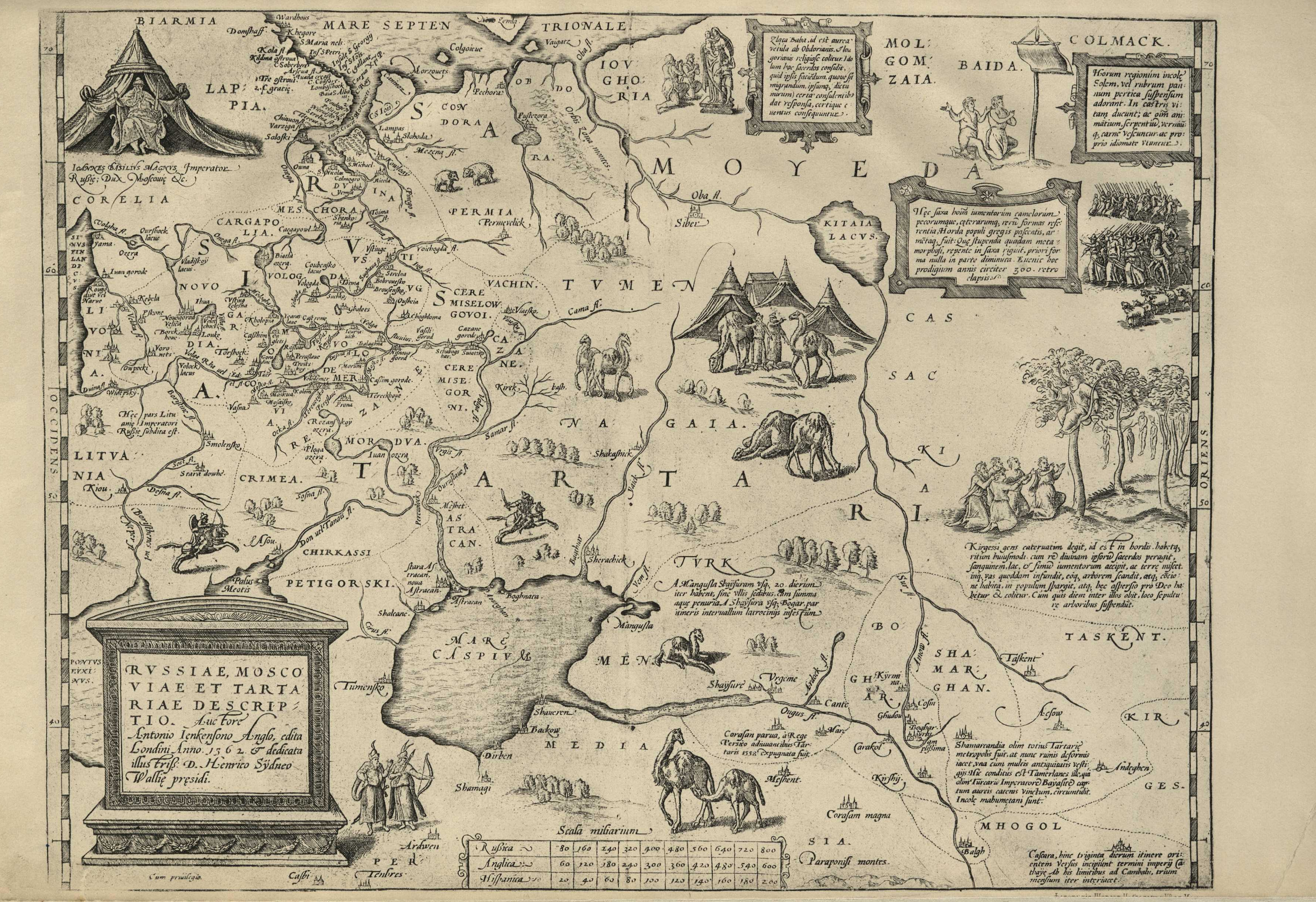
---

[136]) См. Луцидаріусъ ч. I изд. *Тихонравова*, стр. 48, въ «Лѣтописяхъ русской литературы» 1859. I. Въ рукописи Луцидаріуса, имѣющейся у Е. В. Барсова, безголовые упоминаются, какъ шестой родъ дивныхъ людей въ Индіи: «Шестой родъ: Тамо есть люди безглавіи, имъ же очи на плечехъ и вместо оустъ и носа имѣютъ на в(п)ерсѣхъ два дири».

[137]) «Das Buch der Natur» von *K. von Megenberg*. Die erste Naturgeschichte in deutscher Sprache, (1475 — 1499) her. v. Dr. *Pfeiffer*. St. 1861. S. 490. «Auch sint läut ân haupt, die habent ir augen an den ahseln und habent für munt und für nasen zwai löcher an der prust und sint über al rauch mit hertem hâr, sam diu wilden tier». Безголовые люди изображены въ нѣкоторыхъ лицевыхъ Александріяхъ, въ рукописныхъ Луцидаріяхъ, въ Livre de Merveilles, въ рукописномъ путешествіи Мандевилля и др., а изъ книгъ — въ «Elucidarius, von allerhandt Geschöpffen» etc. Fr. 1502, и въ Космографіи Себ. Мюнстера. Въ XVI — XVII вв. путешественники находили безголовыхъ народовъ въ Южной Америкѣ. У Шекспира, Отелло упоминаетъ о такихъ чудовищахъ, рядомъ съ антропофагами:

The Anthropophagi, and men whose heads
Do grow beneath their shoulders.

Въ библіотекѣ Общества любителей древней письменности я видѣлъ рукопись (Кн. Вяземскаго, № 188), въ которой описаны, между прочимъ, разные дивные люди, въ томъ числѣ и такіе, которые «безъ главъ а на грудѣхъ зубы, а на локтѣхъ очи». При этомъ приложено соотвѣтственное изображеніе такихъ людей съ губами на груди и съ глазами на локтяхъ.

Russica	80	160	240	320	400	480	560	640	720	800
Anglica	60	120	180	240	300	360	420	480	540	600
Hispanica	20	40	60	80	100	120	140	160	180	200

Повидимому, эти безголовые не имѣютъ ничего общаго съ древними Блемміями и имъ подобными, а представляютъ самобытный продуктъ фантазіи

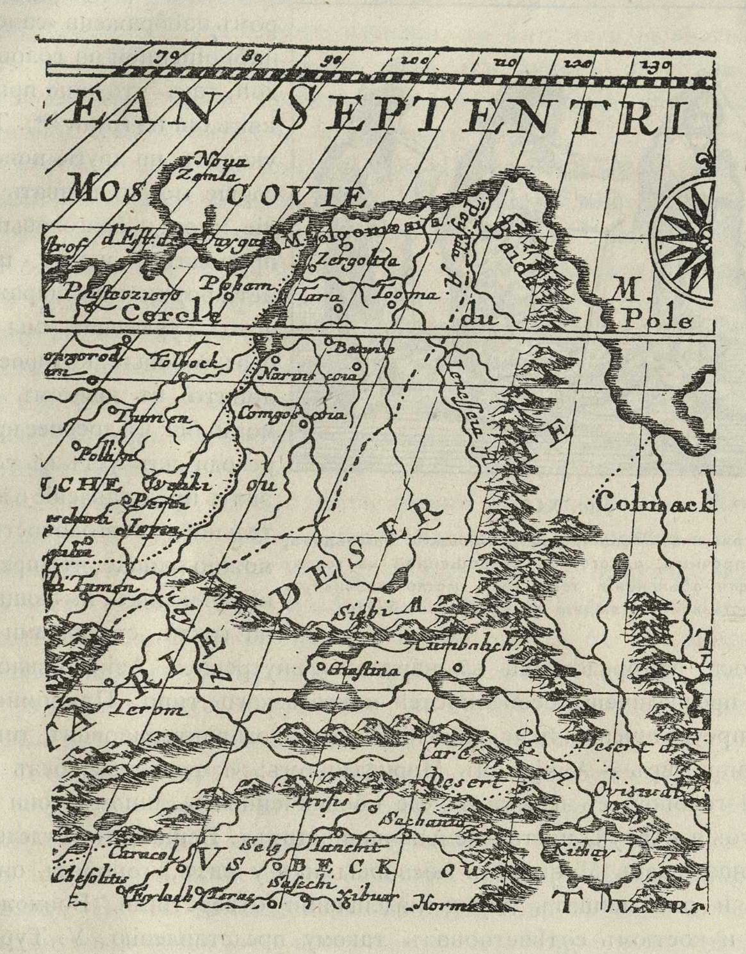

рис. XI.

Часть карты Московіи и Тартаріи изъ атласа Сансона 1683 г. При устьѣ Оби, по берегу Ледовитаго Океана, видно названіе Molgomzaia, за Енисеемъ и Пясидой — горы (страна) *Baida*, а за ними, къ юго-востоку — *Colmack*.

русскихъ людей, основанный на преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ разсказахъ. Замѣтимъ прежде всего, что какъ ранѣе всѣ извѣстія сказанія относились къ Самоѣдскимъ племенамъ въ нижнемъ теченіи Оби, такъ теперь они имѣютъ, повидимому, въ виду — племена, жившія къ югу отъ Югры въ верхнемъ теченіи Оби. Изъ этихъ племенъ, упомянутое выше племя (страну) Баидъ мы признали тюркскимъ или монгольскимъ; вѣроятно, что и разсматриваемое теперь слѣдуетъ пріурочить къ той же группѣ. Но какимъ образомъ племя это могло быть охарактеризовано, какъ лишенное

головъ и съ лицемъ на груди? Олеарій думалъ найти объясненіе тому въ костюмѣ и въ способѣ его ношенія; въ описаніи его путешествія приложенъ даже рисунокъ, на которомъ изображена «самоѣдь» съ наброшенной на голову одеждой, такъ что лице приходится какъ бы на груди [138]). Тайлоръ указалъ на другіе поводы, которые могли вызвать появленіе миѳа о безголовыхъ; онъ приводитъ, между прочимъ, метафорическое выраженіе одного Туркмена: «мы народъ безъ головы», которое, будучи понято въ прямомъ смыслѣ, могло бы, въ древнее время, переходя изъ устъ въ уста, вызвать представленіе о дѣйствительной безголовости. Возможно однако, что представленіе о людяхъ, имѣющихъ лице на груди, съ дырами вмѣсто рта и носа, въ приложеніи къ народамъ внутренней Азіи, явилось какъ крайнее преувеличеніе особенностей монгольскаго типа. Припомнимъ, въ какихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ былъ охарактеризованъ типъ Тунновъ, напримѣръ — Аммiаномъ Марцеллиномъ: «коренастые, безъ шеи, съ большой головой, съ плоскимъ, еле обозначеннымъ лицомъ, они напоминали грубыя статуи, поставляемыя на мостахъ». Веніаминъ Тудельскій, въ XII в., называетъ Монголовъ «безносыми»; у нихъ, говоритъ онъ, нѣтъ носовъ, и они дышатъ двумя маленькими отверстіями. Возможно, что отчасти и костюмъ содѣйствовалъ такому представленію. У Туркменовъ или тибетскаго племени Далда—женщины, напримѣръ, носятъ такой колоссальный, четырехугольный (въ ширину плечъ) головной уборъ, что лице кажется какъ бы помѣщеннымъ на груди [139]). Наконецъ, возможно, что указанное представленіе было вызвано еще непонятыми разсказами о лицѣ на груди, но не настоящемъ лицѣ, а нарисованномъ. На рисункахъ нѣ-

рис. XII.

Копія съ рисунка Олеарія, изображающаго Самоѣдовъ, и, между прочимъ, одного, съ наброшенной на голову одеждой, для объясненія того, какъ могло возникнуть представленіе о людяхъ съ лицомъ на груди.

---

[138]) *Ad. Olearius,* изд. 1647 г., стр. 189. «Samojeden... Bissveilen, wenn es kalt, ziehen sie die rauchen Röcke über den Kopff und lassen die Ermel leer bey hangen; welches denen so es nicht gewohnet, sehr seltzam anzusehen ist. Solcher Anblick kan vielleicht Ursache gegeben haben, dass etliche geschrieben. Es wurden Menschen gefunden, welche keine Köpffe sondern das Angesichte auff der Brust hatten».

[139]) *Пржевальскій.* Третье путешествіе. Рисунокъ подобнаго же головнаго убора Туркменокъ, см. у *Reclus,* Géographie universelle. T. VI. Asie russe. P. 437. Ср. еще старинное изображеніе Самоѣдовъ, приведенное у насъ въ копіи на рис. 5.

которыхъ сибирскихъ инородцевъ можно видѣть костюмъ мѣхомъ внутрь, на грудной части котораго изображенъ кругъ или колесо, или даже грубое изображеніе человѣческаго лица. Если такой костюмъ былъ характернымъ преимущественно для извѣстнаго племени, то онъ могъ вызвать соотвѣтственное прозвище послѣдняго, въ родѣ «съ лицемъ на груди», а этого было достаточно, чтобы путемъ перевода на русскій языкъ сложилось представленіе о дѣйствительно безголовомъ народѣ.

О мѣстѣ жительства этого народа мы можемъ только дѣлать догадки. Въ описаніи его говорится, что «ядь ихъ головы оленіи», но далѣе замѣчается, что «товару у нихъ никотораго нѣтъ». Такъ какъ оленьи шкуры и пыжи ранѣе считались товаромъ, то, слѣдовательно, у даннаго народа не было оленей; но этому противорѣчитъ указаніе, что олени доставляли ему пищу. Повидимому, надо понимать такъ, что сѣвернаго домашняго оленя, шкуры котораго составляли предметъ торговли, у нихъ не было, а водился какой-то другой, дикій олень, доставлявшій мясо. Дѣйствительно, въ Южной Сибири, въ Алтаѣ, водится такъ-назыв. маралъ, разновидность благороднаго оленя, мясо котораго идетъ въ пищу, но шкура не имѣетъ цѣнности; повидимому, рѣчь и идетъ именно объ этомъ оленѣ. Любопытно, что упоминается только объ оленьихъ головахъ, а не вообще о мясѣ оленя. У современныхъ мараловъ голова, дѣйствительно, представляетъ самую цѣнную часть тѣла, именно находящіеся на ней рога, которые, въ свѣжемъ состояніи, т. е. покрытые еще кожею, идутъ въ большомъ числѣ и за дорогую цѣну въ Китай, гдѣ употребляются на лѣкарство. Для торговли этимъ продуктомъ русскіе крестьяне въ Алтаѣ занимаются теперь даже искусственнымъ разведеніемъ мараловъ, такъ какъ промыселъ этотъ приноситъ большія выгоды. Въ прежнее же время пользовались исключительно дикими оленями, и, по всей вѣроятности, промыселъ этотъ старинный; извѣстно, что Китайцы весьма консервативны и медицина ихъ руководствуется методами и средствами, бывшими въ ходу еще за много вѣковъ тому назадъ. Но въ приведенномъ извѣстіи едва-ли еще можно видѣть хотя бы смутный намекъ на этотъ промыселъ; скорѣе можно предполагать какой нибудь обычай «взметыванія» на голову оленьей головы или оленьихъ роговъ. У Третьякова приведено одно самоѣдское преданіе, какъ во время празднованія такъ называемаго «чистаго чума» появился злой духъ, въ образѣ человѣка, но съ оленьими рогами на головѣ, результатомъ чего была смерть половины рода отъ какой-то повальной болѣзни. Ношеніе на головѣ оленьихъ роговъ практиковалось тунгузскими шаманами; они надѣвали во время камланья оловянную или желѣзную шапку съ прикрѣпленными къ ней рогами. При лѣченіи больныхъ, шаманы, по описанію Третьякова, обыкновенно убиваютъ оленя, выковыриваютъ и проглатываютъ его глаза, отдаютъ мясо его на съѣденіе, а голову вѣшаютъ около больнаго, причемъ всовываютъ послѣднему въ ротъ кончикъ отрѣзаннаго оленьяго языка [140]). У Витзена, въ его сочиненіи о Татаріи приведенъ

---

140) *Третьяковъ*, стр. 218 — 219.

рисунокъ тунгузскаго шамана съ двумя оленьими рогами на головѣ [141]).

рис. XIII.
Тунгузскій шаманъ, съ оленьими рогами на головѣ.
Копія съ рисунка Витзена, 1705 г.

Возможно, что такіе и подобные имъ разсказы, будучи непоняты и преувеличены, и подали поводъ къ преставленію, что описываемый народъ «взметываетъ себѣ въ ротъ на плечи — оленьи головы». При этомъ прибавляется однако, что «на другой день они кости изъ себя измещутъ», т. е. на другой день они какъ бы отрыгиваютъ проглоченныя кости. Единственное возможное объясненіе этой подробности можетъ, повидимому, заключаться въ крайней нечистотѣ описываемаго народа, въ жилищахъ и около жилищъ котораго валялись кости съѣденныхъ животныхъ. Если, какъ можно догадываться, дѣло идетъ объ Алтаѣ, то описываемый народъ можетъ быть Алтайскими Калмыками, которые имѣютъ монгольскія черты лица, охотятся за маралами и живутъ крайне нечистоплотно, такъ что, по словамъ Радлова, возбуждаютъ отвращеніе даже въ Киргизахъ, которые и сами далеко не могутъ похвалиться опрятностью.

Что подъ описываемою страною слѣдуетъ разумѣть, по всей вѣроятности, Алтай, явствуетъ и изъ дальнѣйшаго извѣстія, что люди эти имѣютъ для стрѣльбы желѣзныя трубки. Въ настоящее время, и повидимому— уже съ довольно давнихъ поръ, алтайскіе инородцы пользуются китайскими ружьями, къ которымъ они такъ привыкли, что даже попадающія къ нимъ русскія (кремневыя) ружья передѣлываютъ обыкновенно на китайскій ладъ. Сомнительно однако, чтобы разсказъ о желѣзныхъ трубкахъ относился къ ружьямъ, такъ какъ далѣе говорится о стрѣлкахъ и о выбиваніи ихъ изъ трубки молоткомъ. По всей вѣроятности, это были дѣйствительно трубки, подобныя которымъ, только деревянныя, употребляются еще и теперь въ Алтаѣ, даже Русскими, въ качествѣ дѣтской игрушки. Профессоръ А. С. Павловъ, уроженецъ Алтая, говорилъ мнѣ, что онъ самъ въ дѣтствѣ пользовался такою трубкою, изъ которой пускалъ стрѣлы помощью удара молоткомъ. Но то, что нынѣ составляетъ дѣтскую игрушку, могло въ прежнія времена быть оружіемъ взрослыхъ. Извѣстно, что такую же метамор-

141) *Witsen,* Noord and Oost Tartarye. 1705. Таблица къ стр. 663. Подъ рисункомъ подпись: «Een schaman of te Duyvel-priester in't Tungoesen lant.» Въ текстѣ мы приводимъ копію этого рисунка.

фозу претерпѣлъ лукъ, послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія. Упоминаніе, что трубка была желѣзная, доказываетъ, что кузнечное дѣло было въ то время уже развито въ Алтаѣ. Но мы знаемъ, что въ этой области оно, дѣйствительно, развилось рано, и память о томъ сохранилась въ названіяхъ города Кузнецка и Кузнецкихъ Татаръ, названіяхъ, которыя были даны Русскими при первомъ проникновеніи въ страну. Многочисленныя металлическія издѣлія (мѣдныя и желѣзныя), находимыя въ алтайскихъ курганахъ, служатъ тому также подтвержденіемъ, равно какъ и слѣды древней разработки мѣдныхъ копей. Развитіе металлическаго дѣла въ Сибири Радловъ приписывалъ ранѣе312Уграмъ, а теперь пріурочиваетъ къ Енисейскимъ Остякамъ; во всякомъ случаѣ, полагаетъ онъ, это едва ли были Тюрки, которые вообще не отличаются металлическою промышленностью, а если нѣкоторыя племена Татаръ и прославились ею впослѣдствіи, то лишь усвоивъ себѣ нужныя знанія отъ другихъ народовъ.

Если допустить, что люди безъ главъ жили въ Алтаѣ, за страной Баидъ, и соотвѣтствовали Алтайскимъ Калмыкамъ, то является возможность объяснить, до нѣкоторой степени, подробности разбираемаго нами извѣстія о людяхъ, жившихъ вверху Оби, и согласовать ихъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, съ показаніями иностранныхъ картъ XVI — XVII вв. На картѣ Дженкинсона, между «Baida» и «Colmack» изображено развернутое знамя или хоругвь, и передъ нимъ на колѣняхъ два человѣка. Справа отъ этого знамени, подъ «Colmack» сдѣлана латинская надпись, въ которой сказано, что «этихъ странъ жители» покланяются солнцу или развернутому красному знамени, что они живутъ въ шалашахъ и питаются мясомъ всякихъ звѣрей и гадовъ [142]). Ниже (южнѣе) Colmack — показана воинственная орда пастушескаго народа, «вышедшая лѣтъ 300 тому назадъ», т. е. въ половинѣ XIII в., изъ горъ (т. е. Монголы), а еще ниже «Cassacki» и «Kirgessi», яко бы вѣшающіе на деревьяхъ своихъ умершихъ [143]). Всѣ эти народы помѣщены по ту сторону рѣки «Sur», въ которую впадаетъ «Amow» и которая, въ свою очередь, вливается въ Kitaia lacus, откуда вытекаетъ Обь. По сю же сторону этой рѣки, между нею и Яикомъ, помѣщены кочевья Ногайцевъ — съ верблюдами. Такимъ образомъ, Дженкинсонъ, не знавшій объ Аральскомъ морѣ и изобразившій Каспійское море вытянутымъ, чрезъ посредство длиннаго рукава, далеко на востокъ, гдѣ въ него впадаетъ р. Ougus, смѣшалъ бассейнъ

---

142) Въ Geographia Blaviana («Asia, quae est Geographiae Blavianae pars quinta libri duo, volumen decimum» Amst. J. Blaew. MDCLXII) — въ объясненіи къ картѣ «Tartaria sive Magni Chami Imperium», только что указанная подробность приписывается «Баидамъ» и «Молгомзаямъ»: «In Scythia intra Imaum Mecreti ac Samojedi quod latine dicas semetipsos devorantes, aliique eodem tractu, Molgomsai, Badaique, utrique Solem, vel rubrum pannum in sublime elatum, venerantes».

143) Нѣкоторые сибирскіе инородцы имѣли обычай помѣщать своихъ умершихъ на возвышенный, поставленный на столбахъ, помостъ или клали ихъ въ развилки деревьевъ. Слухъ объ этомъ обычаѣ и былъ вѣроятно поводомъ къ представленію, что «Kirgessi» вѣшаютъ своихъ умершихъ на деревьяхъ за шею.

Каспійскаго моря (съ рѣками Аму-и Сыръ-Дарьею) съ бассейномъ Ледовитаго Океана (Обью) и пришелъ къ совершенно невѣрному представленію. Тѣмъ не менѣе, его «Colmack» соотвѣтствуютъ, по всей вѣроятности, Алтайскимъ Калмыкамъ. Въ пользу этого говоритъ какъ самое названіе народа, такъ и то, что эти «Colmack» помѣщены надъ мѣстомъ выхода изъ горъ монгольскихъ ордъ XIII в., а равно и та подробность, что они поклоняются какому-то красному знамени. Это знамя невольно напоминаетъ «обо̀» алтайскихъ инородцевъ, — священныя мѣста на горахъ, гдѣ ставятся на шестахъ развѣвающіеся красные и другіе лоскутки. Близость (на картахъ) именъ «Colmack» и «Baida» — указываетъ, повидимому, что народы эти сосѣдили между собою и что «Baida» жила также въ горахъ или предгорьяхъ; и дѣйствительно, на картѣ Сансона — имя это пріурочено къ горамъ. Но какимъ образомъ «Баиды», о которыхъ въ Новгородскомъ сказаніи говорится, что они жили вверху Оби, оказываются на картахъ къ востоку отъ Оби, за Molgomzaia? Для объясненія этого необходимо принять въ соображеніе, что карта Ортелія (Дженкинсона) служила точной опоры для многихъ позднѣйшихъ географовъ XVI — XVII вв., а самъ Дженкинсонъ пользовался, повидимому, отчасти, свѣдѣніями разбираемой нами статьи. Возможно, что онъ взялъ отсюда и названіе «Баидъ» (Baida), только поставилъ его невѣрно (не принялъ во вниманіе, что въ русской статьѣ страна Баидъ — помѣщается *вверху* Оби [144]). Съ другой стороны и самъ Дженкинсонъ и позднѣйшіе географы считали своею обязанностью пользоваться и другими источниками, Герберштейномъ, Видомъ, и древнимъ Птолемеемъ, который сохранялъ свой авторитетъ до конца XVI вѣка и даже позже [145]). Видъ же помѣстилъ «Kalmucky» такъ, что они приходятся къ востоку отъ Оби и въ то же время между Обью и р. Deik (Яикомъ), а Птолемей принималъ въ сѣверной Азіи, въ азіатской Скиѳіи — существованіе меридіональнаго хребта, Имауса, который дѣлилъ всю Скиѳію на двѣ части и соединялся на югѣ съ другимъ хребтомъ, Паропамизомъ, Имаусомъ, Гемодомъ, шедшимъ съ запада на востокъ и ограничивавшемъ съ сѣвера Индію. Если «Colmack» и «Baida» жили гдѣ-то за «Molgomzaia» и близь горъ, изъ которыхъ вышли орды XIII в., то весьма естественно было отождествить эти горы съ меридіональнымъ Имаусомъ Птолемея, что̀ и было сдѣлано Меркаторомъ и Сансономъ. Но Калмыки въ XVI — XVII вв. стали извѣстны много южнѣе и по близости Каспійскаго моря, поэтому на позднѣйшихъ картахъ они и переносятся сюда, а «Baida» остаются на прежнемъ мѣстѣ.

---

[144]) Впрочемъ, на картѣ Дженкинсона Обь показана текущею съ юго-востока, изъ Kitaia lacus (Телецкаго озера), и Baida оказываются ближе къ этому озеру, чѣмъ къ устью Оби.

[145]) Вліяніе Герберштейна на картѣ Ортелія (Дженкинсона) видно изъ того, что на ней помѣщена «Zlota baba», что Iougheria поставлена къ востоку отъ Оби и Обь показана вытекающею изъ Kitaia lacus.

При объясненіи ошибокъ старинныхъ картъ необходимо вообще принять во вниманіе, что географы XVI и даже первой половины XVII вѣка имѣли весьма смутное представленіе о Сѣверной и Средней Азіи, и были къ тому же связаны прежними авторитетами. На основаніи данныхъ, собранныхъ Итальянцами и Каталонцами въ XIV вѣкѣ, можно было заключить, что Азія омывается съ сѣвера, востока и юга моремъ, что въ средней и сѣверной частяхъ ея господствуютъ Татары и Монголы, и что далеко на востокѣ находится богатое государство Катай съ большимъ городомъ Cambaleth, Cambalech или Cambalu (Пекинъ). На картѣ Фра Мауро, 1459 г., представленной въ формѣ круга, можно видѣть за Перміей къ востоку, — «область мрака» (region de tenebre), въ которой, за морскимъ заливомъ помѣщена страна или народъ Mechon, а далѣе, за другимъ заливомъ (длинной губой) — страна Mongul, образующая выдающійся къ сѣверу полуостровъ. Изъ этой страны Mongul на югъ идутъ горы — Mons Althay, уходящія въ страну Chataj, въ которой, недалеко отъ моря (заворачивающаго здѣсь къ югу, т. е. омывающаго Азію уже съ востока) — показаны города: Cambalech, Quanzu, Xainçu и др. Фра Мауро руководился, при составленіи своей карты, повидимому, какъ данными Птолемея, такъ и свѣдѣніями, добытыми арабскими и европейскими путешественниками, и его карта, при всѣхъ ея несовершенствахъ, все-таки можетъ быть поставлена выше, чѣмъ многія позднѣйшія карты. На нѣкоторыхъ картахъ XVI вѣка, какъ напр. къ новымъ изданіямъ Птолемея, на картѣ Th. D. Aucupario 1522 г., на картѣ Меркатора 1587 г., на картѣ J. A. Magino Patavini 1597, даже на картахъ Blaeu, Sanson и др. XVII в., мы встрѣчаемъ не менѣе грубыя ошибки. Прежде всего, на картахъ XVI вѣка замѣтно явное стремленіе слѣдовать Птолемею, въ нанесеніи Imaus mons, Скиѳіи, Серики, рѣки Ochardes, гавани Катигары и т. д. Но Птолемей не зналъ, какъ оканчивается Азія на сѣверѣ и востокѣ, и потому обрѣзалъ здѣсь свою карту по сушѣ и показалъ море только на югѣ Азіи. Между тѣмъ уже въ XIV вѣкѣ стало извѣстно, что море омываетъ Азію также съ сѣвера и востока, вслѣдствіе чего европейскимъ географамъ открылось широкое поле для всевозможныхъ догадокъ въ отношеніи къ очертаніямъ этой части свѣта. На картахъ начала XVI вѣка (напр. Aucupario, ed. Argentorati, 1522), сѣверный берегъ Азіи показанъ идущимъ довольно ровно, безъ выступовъ, съ запада на востокъ, затѣмъ постепенно клонящимся къ югу-востоку и переходящимъ наконецъ въ восточный. Западная часть сѣверной Азіи отмѣчена, какъ Tartaria, восточная какъ Cathaya, съ провинціями Тангутъ и др. Путешествіе Герберштейна, экспедиціи въ Ледовитое море Голландцевъ и Англичанъ, открытія въ Америкѣ и южной Азіи — заставили, однако, скоро значительно измѣнить карту Азіатскаго материка. На картѣ Меркатора, 1587 года, сѣверный берегъ Азіи представленъ образующимъ за Карскимъ моремъ (названіе это, впрочемъ, еще неизвѣстно), большой, выступающій къ сѣверу полуостровъ, на которомъ (какъ и у Фра Мауро) помѣщена область Mongul, также Bargu, Tenduk, и наконецъ традиціонные Гогъ и Магогъ.

Тангутъ и Катай подвинуты уже къ югу, но Mongul и Bargu приходятся все-таки гораздо сѣвернѣе (сѣверо-восточнѣе), чѣмъ Molgomzaia, Baida и Colmak, слѣдующія за Обью, по берегу моря, одна за другою. Указанный полуостровъ подходитъ своимъ восточнымъ берегомъ къ Америкѣ, отъ котораго его отдѣляетъ Fretum Anian (гипотетическій проливъ). На позднѣйшихъ картахъ того же вѣка fretum Anian остается, но полуостровъ измѣняетъ свои очертанія и раздѣляется на два: Скиѳскій (Scyticum) и Табинъ (Tabin promontorium, — названіе, заимствованное у Плинія); изъ нихъ Скиѳскій — соотвѣтствуетъ, приблизительно, полуострову Ялмалу, а Табинъ — Таймырскому, но очевидно, это соотвѣтствіе чисто случайное, тѣмъ болѣе, что на картахъ XVII в., напр. Blaeu, Сансона — полуострова эти, въ ихъ прежнемъ значеніи, снова исчезаютъ. Какъ бы то ни было, но начиная съ XIV и до самаго XVII вѣка, европейскіе географы продолжали смѣшивать среднюю часть Азіи съ сѣверною и переносили многія среднеазіатскія области къ Ледовитому морю. Не имѣя яснаго представленія о размѣрахъ Азіи и какъ бы опасаясь спускаться въ своихъ обозначеніяхъ къ югу, въ область Индіи и Бактріи, они помѣщали разныя азіатскія страны, о которыхъ доходили до нихъ неясныя свѣдѣнія, одна за другою, къ востоку, вслѣдствіе чего страны эти оказывались часто далеко сѣвернѣе ихъ дѣйствительнаго положенія. Выше мы уже упоминали о положеніи Bargu и Mongul у Меркатора; онѣ помѣщены тамъ сѣвернѣе устья Оби, за полярнымъ кругомъ. На позднѣйшихъ картахъ области эти спускаются нѣсколько южнѣе, но все-таки оказываются сѣвернѣе и восточнѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало. Такъ, Kithay lacus, (Телецкое озеро) помѣщенное сперва подъ 60° с. ш., переносится затѣмъ на 55°, а у Штраленберга (1730) уже на 51-ый; Bargu и Mongol — изъ полярной области сперва подъ 65 — 60°, а у Штраленберга уже подъ 55 — 45° и т. д. Преданность прежнимъ авторитетамъ заставляла иногда долго держаться ошибочныхъ, старыхъ представленій и даже, въ случаѣ полученія новыхъ, болѣе вѣрныхъ свѣдѣній, послѣднія нерѣдко только прибавлялись къ прежнимъ, отчего возникало не мало недоразумѣній. Такъ, Кимбаликъ оказывался и у Kythai-lacus (по Герберштейну) и далеко на востокѣ, въ собственномъ Китаѣ, (оба они и значатся на картѣ Blaeu); Colmack — и у полярнаго круга и у Каспійскаго моря (Kalmucki) и т. п. Вообще, сравненіе картъ XVI — XVII вѣковъ даетъ намъ не мало доказательствъ тому, что многія области и народы, показанныя тамъ на сѣверѣ и къ востоку отъ Оби, находились въ дѣйствительности много южнѣе, въ верховьяхъ Оби и Енисея [146]).

---

[146]) Многія карты Азіи XIV — XVII вв. приведены у *Витзена* (Noord en Oost Tartarye. 1705 г.), также у *S. Ruge* (карта Fra Mauro и Каталанская 1375 г.), и у Норденшильда. Ср. также изображеніе Азіи въ атласахъ Ортелія, Меркатора и Сансона, на картахъ Hasii и Штраленберга и др. Исторія fretum Anian разсказана въ статьѣ *S. Ruge* («Abhandlungen und Vorträge zur Geschichte der Erdkunde», 1888 г., S. 53 — 70). — Что касается названія Baida, то оно появляется, повидимому, впервые

Къ Алтаю же, относится, вѣроятно, и приводимое далѣе въ сказанiи извѣстiе о людяхъ, ходящихъ подъ землею и о существованiи «надъ озеромъ» мертваго «града», въ которомъ происходитъ нѣмая торговля. Разсмотримъ сперва, что слѣдуетъ разумѣть надъ людьми, ходящими «по подъ землею». «Вверхъ тоя жъ рѣкы великiя Оби есть люди: ходятъ по подъ землею иною рѣкою день да нощь съ огни, и выходятъ на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюденъ и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него». У сибирскихъ инородцевъ, Русскихъ и Китайцевъ, съ древнихъ поръ повидимому, сложились преданiя о существованiи большаго звѣря, ходящаго подъ землею. Подъ этимъ звѣремъ разумѣлся мамонтъ, остатки котораго (кости и бивни), находимые въ землѣ, и подали поводъ къ возникновенiю представленiя о большомъ рогатомъ звѣрѣ, пролагающемъ себѣ подземные ходы. Въ китайскихъ и манджурскихъ рукописяхъ встрѣчается свѣдѣнiе о большой мыши, величиною съ буйвола или слона, боящейся свѣта и выкапывающей себѣ пещеры въ землѣ. Якуты, Тунгузы и Остяки, по стариннымъ извѣстiямъ (начала XVIII в.) полагали, что «мамонтъ постоянно, даже въ самыя лютыя зимы живетъ подъ землею и ходитъ взадъ и впередъ» [147]. Эти представленiя были усвоены и Русскими въ Сибири. Въ «Краткомъ описанiи о народѣ Остяцкомъ», сочиненномъ Гр. Новицкимъ въ 1715 г.,

---

на картѣ Дженкинсона, а это даетъ поводъ предполагать, что оно заимствовано изъ разбираемаго нами новгородскаго сказанiя. Что касается Калмыковъ, то первое обозначенiе ихъ мѣстожительства на картѣ мы находимъ у А. Вида, на картѣ, составленной имъ между 1537 — 1544 гг. и изданной недавно съ фототипiи Миховымъ (*Michow*, Die ältesten Karten von Russland 1884.). Здѣсь они показаны къ югу-востоку отъ Оби и къ сѣверо-востоку отъ р. Deick (Daix Птолемея, позже Яикъ, теперь р. Уралъ) къ востоку отъ «Kosary Horda» и отъ Horda Nohay, съ обозначенiемъ: «Kalmucky Horda. Hi longum capillitium gestant», причемъ изображена группа палатокъ и два человѣка — одинъ конный, другой пѣшiй (см. карту, рис. 7). О прикаспiйскихъ Калмыкахъ упоминаетъ, впрочемъ, еще ранѣе Матвѣй Мѣховскiй, говоря, что juxta illud mare (scil. Caspium) et post ad orientem, ut Ruteni proferunt, quoniam ritum Mahumeticum non colunt, nec crines capitis abradunt, quemadmodum Tartari omnes radunt, praeter adolescentes etc. Извѣстiе о нихъ находится и у Герберштейна: «alii praeterea Tartari trans Rha fluvium sunt, qui quod soli capillos nutriant, Kalmuchi vocantur». На картѣ Меркатора (1566 г.), на которой означены «Baida» и «Colmak», южные, прикаспiйскiе Калмыки не показаны, но на картѣ Blaeu, 1663 г., указаны какъ сѣверные «Calmak», за Imaus mons, къ Ю.-В. отъ Baida, такъ и «Kalmucki, id est criniti Tartari», вблизи Каспiйскаго моря, къ В. отъ Яика. На картѣ Герарда, 1614 г., Kalmucki помѣщены уже только у Каспiйскаго моря, между Turkmen и Bochar, къ В. отъ Яика, и сѣверныхъ Colmack — нѣтъ, хотя Baida еще остались. Впрочемъ эта карта обнимаетъ не всю Сибирь и оканчивается на востокѣ тотчасъ же за Баидой. Всѣ эти данныя показываютъ, что, во-первыхъ, Калмыки уже въ началѣ XVI вѣка кочевали близъ Каспiйскаго моря, и во-вторыхъ, что кромѣ нихъ были извѣстны еще другiе Colmack, которые помѣщались за страной Baida. А такъ какъ земля Баидъ, по разбираемому нами сказанiю, находилась вверху Оби, то тамъ же, но еще далѣе вверхъ (т. е. къ Югу), должны были находиться и Calmack, слѣдовательно въ Алтаѣ, что подтверждаютъ и другiя подробности новгородскаго разсказа.

147) См. *Усовъ*, Единороги, въ «Сочиненiяхъ С. А. Усова». Т. I., и *Анучинъ*, О реставрацiи мамонта въ изд. «Антропологическая выставка». Т. II.

въ § 2, гдѣ говорится о находимыхъ въ землѣ костяхъ «доброты и красоты единыя съ костми слоніовыми и вящше», «величестью знаменитыхъ,— бываютъ бо длиною въ три аршина» и — «подобіемъ аки роги якія», сказано, между прочимъ, что о звѣрѣ семъ, «мамантѣ», «различно разумѣютъ». «Глаголютъ же нѣцыи звѣра сего быти земна, иже влагою земною живетъ и въ пещерахъ земныхъ обрѣтается, наипаче въ влажныхъ; сухого бо и зрачнаго воздуха блюдется зѣло, и глаголютъ, яко егда кіимъ случаемъ пещера его опадетъ, и изыйдетъ на воздухъ, въ влажною же не скоро обратится пещеру, тогда воздухомъ скоро убивается и погибаетъ и тако оставляетъ кости» [148]).

Подобное же толкованіе встрѣчается въ одной Космографіи 1696 г., гдѣ говорится, что «обрѣтаетъ же ся въ томъ (Сибирскомъ) царствѣ въ рекахъ звѣрь, его же наречютъ Мамантъ, а по ихъ татарскому языку Кытръ зѣло великъ. Сего звѣря не видаютъ, кости же его обрѣтаются на брезехъ рѣчныхъ». Составитель самъ «видѣхъ главу младого того звѣря вѣсомъ десять пудъ; подобіе же главы того звѣря, рыло яко свиньи, верхъ устъ его двѣ трубы долги и широки, исподнею губу имѣетъ ниско подъ трубами близко къ горлу, зубовъ же имѣетъ у себя восемь, единъ же зубъ тое малые главы 12 ѳунтовъ вѣсомъ; имѣетъ же тотъ звѣрь на главѣ два рога подобны воловымъ рогомъ. Видѣхъ же и болшаго звѣря рогъ

---

[148]) «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ», соч. *Гр. Новицкимъ* въ 1715 г. Издалъ Л. Майковъ. Спб. 1884., стр. 15—16. Далѣе Новицкій говоритъ: «нѣцыи хотящіи повѣствуемая достовѣріемъ утвердити тако подобіе его изъявляютъ быти: высотою трехъ аршинъ, длиною почти аршинъ, ноги подобни медвѣдя, роги оныя крестообразно сложени на себѣ носяща, и егьда ископоваетъ пещеры, тогда согибаеться и простирается въ подобіе ползящаго змія. Нѣцыи сему противно разумѣютъ и глаголютъ не быти существомъ звѣра сего мамонта, кости же сія мнятъ единоговъ или иныхъ нѣкихъ звѣревъ морскихъ, во время потопа Ноева водою нанесенная и осохшая на земли, древностью же въ землю вселшаяся. Но се тщетное разумѣніе — продолжаетъ Новицкій — зане кости сіи нѣкія обрѣтаются зрачныя, свѣтлыя, чистыя, ветхостью не истлѣнна, множество же по всяко время собираеться; коея бы ради вины вода толикое множество во едину палестину собрала. Разумѣти же тако: не земля ли естественнѣ и самороднѣ отъ себе производитъ кости сія» и т. д., короче самъ Новицкій склоненъ видѣть въ этихъ костяхъ lusus naturae, произведенія неорганической природы. Сочиненіемъ Новицкаго, въ извлеченіи, воспользовался неизвѣстный авторъ (можетъ быть Шведъ) въ статьѣ «о нравахъ и обычахъ Остяковъ» помѣщенной въ «Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la grande Russie» 1725. О мамонтѣ тамъ говорится между прочимъ: «Другіе утверждаютъ, что это рога большаго животнаго, живущаго подъ землею, въ мѣстностяхъ низкихъ и болотистыхъ, что оно питается только грязью и рогами роетъ себѣ дорогу въ землѣ и грязи, когда же онъ попадаетъ въ почву песчаную, то пески осыпаются и сдавливаютъ его со всѣхъ сторонъ, вслѣдствіе чего, не имѣя возможности проложить себѣ путь рогами, животное гибнетъ на этомъ мѣстѣ. Многія лица увѣряли меня, что за Березовымъ они видѣли этихъ животныхъ въ пещерахъ тамошнихъ горъ. По описанію этихъ лицъ, мамонты чудовищны, имѣютъ 4 — 5 арш. въ вышину и около 3 саженъ длины. Они сѣраго цвѣта, имѣютъ длинную голову, широкій лобъ и рога по обѣ стороны, прямо надъ глазами. Они двигаютъ рогами какъ хотятъ, даже скрещиваютъ ихъ».

толщиною у корени поларшина, а въ верхней части въ три вершка толщиною, а длина двѣ сажени, а сказываютъ, что и болши. А вѣсомъ тотъ рогъ полтора пуда. А живетъ тотъ великій звѣрь въ земли и въ водѣ». Впрочемъ, представленіе о большомъ звѣрѣ, живущемъ подъ землею, существовало у Русскихъ еще за долго до знакомства съ Сибирью. Уже въ Голубиной книгѣ поется объ Индрикѣ-звѣрѣ, что онъ:

Звѣрь всѣмъ звѣрямъ мать....
Іонъ копалъ рогомъ мать сыру землю,
Выкопалъ ключи все глубокіе,
Доставалъ воды все кипучіи,

Живетъ этотъ звѣрь за Океаномъ-моремъ,

И онъ ходитъ здѣсь по подземелью....
Происходитъ всѣ горы бѣлокаменныя
Прочищаетъ ручьи и проточины
Пропущаетъ рѣки, кладези студеные....

Такимъ образомъ, Индрикъ представляется очень большимъ звѣремъ съ рогомъ или рогами, живущимъ подъ землею, прорывающимъ себѣ рогомъ подземные ходы и тѣмъ самымъ открывающимъ ключи и пропускающимъ рѣки. Такое представленіе, какъ замѣтилъ С. А. Усовъ, вполнѣ подходитъ къ легендамъ, сложившимся у сѣверныхъ народовъ о мамонтѣ. Усовъ выразилъ также предположеніе, что Индрикъ, Инрогъ, Индрогъ, Единорогъ, составляетъ, можетъ быть, передѣлку самоѣдскаго слова «Іеньгора» или «Яньхора», означающаго «мамонтъ», и составленнаго изъ двухъ: *я* — земля и *хора* олень — самецъ [149]) передѣлку, которая осмыслила для Русскихъ чужое и непонятное слово [150]). Всѣ эти повѣрья относятся, правда, къ звѣрю, къ мамонту, но у Самоѣдовъ и другихъ сѣверныхъ народовъ существуютъ преданія и о живущихъ подъ землею людяхъ. Самоѣды называютъ ихъ Сиртье и говорятъ, что это народъ, занимавшій страну раньше ихъ и который, послѣ ихъ прихода, ушелъ въ землю и живетъ еще тамъ, обладая бобрами, лисицами и стадами мамонтовъ [151]). Кастренъ сопоставляетъ это преданіе съ русскими разсказами о Чуди на Сѣверѣ, которая также представляется завалившею себя добровольно въ землянкахъ, съ приближеніемъ Русскихъ или ушедшею въ землю. Шренкъ приводитъ слѣдующій разсказъ о сиртьяхъ (по Шренку — siirte), слышанный имъ отъ одного Самоѣда Малоземельской тундры. «Сіирты живутъ теперь внутри земли, потому что они не могутъ выносить свѣта солнца. Они имѣютъ свой языкъ, но пони-

---

[149]) *A. G. Schrenk,* Reise nach dem Nordosten des Europ. Russlands. I. Dorpat. 1848. S. 312. Ср. *Усовъ,* Единороги, въ «Сочиненіяхъ». Т. I, стр. 398 — 399. У Юраковъ, по Кастрену, *janhŏra* — мамонтъ, *ja* — земля, *hora* — олень-самецъ.

[150]) Замѣтимъ однако, что *Мочульскій* («Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ» Варш. 1887, стр. 149 слѣд.) сближаетъ Индрика съ Еньдропомъ славянскихъ «Физіологовъ» и съ Индріей — Азбуковниковъ, — маленькимъ звѣркомъ, похожимъ на пса, который живетъ въ р. Нилѣ и убиваетъ крокодила, т. е. съ ихневмономъ.

[151]) *Castren,* Ethnol. Vorlesungen. 1857. S. 86.

маютъ и языкъ Неньцовъ (Самоѣдовъ). Одинъ Ненецъ (Самоѣдъ), роясь однажды въ землѣ, напалъ на пещеру, въ которой жили Сіирты. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «оставь насъ въ покоѣ, мы боимся свѣта и любимъ мракъ земли; но здѣсь есть ходы, ступай къ нашимъ богачамъ, если ты ищещь богатства, а мы бѣдны». Самоѣдъ побоялся однако идти темными ходами и снова завалилъ открытую имъ пещеру. Извѣстно впрочемъ, — продолжалъ разскащикъ, — что эти Сіирты богатый народъ; у нихъ есть серебро и мѣдь, желѣзо, свинецъ и олово въ изобиліи, да и какъ имъ не имѣть всего этого, если они живутъ въ землѣ, а вѣдь всѣ эти вещи добываются изъ земли» [152]). Енисейскіе Самоѣды тоже вѣрятъ въ подземный темный и холодный міръ и въ его обитателей, бывшихъ людей, но они признаютъ, что люди эти, хотя имѣютъ человѣческій образъ, однако не вполнѣ: «у одного нѣтъ руки, у другаго ноги, иной же имѣетъ только половину головы, да и та покрыта мохомъ. Всѣ они живутъ въ чумахъ, которые иногда прикрыты только съ одной стороны... Они ѣдятъ мышей, считая ихъ за оленей, грѣются предъ небольшимъ синимъ огнемъ или просто сидятъ около кучки незажженныхъ дровъ» [153]).

Такимъ образомъ, вѣрованіе въ существованіе подъ землею людей было съ давнихъ поръ въ ходу у сѣверныхъ инородцевъ [154]). Новгородское сказаніе помѣщаетъ ихъ однако въ страну у верховьевъ Оби и не говоритъ, чтобы они жили въ землѣ, а только, что они «ходятъ по подъ землею... иною рѣкою день да нощь съ огни», но все-таки «выходятъ на озеро». Какіе же это люди, ходящіе съ огнемъ подъ землею, по особымъ рѣкамъ (или ходамъ), и для чего они могли это дѣлать? По всей вѣроятности, въ этомъ извѣстіи переданъ слухъ о той Чуди, которая пролагала въ Алтаѣ подъ землей свои копи для добыванія изъ нихъ мѣдной руды. Извѣстно, что какъ въ Алтаѣ, такъ и въ Уралѣ, Русскіе открывали рудники, бо́льшей частью, по слѣдамъ какого-то древняго народа, который былъ знакомъ съ металлургіей, и открылъ въ этихъ горахъ почти всѣ болѣе замѣчательныя въ нихъ мѣдныя мѣсторожденія. Въ нѣкоторыхъ копяхъ находили даже покинутыя или потерянныя прежними рабочими орудія, каменныя, костяныя или мѣдныя кайлы (кирки) и молотки, деревянные ковши, остатки кожаныхъ мѣшковъ, даже огарки грубыхъ сальныхъ свѣчей и кости самыхъ погибшихъ рудокоповъ. Въ Сибири найдена

---

[152]) *Al. Schrenk*, l. c. S. 369. — По словамъ Иславина: «Самоѣды твердо увѣрены, что существуютъ подземные жители Парны, и многіе видѣли даже, какъ изъ ихъ подземныхъ чумовъ выходилъ дымъ». *Иславинъ*, l. c. стр. 139.

[153]) *Третьяковъ*, l. c. стр. 203. *Латкинъ* («Дневникъ во время путешествія на Печору въ 1840 и 1843 гг., I, стр. 149) записалъ со словъ одного Самоѣда, что къ Востоку отъ Оби — «живутъ чудные люди; ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь ближе — они скроются, а куда — никто не знаетъ, видно въ землю уходятъ».

[154]) Вѣрованіе въ подземныхъ людей раздѣляется кое-гдѣ и Русскими. У Малороссовъ — есть повѣрье, что умершіе живутъ подъ землею. Этихъ подземныхъ людей отождествляютъ также съ блаженными Рахманями, (неясный отголосокъ книжнаго сказанія о рахманахъ, т. е. индійскихъ брахманахъ).

была даже бронзовая статуетка (см. рис. 14), изображающая, повидимому, одного такого древняго рудокопа, съ молоткомъ и еще какимъ-то орудіемъ въ рукахъ, съ башлыкомъ на головѣ и съ кожанымъ мѣшкомъ для руды, у пояса [155]). Несомнѣнно, что слухъ объ этой древней горной промышленности долженъ былъ распространиться и среди сосѣднихъ народовъ, жившихъ еще въ состояніи дикости и звѣроловства, хотя и не всегда могъ быть правильно понятъ ими. Доходилъ этотъ слухъ, вѣроятно еще въ XV вѣкѣ (можетъ быть и ранѣе; припомнимъ разсказъ Гюряты Роговича о просѣкающихся чрезъ горы людяхъ) — и до Русскихъ, но такъ какъ инородцы не могли разсказать путемъ, для чего люди эти ходятъ «по подземелью съ огнемъ», то и остался только одинъ этотъ фактъ, который самъ по себѣ, долженъ былъ казаться чуднымъ.

рис. XIV.
Бронзовая статуетка, изображающая древняго Чудскаго рудокопа. Найдена въ Сибири, находится въ Император. Эрмитажѣ.

Но что это за озеро, на которое выходятъ люди изъ подземныхъ ходовъ? На этомъ озерѣ, разсказывается дальше, стоитъ какой-то большой городъ, но безъ посада и людей. «И надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюденъ и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него. И кто поѣдетъ къ граду тому и тогда слышити шюмъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ (живущихъ); и какъ пріидутъ въ него, и людей въ немъ нѣтъ, и шюму не слышити никотораго, ни инаго чего животна, но въ всякыхъ дворѣхъ ясти и пити всего много и товару всякаго, кому что надобѣ; и онъ положитъ въ цѣну противу того да возметъ, что кому надобѣ, и прочь отходятъ, а кто что бесцѣны возметъ и прочь отъидетъ, и товаръ у него погыбнетъ и обрящется пакы въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходятъ отъ града того, и шюмъ пакы слышѣти, какъ и въ прочихъ градѣхъ живущихъ». Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что озеро это — Колыванское, находящееся въ рудоносномъ западномъ Алтаѣ, въ 30 вер. къ с. с. в. отъ Змѣиногорска. Озеро это выпускаетъ изъ себя рѣчку Нижнюю Колыванку, впадающую въ Локтевку, которая относится къ системѣ р. Чарыша, притока Оби... Близъ озера находятся мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ, разрабатывавшіяся уже Чудью и вызвавшія основаніе здѣсь въ 1727 г., Демидовымъ, перваго мѣдиплавильнаго завода. Озеро, въ окружности около 7 верстъ, имѣетъ значительную глубину, очень прозрачную воду и расположено въ горахъ (на высотѣ около 1200 ф.), въ чрезвычайно живописной мѣстности, у подошвы гранитныхъ скалъ, отличающихся

---

[155]) *Эйхвальдъ,* «О чудскихъ копяхъ»; также *Чупинъ,* «Пермскій географ. словарь, статья «Гумешевскій рудникъ». Въ музеѣ Сысертскаго завода я видѣлъ мѣдныя орудія, деревянные ковши и свѣчи, найденные въ Гумешевскомъ рудникѣ.

необыкновенными, причудливыми формами. Скалы эти имѣютъ видъ башенъ, террасъ, пирамидъ, развалинъ зáмковъ и поднимаются надъ озеромъ мѣстами до высоты 600 — 700 фут. [156]). Разсказы о такомъ озерѣ, съ Чудскими около него копями, легко могли подать поводъ къ возникновенію представленія о выхожденіи на озеро людей изъ подземныхъ ходовъ и о существованіи на немъ большаго мертваго «града» (кремля, крѣпости) безъ посада (ибо имѣются одни только развалины стѣнъ и башенъ, а жилыхъ домовъ нѣтъ). Возможно, что такое необыкновенное мѣсто было выбрано сосѣдними народами и для взаимнаго обмѣна товаровъ помощью нѣмаго торга, или же составитель сказанія смѣшалъ здѣсь разсказы о двухъ различныхъ фактахъ и мѣстностяхъ.

Обмѣнъ товаровъ безъ переговоровъ и даже безъ того, чтобы торговцы видѣли другъ друга, засвидѣтельствованъ многими древними и позднѣйшими свидѣтельствамя. Геродотъ разсказываетъ, со словъ Карѳагенянъ, что такъ торговали эти мореплаватели съ народами Африки по ту сторону Геракловыхъ столбовъ (Гибралтара). Они выгружали свои товары на извѣстномъ мѣстѣ берега, потомъ возвращались на суда и разводили на нихъ огонь. Туземцы замѣчали дымъ, выходили на берегъ и клали рядомъ съ товарами — золото. Тогда Карфагеняне снова высаживались на берегъ и смотрѣли, довольно ли золота; если было довольно, они брали его и оставляли товаръ, если нѣтъ, возвращались обратно и ждали. Туземцы снова приходили и добавляли золота, если находили товаръ того стоющимъ. При этомъ ни съ той ни съ другой стороны не было несправедливости; одни не касались золота, покуда количество его не становилось соотвѣтственнымъ цѣнности товара, а другіе не трогали товара, покуда за него не было взято золота [157]). Помпоній Мела и Плиній [158]) разсказываютъ о подобной же нѣмой торговлѣ, производившейся въ уединенномъ мѣстѣ, на

[156]) Геогр. Стат. Словарь Россійской Имперіи. Т. II, стр. 698. По *Щуровскому* («Геолог. путешествіе по Алтаю» М. 1846, стр. 92), Колыванъ — озеро залегаетъ между Саушкинскими гранитами... «Отъ первыхъ гранитныхъ обнаженій до Колыванъ озера считается около 10 — 11 верстъ. На всемъ этомъ пространствѣ горы неистощимо разнообразны... Съ одной возвышенности открылось особенно очаровательное зрѣлище. Безъ всякаго преувеличенія, найдете тутъ всѣ возможныя сравненія съ древними замками, съ развалинами готическихъ зданій, съ падающими башнями, со многими искусственными произведеніями, съ нѣкоторыми животными и человѣческими фигурами. При первомъ взглядѣ на Колыванъ озеро, на эту величественную картину, невольно обращается къ нему все вниманіе».—Ренованцъ («Mineralogisch-geogr. Nachrichten von den Alt. Gebirgen» Berl. 1788. S. 226), говоритъ, что нигдѣ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ, ни на какомъ озерѣ онъ не видалъ передъ собою такой восхитительной картины, какъ на озерѣ Колыванскомъ.— По Ледебуру («Reise durch das Altaigeb.» I B. 1829. S. 332) съ сѣверной и сѣверо-западной стороны — озеро представляетъ «въ высшей степени романтическій пейзажъ».

[157]) Herodot. IV. 196.

[158]) Pomponius Mela, III, 7; Seres, genus plenum justitiae, ex commercio, quod rebus in solitudine relictis absens peragit, notissimum, Плиній говоритъ о той же торговлѣ: Fluminis ulteriore ripa merces positas juxta venalia tolli ab his, si placeat permutatio.

берегу одной рѣки, — между Сингалезцами (жителями о—ва Тапробаны) и римскими торговцами съ одной стороны и народомъ Серами (подъ именемъ которыхъ были извѣстны Грекамъ и Римлянамъ Китайцы) съ другой. Эти древнія извѣстія могли казаться баснословными, покуда не были получены подтвержденія тому въ новѣйшее время, какъ изъ Африки, такъ и изъ Азіи. Хёстъ, Винтерботтомъ, Грабергъ фонъ Хёмзо и другіе путешественники конца прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія констатировали подобный же торгъ между Маврами Марокко и Неграми, живущими по р. Нигеру, между Португальцами и Неграми на берегу Сіерра Леоне въ западной Африкѣ и на границахъ Мозамбика въ восточной, наконецъ между самыми негритянскими племенами, напримѣръ между береговыми Неграми и живущимъ внутри Лоанго малорослымъ племенемъ Бабонго [159]). Относительно Азіи извѣстно, что подобный торгъ существовалъ еще недавно на Суматрѣ между Малайцами и дикимъ лѣснымъ племенемъ Орангъ Кубу; въ южной части острова Тимора — между пріѣзжающими на лодкахъ Малайцами и туземцами; между Айнами о—ва Сахалина и Курильцами, между Чукчами и жителями о—ва св. Лаврентія. Особенно обыкновененъ былъ, повидимому, этотъ способъ торговли въ Америкѣ, индѣйскія племена, которой распадались, въ отношеніи языка, на множество различныхъ нарѣчій. Марціусъ собралъ свѣдѣнія о подобномъ торгѣ между нѣкоторыми племенами Бразиліи; Картрайтъ, между европейскими колонистами и первобытнымъ населеніемъ Нью-Фаундлэнда. Извѣстны также свидѣтельства прежняго времени относительно Мексиканцевъ, и новѣйшаго — относительно Индѣйцевъ Новой-Гренады. Въ предѣлахъ нынѣшней Россіи такой способъ торговли описанъ многими средневѣковыми арабскими путешественниками, какъ происходившій въ «странѣ мрака». По словамъ Ибнъ-Батуты, «страна мрака («юра» — арабскихъ писателей X вѣка) лежитъ въ 40 дняхъ пути отъ Булгара и путешествія совершаютъ туда въ небольшихъ повозкахъ на собакахъ... Послѣ 40 дней пути мерзлою степью путешественники останавливаются въ Странѣ Мрака, выкладываютъ привезенные товары и уходятъ на мѣсто своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, гдѣ оставили товары, и находятъ тамъ для обмѣна соболей, бѣлокъ и горностаевъ. Если торговецъ доволенъ мѣной, то беретъ её тотчасъ съ собою, въ противномъ случаѣ оставляетъ её на мѣстѣ, вмѣстѣ съ своимъ товаромъ. На слѣдующій день жители дѣлаютъ прибавку къ мѣхамъ, и купцы берутъ ихъ, оставляя въ замѣнъ свои товары. Такимъ образомъ происходитъ ихъ купля и продажа. Тѣ, которые тамъ бываютъ, не знаютъ, съ кѣмъ они ведутъ торговлю, съ людьми или духами; они никого не видятъ въ лицо» [160]). Подобныя же извѣстія мы встрѣчаемъ у Абульфеды, Бакуи и другихъ арабскихъ писа-

---

159) *K. Andree,* Geographie des Welthandels. I Bd. 2 Auflage von B. Andree. S. 1877, глава: Der stumme Handel bei wilden Völkern. Ср. также *Кулишеръ,* Очерки сравнит. этнографіи. Спб. 1887, стр. 196 и *Bastian* Der Mensch in der Geschichte III, 366 — 368.

160) *Савельевъ,* Мухаметанская Нумизматика. 1847, стр. CXXXI, слѣд.

телей, причемъ Абульфеда приписываетъ нѣмой торгъ народамъ, живущимъ къ сѣверу отъ Русскихъ, а Бакуи говоритъ, что такой торгъ ведется Болгарами въ странѣ Uaisua или Ualsa, находящейся въ трехъ мѣсяцахъ пути на сѣверъ [161]). Павелъ Іовій (1537) со словъ русскаго посла, Дмитрія Герасимова, сообщаетъ о такомъ же торгѣ у Лопарей съ своими сосѣдями. «Лопари, говоритъ онъ, народъ дикій, подозрительный, избѣгающій слѣдовъ чужаго человѣка, разбѣгающійся даже при видѣ кораблей; они мѣняютъ мѣха, отличающіеся своею бѣлизной, которые мы называемъ горностаевыми, на различные предметы, однако такъ, что избѣгаютъ всякаго разговора съ купцомъ и даже его вида. Сложивъ въ одно мѣсто предметы, которые хотятъ обмѣнять, и оставивъ по срединѣ мѣха, они совершаютъ обмѣнъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ съ отсутствующими и неизвѣстными имъ лицами» [162]). Нѣсколько позже, у Циглера мы находимъ извѣстіе, что «Лопари ведутъ торговлю при помощи обмѣна, а не деньгами, и лишь киваньемъ головы, а отнюдь не рѣчью высказываютъ свое согласіе, и это не оттого, что у нихъ недостатокъ ума или дикіе нравы, но оттого, что они имѣютъ особый языкъ, непонятный сосѣдямъ». Во второй половинѣ XVII вѣка такой нѣмой торговли уже не существовало: Шефферъ (1657) замѣчаетъ, что «они (Лопари) ведутъ торговлю не знаками, какъ прежде, а при помощи словъ, такъ какъ между ними встрѣчаются многіе, которые говорятъ на языкѣ сосѣдей, либо объясняются съ сосѣдями при помощи переводчиковъ, которыхъ между ними много» [163]).

Свидѣтельство о нѣмомъ торгѣ мы имѣемъ также въ разсказѣ лѣтописца со словъ Гюряты Роговича (въ XI в.) и въ описаніи Герберштейна, заимствованномъ изъ русскаго дорожника. Герберштейнъ пріурочиваетъ извѣстіе о нѣмомъ торгѣ къ людямъ Лукоморья (Lucomorya), умирающимъ на зиму. «Жители городовъ Грустины (Grustina) и Серпонова (Serponovu) ведутъ съ ними (людьми Лукоморья) торговлю необыкновеннымъ, неизвѣстнымъ въ другихъ странахъ способомъ, ибо, когда у нихъ наступаетъ опредѣленное время умереть или заснуть, они складываютъ товары въ извѣстномъ мѣстѣ, а Грустинцы и Серпоновцы уносятъ ихъ, оставляя вмѣсто нихъ свои товары и дѣлая ровный размѣнъ. Возвратясь къ жизни (Лукоморцы) требуютъ назадъ свои товары, если находятъ, что имъ сдѣлана несправедливая оцѣнка; отъ того возникаютъ между ними весьма часто

---

161) Извлеченія изъ этихъ писателей приведены у *Sommier,* «Sirieni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob». Fir. 1887, p. 44—45.

162) *P. Iovius,* «In extremo vero eius oceani litore... Lapones existunt, gens supraquam credibile sit, agrestis, suspiciosa, et ad omne externi hominis vestigium navigiique conspectum, maxime fugax... Ii candidissimas pelles quas Armelinas vocamus, cum varii generis marcimoniis permutant, sic tamen, ut omne mercatorum colloquium conspectumque defugiant, adeo ut mutua rerum venalium collatione facta, et relictis medio in loco pellibus cum absentibus et ignotis syncerissima fide permutationes transigantur.

163) *Scheffer,* Lapland, 1657. Ср. *Н. Н. Харузинъ.* Лопари, стр. 121—123. О нѣмомъ торгѣ у Тунгузовъ, см. еще въ концѣ статьи.

споры и войны». Лукоморье Герберштейнъ помѣщалъ въ горахъ, по ту сторону Оби, повидимому, до моря, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «приморскія мѣста Лукоморьи лѣсисты». Но на картахъ XVII в. положеніе Лукоморіи опредѣляется южнѣе, въ средней части Оби, между нею и Енисеемъ.

Какъ бы то ни было, въ существованіи нѣкогда нѣмаго торга въ Сибири нельзя сомнѣваться. Гондатти слышалъ въ Обдорскѣ отъ стариковъ, что такой торгъ существовалъ еще сравнительно недавно съ Самоѣдами, а г. Турбинъ передавалъ мнѣ, что онъ практиковался еще въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ въ Амурской области съ тамошними инородцами.

Герберштейнъ прибавляетъ еще, что отъ устья р. Иртыша до крѣпости Грустины два мѣсяца пути, а отъ нея до озера Китая (Kitai) рѣкою Обью (которая вытекаетъ изъ этого озера) болѣе чѣмъ три мѣсяца пути. «Отъ этого озера приходятъ въ большомъ числѣ черные люди, лишенные дара слова (т. е. имѣющіе «языкъ нѣмъ»); они приносятъ съ собой много товаровъ, преимущественно же жемчугъ и драгоцѣнные камни (uniones, lapides preciosos; sonderlichen Perln und Edlgestain), которые покупаются Грустинцами и Серпоновцами. Озеро Kitai, Kitaisko — встрѣчается почти на всѣхъ картахъ XVII в., какъ мѣсто начала Оби. Очевидно, оно соотвѣтствуетъ Телецкому озеру, изъ котораго вытекаетъ р. Бія (по соединеніи съ Катунью составляющая Обь) [164]). Но какіе такіе «черные люди» могли приходить оттуда и приносить жемчугъ (или раковины) и драгоцѣнные камни? Витзенъ видѣлъ въ нихъ Индусовъ, Лербергъ — Бухарцевъ; послѣднее болѣе вѣроятно, такъ какъ позже, съ проникновеніемъ въ Сибирь Русскихъ, торговцами съ юга оказались тамъ именно Бухарцы. По всей вѣроятности — они заходили для торговли и въ болѣе раннюю эпоху, а вмѣстѣ съ ними иногда и Индусы, которые и теперь являются нерѣдко для торговыхъ цѣлей въ Туркестанъ и Кульджу.

Въ сказаніи говорится, что нѣмой торгъ на озерѣ долженъ былъ происходить честно; въ противномъ случаѣ, если кто «бесцѣны» что бралъ, товаръ исчезалъ у него и оказывался снова на прежнемъ мѣстѣ. На сѣверѣ съ давнихъ поръ практикуется обычай, что если кто (охотникъ, странникъ, торговецъ) найдетъ гдѣ въ лѣсу пустую избушку и въ ней какія-либо вещи, которыя могутъ ему понадобиться, то онъ беретъ, что ему нужно, но оставляетъ взамѣнъ взятаго предметы соотвѣтствующей годности и цѣнности, или деньги. Обычай этотъ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, соблюдался свято, къ общей для всѣхъ пользѣ, такъ какъ нарушеніе довѣрія кѣмъ-либо однимъ могло отозваться весьма невыгодно на

---

164) Телецкое озеро (Алтынъ-норъ) находится въ поперечной долинѣ Алтая, между Телецкими и Абаканскими горами и занимаетъ пространство въ 250 кв. в. Мѣстами оно обставлено отвѣсными, поросшими лѣсомъ скалами, съ которыхъ шумятъ пѣнящіеся потоки.

всѣхъ другихъ, которые бы оказались въ томъ же положеніи. Эта же общая для всѣхъ выгода заставляла несомнѣнно придерживаться справедливости и при нѣмомъ обмѣнѣ товаровъ съ сибирскими дикарями, который иначе былъ бы невозможенъ, а равно повела, вѣроятно, и къ возникновенію повѣрья, что неправильно произведенный обмѣнъ не способенъ идти на пользу торговца [165]).

Послѣднее извѣстіе сказанія касается «каменской самоѣди», которая «облежитъ около югорьскіе земли». «А живутъ по горамъ высокымъ, а ѣздятъ на оленехъ и на собакахъ, а платье носятъ соболіе и оленіе». «Каменскими» называются и теперь еще тѣ изъ Обдорскихъ Самоѣдовъ, которые «своими кочевьями занимаютъ мѣста на Уральскихъ горахъ и на полуостровѣ Ялмалѣ» въ отличіе отъ «низовскихъ», кочующихъ между Обскою и Енисейскою губами [166]). Что касается до названія Уральскихъ горъ «высокими», то слѣдуетъ замѣтить, что въ прежнія времена имѣлось вообще преувеличенное о нихъ представленіе или — что сѣверный Уралъ производилъ на жителей равнинъ впечатлѣніе гораздо большей вышины, чѣмъ онъ имѣетъ её въ дѣйствительности. Князь Курбскій, ходившій походомъ въ Югру, говорилъ Герберштейну, что онъ 17 дней взбирался на

---

[165]) Весьма трудно объяснить, какъ понимать въ разбираемомъ нами извѣстіи «свѣтъ пречюденъ» и «шумъ великъ». Нѣчто подобное встрѣчается въ посланіи XIV вѣка Новгородскаго архіепископа Василія къ Тверскому епископу Өедору — о раѣ уцѣлѣвшемъ на землѣ. Здѣсь разсказывается, что одинъ Новгородецъ съ сыномъ нашли мѣсто рая гдѣ-то на высокихъ горахъ, у отдаленныхъ береговъ моря, хотя взойти туда оказалось невозможнымъ. На тѣхъ горахъ написанъ Деисусъ «лазоремъ чуднымъ» и вокругъ всего мѣста «свѣтъ самосіяненъ». Хотя солнца и не было, но «свѣтъ бысть многочастный, свѣтлѣяся паче солнца, а на горахъ тѣхъ ликованіе много слышахуть и веселія гласы вѣщающе». Отъ Новгородцевъ же дошло извѣстіе и объ адѣ: «на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка смоляная Моргъ; вода входитъ въ преисподнія и паки исходитъ трижды днемъ». Здѣсь «свѣтъ самосіяненъ» можетъ быть надо понимать, какъ сѣверное сіяніе, а адъ — какъ какой нибудь водоворотъ въ морѣ. Герберштейнъ, со словъ Григорія Истомы, говоритъ, что въ сѣверномъ морѣ есть мысъ, называемый Святымъ Носомъ (Sanctus Nasus). «Это — огромная скала, вдающаяся въ море, на подобіе носа; подъ нею видна водоворотная пещера, которая каждые шесть часовъ поглощаетъ морскую воду и съ большимъ шумомъ изрыгаетъ ее обратно. Одни говорили, что это середина моря, другіе, что это Харибда. Сказывалъ онъ (Истома), что сила этой пучины такъ велика, что она притягиваетъ корабли и другіе предметы, крутитъ ихъ и поглощаетъ»... Объясненіе этого «водоворота» заключается въ томъ, что у Святаго Носа, дѣйствительно, сталкиваются два теченія, отъ чего образуется такъ называемый сулой или толчея. Классическая Харибда находилась, какъ извѣстно, въ Мессинскомъ проливѣ, гдѣ также существуетъ сильное теченіе. Тотъ же Герберштейнъ, со словъ Норвежцевъ и русскихъ пословъ, сообщаетъ о высокихъ горахъ на сѣверѣ, подобно Этнѣ постоянно извергающихъ пламя и заключающихъ въ себѣ, по утвержденію нѣкоторыхъ, чистилище. Но, какъ извѣстно, никакихъ огнедышущихъ горъ ни въ Норвегіи, ни на Сѣверѣ Россіи нѣтъ. Вулкановъ нѣтъ также ни въ Алтаѣ, ни во всемъ Туркестанѣ, и хотя про Туркестанскія горы и ходила прежде молва, что тамъ есть вулканы, но слухи эти, какъ дознано потомъ, вызваны были, вѣроятно, самовозгараніемъ залежей каменнаго угля.

[166]) *Кушелевскій,* I. стр. с. 112.

какую-то гору «Столпъ», «которая вдается въ океанъ» и простирается до самыхъ устьевъ Двины и Печоры». Впрочемъ Курбскій разумѣлъ, повидимому, не одну какую-нибудь вершину, а говорилъ, вѣроятно, о переходѣ поперекъ всей горной системы. Ранѣе, въ XI вѣкѣ (въ разсказѣ Гюряты Роговича), объ Уралѣ имѣлось понятіе, какъ о горахъ «имже высота аки до небесе» [167]).

Далѣе о Каменской Самоѣди говорится: «А ядятъ мясо оленіе, да и собачину, и бобровину сыру ядятъ, а кровь пьютъ человѣчю и всякую. Да есть у нихъ лѣкари: у котораго человѣка внутри не здраво, и они брюхо рѣжутъ, да нутръ вынимаютъ и очищаютъ и паки заживляютъ». Употребленіе Самоѣдами сыраго мяса извѣстно всѣмъ; даже Архангельскіе Самоѣды «всему предпочитаютъ сырое, дымящееся оленье мясо и теплую кровь только что убитаго оленя. Иславинъ говоритъ также, что Самоѣды не гнушаются ѣсть и падаль, особенно бѣдняки [168]). Не удивительно, что въ прежнее время они ѣли и собачину, и бобровину, тѣмъ болѣе, что ранѣе бобръ былъ навѣрное болѣе обыкновененъ въ Приуральскомъ краѣ, чѣмъ теперь. Относительно употребленія человѣческой крови, напомнимъ снова вогульскія и самоѣдскія преданія объ ихъ древнихъ богатыряхъ. Что касается «лѣкарей», то подъ ними, очевидно, разумѣются шаманы. По словамъ Кушелевскаго, шаманы Каменскихъ Самоѣдовъ выдѣлываютъ «разныя штуки, въ родѣ чудесъ, напримѣръ прокалываютъ себя ножемъ или саблею; кровь не идетъ и живъ остается... Сидя на землѣ, шаманъ беретъ бубенъ, начинаетъ въ него бить, тяжело вздыхать, втягиваетъ въ себя воздухъ, кривляется, послѣ прокалываетъ себя ножемъ въ животъ, грудь и въ изнеможеніи падаетъ на землю»... По Иславину, самоѣдскій «шаманъ», во время вдохновенія, дѣлаетъ, будто вонзаетъ себѣ шомполъ или ножъ въ одинъ бокъ, а изъ другого вынимаетъ». Подобныя штуки они продѣлываютъ и надъ больными. «Наружныя болѣзни или наросты, — говоритъ Иславинъ, — они или срѣзываютъ ножемъ или скусываютъ зубами, а о внутреннихъ говорятъ, что это завелся червь въ животѣ, и чтобы найти мѣсто, гдѣ онъ сидитъ, водятъ по животу божкомъ съ острымъ носикомъ... и когда найдутъ больное мѣсто, то или *вскрываютъ животъ*, или просто, прикладываясь къ нему зубами, дѣлаютъ видъ, будто призываютъ червя и всасываютъ его въ себя и, вынувъ изо рта, показываютъ излѣченному».

---

167) Въ Сибирской лѣтописи И. Черепанова — объ Алтайскихъ горохъ тоже говорится, что они достигаютъ «главою до небесъ». Въ Разрядной книгѣ, о походѣ 1492—1500 гг. Кн. Петра (Ушатаго) и кн. Семена (Курбскаго), сказано, что они шли отъ Печоры до Каменя двѣ недѣли, и тутъ развелися... черезъ Камень щелью, а Камени въ облакахъ не видно. А коли вѣтрено, ино облака раздираетъ. А длина его отъ моря до моря. Названіе «Камень» происходитъ, можетъ быть, отъ остяцкаго и самоѣдскаго названія Урала — «Кёу» и «Пай», что означаетъ камень или скалу. См. *Замысловскій*, стр. 137.

168) По словамъ Кушелевскаго, «видѣть какъ Самоѣды жрутъ оленье мясо, макая его въ кровь, и пачкаютъ кровью и безъ того противныя свои физіономіи — переходитъ за предѣлы самосильнѣйшаго отвращенія».

По словамъ Третьякова, самоѣдскій шаманъ, «чтобы исторгнуть изъ тѣла злаго духа... хватаетъ зубами за больное мѣсто и черезъ нѣсколько минутъ вытаскиваетъ изъ своего рта кишку какого нибудь звѣря, червяка или просто волосокъ. Понятно, что такое «вскрытіе живота» и выниманіе кишки могло вызвать представленіе, что самоѣдскіе лѣкари рѣжутъ больному брюхо, нутро вынимаютъ и очищаютъ и паки заживляютъ» [169]).

Въ заключеніе о той же самоѣди сказано: «Да въ той же Самоѣди видали, скажютъ самоѣдь же, старые люди, зъ горы подлѣ море, мертвыхъ своихъ: идутъ плачющи множество ихъ, а за ними идетъ великъ человѣкъ, погоняя ихъ палицею желѣзною» [170]). Здѣсь передается, очевидно, разсказъ стариковъ-Самоѣдовъ, видавшихъ будто бы своихъ мертвыхъ. Для объясненія этого разсказа слѣдуетъ принять во вниманіе повѣрье Самоѣдовъ и Остяковъ, что загробный міръ находится на сѣверѣ, у Ледовитаго моря. (По словамъ Н. Л. Гондатти, Маньзы (Вогулы) вѣрятъ, что тѣнь человѣка отправляется въ подземное царство, расположенное въ Ледовитомъ морѣ, за устьемъ Оби, и находящееся въ распоряженіи подземнаго бога Куль-одыръ (куль—дьяволъ), который получаетъ записи отъ Нуми-торума (старшаго сына Корсъ-торума, главнаго бога), кому слѣдуетъ умереть. Куль-одыръ, отличающійся большимъ ростомъ, беретъ тѣни записанныхъ и гонитъ ихъ большою дубиною чрезъ тундры въ свое царство. Каменскіе самоѣды, по словамъ Кушелевскаго, «находившись съ давнихъ поръ подъ вліяніемъ Остяковъ, усвоили себѣ многія религіозныя ихъ понятія о нумѣ (богѣ), о загробной жизни человѣка и о сотвореніи міра». Если это такъ, то они могли усвоить и вѣрованіе въ Куль-одыра, большого роста («великъ человѣкъ»), который гонитъ тѣни умершихъ дубиною чрезъ тундры, и разсказы о которомъ могли дойти и до составителя Новгородскаго сказанія.

Любопытно, что въ сказаніи не говорится ни объ одномъ сибирскомъ народѣ, который бы употреблялъ исключительно каменныя и костяныя орудія, т. е. находился бы въ стадіи каменнаго вѣка. Если упоминается оружіе: трубка для стрѣльбы, стрѣлы, палица, — то только желѣзныя [171]).

---

[169]) Повидимому, первое извѣстіе о самоѣдскихъ шаманахъ и ихъ камланіи встрѣчается у Джонсона, въ его письмѣ къ Ченслеру, 1556 г. Джонсонъ описываетъ гаданіе и жертвоприношеніе Самоѣдовъ, видѣнныхъ имъ близъ устья Печоры. При этомъ онъ говоритъ, что шаманъ (жрецъ — priest) былъ одѣтъ въ странный костюмъ, билъ палкой въ бубенъ, испускалъ дикіе звуки, пришелъ наконецъ въ изступленіе и упалъ на землю, какъ мертвый. Затѣмъ онъ очнулся, взялъ мечъ и воткнулъ его на половину въ свой животъ, но такъ, что раны не было. «Then hee tooke a zworde of a cubite und a spaune long (I did met it my selfe) and put it into his bellie halfeway and sometime lesse, but no wounde was to bee seene».

[170]) Въ спискѣ Унковскаго послѣ словъ «мертвыхъ своихъ» вставлено «несуть»; очевидно, переписчикъ не могъ понять, какъ это мертвые могутъ идти, и предположилъ, что тутъ пропущено слово «несуть» и что слово «идутъ» относится къ провожатымъ.

[171]) Судя по разсказу Гюряты Роговича (въ концѣ XI в.) — Зауральскіе народы еще находились тогда въ переходной стадіи отъ камня къ желѣзу. О нихъ говорится: «кажють на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ

Очевидно, Русскіе еще не знали тогда Тунгузовъ и другихъ инородцевъ Восточной Сибири, съ которыми встрѣтились позже, и у которыхъ оказалось оружіе изъ камня и кости, какъ-то и было отмѣчено въ «сказкахъ» служивыхъ людей XVII в. Такъ, въ сказкѣ служилаго человѣка Нехорошка Иванова Колобова, отъ 7154 (1645 г.), воевавшаго съ Тунгузами на р. Ульѣ, объ оружіи и орудіяхъ этого народа говорится такъ: «а бой у нихъ лучной, копейца и рогатины все костяныя, а желѣзныхъ мало, и лѣсъ и дрова сѣкутъ и юрты рубятъ каменными и костяными топорки» [172]). У Чукчей, Юкагировъ, Камчадаловъ, Курильцевъ, Алеутовъ — каменныя орудія и оружія употреблялись, какъ извѣстно, еще въ XVIII вѣкѣ и встрѣчались даже, мѣстами, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Заканчивая разсмотрѣніе сказанія, нельзя не повторить снова, что многія извѣстія его совершенно согласны съ дѣйствительностью, другія вѣроятны или возможны, третьи основаны, тоже, очевидно, на дѣйствительныхъ, хотя преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ фактахъ и только нѣкоторыя — представляются явно миѳическими, но и то едва ли придуманными нарочно, а скорѣе передающими ходившія между Югрой и посѣщавшими ихъ Русскими — повѣрья и разсказы. Если бы составитель сказанія выдумывалъ явныя небылицы, онъ могъ бы припомнить и Гога и Магога, и какихъ-нибудь свирѣпыхъ псиголовцевъ, помѣстить въ неизвѣстной странѣ разныхъ чудныхъ звѣрей, людей съ хвостами, страшныхъ великановъ и т. под., чего однако онъ не сдѣлалъ. Какъ ни миѳиченъ, напримѣръ, разсказъ объ умирающихъ на зиму людяхъ, однако его далеко перещеголяли нѣкоторыя легенды о вліяніи мороза, составившіяся въ средневѣковой литературѣ Запада, напримѣръ о звукахъ голоса и трубъ, застывающихъ на морозѣ и звучащихъ снова послѣ оттаиванія, о всадникахъ примерзающихъ къ сѣдлу лошади, объ отрѣзанной на морозѣ головѣ, прирастающей потомъ снова къ тѣлу и т. п. [172]). У многихъ старинныхъ путешественниковъ, не только средневѣковыхъ, но и XVI — XVIII вѣковъ, можно встрѣтить большее число баснословныхъ извѣстій, чѣмъ въ этомъ простомъ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ Новгородскаго торговаго человѣка.

Наоборотъ, положительныя стороны разбираемой статьи заслуживаютъ полнаго вниманія съ историко-этнографической точки зрѣнія. Въ немъ мы находимъ первый сколько нибудь связный разсказъ о народахъ по нижнему теченію р. Оби и по р. Тазу, объ Юракахъ, Каменскихъ Самоѣдахъ и другихъ племенахъ имъ родственныхъ, — первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ Тюрко-монгольскихъ,

---

ножъ ли, ли секиру, и они даютъ скорою (въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго: «соболи, куницу, белку») противу». Но къ XV в. народы эти, повидимому, уже хорошо ознакомились съ желѣзомъ. — Сообщеніемъ указанныхъ «сказокъ» (изъ дѣлъ Якутскаго Обл. Правленія, въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи) я обязанъ А. А. Гоздаво-Голомбіовскому.

[172]) *S. Ruge*. Frostgeschichten, въ «Abhandlungen und Vorträge zur Geschichte der Erdkunde». Dr. 1888. S. 21 — 31.

ихъ бытѣ, древней разработкѣ Алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры: здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о людоѣдствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменскихъ Самоѣдахъ.

Что касается до того, какимъ образомъ невѣрно понятые и преувеличенные разсказы могли давать поводъ къ возникновенію среди Русскихъ въ Сибири даже въ концѣ XVII вѣка, баснословныхъ слуховъ, — любопытный примѣръ представляетъ отписка Енисейскаго воеводы князя К. О. Щербатаго въ Сибирскій приказъ — о дикихъ людяхъ Чюлюгдеяхъ, 1685 г., найденная въ выпискахъ изъ столбцевъ Сибирскаго приказа, сдѣланныхъ въ 1776 г. въ Сенатскомъ Разрядномъ Архивѣ (нынѣ находящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи) и опубликованная недавно А. А. Гоздаво - Голомбіевскимъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» за 1888 г. Въ отпискѣ говорится, что въ февралѣ 193 г. (1685) «почала быть словесная речь межъ всякихъ чиновъ, будто въ енисейскомъ уѣздѣ, вверхъ по Тунгускѣ рекѣ, явились дикіе люди ободной рукѣ и ободной ноге». Узнавъ объ этомъ и воспользовавшись прибытіемъ въ Енисейскъ «сверхъ Тунгуской реки... Чодобскихъ розныхъ волостей ясачныхъ тунгусовъ», воевода велѣлъ «про тѣхъ вышеписанныхъ дикихъ людей тѣхъ тунгусовъ распросить, гдѣ тѣ дикіе люди и вкакихъ местехъ живутъ и каковы они въ рожи, те люди, и какое на себѣ платье носятъ». На допросѣ тунгусъ съ Каты рѣки Богдашка Чекотѣевъ сказалъ: «вверхъ де по Тунгуске рѣкѣ идучи, на левое стороне противъ деревни Кужемскои, гдѣ живетъ енисейской пашенной крестьянинъ Васка Пановъ стоварищи, на высокои горе, вкамени отъ Тунгуски реки версты стри видѣлъ онъ, Богдашко, яму, а та де яма вовсе стороны кругла шириною аршина пополтора и исъ тойде ямы исходитъ духъ смрадной, человеку невозможно духа терпети, и у туй де ямы состоять онъ, Богдашко, долго не могъ оттого смраднаго духа и одшедъ де отъ ямы лежалъ отъ того духу головною болѣзнью день, а какова де та яма пошла вземлю шириною и въ глубину того де онъ, Богдашко, неведаетъ, потому что де онъ вту яму незаглядывалъ, а около де тое ямы мелкои и болшой стоячей лѣсъ на кореню, по местамъ знаки строганы ножемъ или инымъ чѣмъ во многихъ местехъ, а у своей братьи у тунгусовъ онъ Богдашко слыхалъ, что живутъ де въ тои яме люди, а имяна тѣмъ людемъ чюлюгдеи, а ростомъ де тѣ люди среднему человѣку вгруди, ободномъ глазе и ободной рукѣ и ободной ногѣ, а глазде у него чюлюгдѣя и рука слѣвую сторону, а нога съ правую сторону, а зверя де всякого и птицу они чюлюгдѣи стрѣляютъ излуковъ, а рѣжутъ де зверя и дерево стружутъ пилою, а какимъ де образцомъ лукъ и стрѣла и пила того де онъ Богдашко неслыхалъ и не видалъ, а торгъ де у нихъ чюлюгдѣевъ съ ними тунгу-

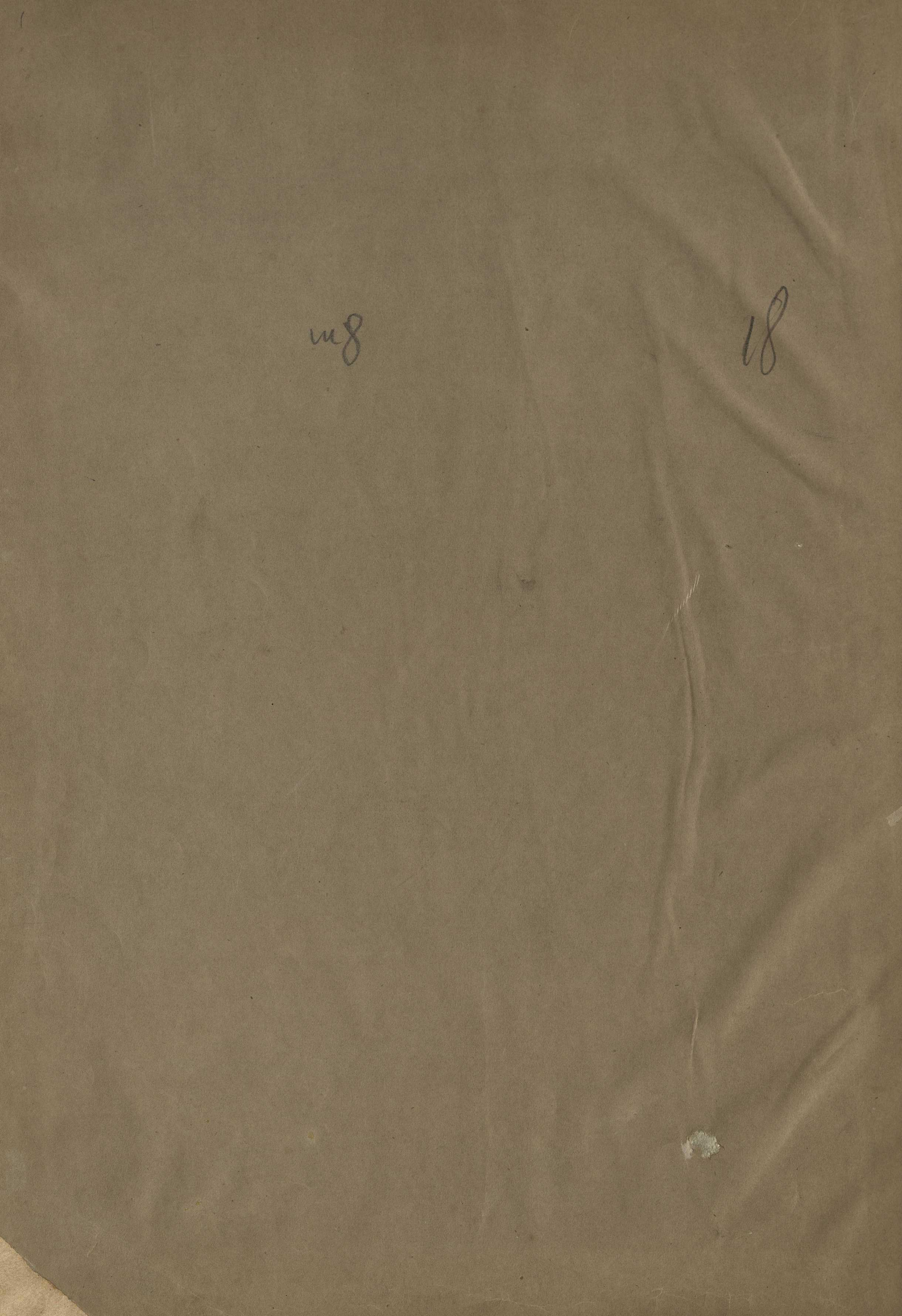
сами такои: приносятъ де тунгусы на ихъ дороги, по которымъ дорогамъ они чюлюгдѣи ходятъ, дятлевое птичье перье и тоде перье втыкаютъ они около стоячего лиственичнаго дерева влиственичную кожу а тѣде чюлюгдѣи, пришедъ, то перье емлютъ безъ нихъ тунгусовъ, а тѣмде тунгусомъ вмѣсто того перья кладутъ на тожъ место стрельные всякіе птицы и посуду своего дѣла, а какую де посуду кладутъ мѣдную или желѣзную или иную какую и для чего де дятлевое перье себе емлютъ, того де онъ Богдашко не слыхалъ, да онже де Богдашко слыхалъ отъ брацкихъ ясашныхъ тунгусовъ, которые живутъ по Ангарѣ реке въ Брацкомъ уезде, ставили де тунгусы на зверей самострѣлы и исъ техъ де тунгусовъ тунгусъ въ самостреле своемъ вынялъ застрелянного того дикого человѣка, а платье де на томъ дикомъ человеке тулупецъ кожиной опушенъ бѣлою козлиною, а въ рукахъ де у него пила железная, а какой де кожиной тулупъ теплой или холодной и какимъ обрасцомъ пила зделана про то де онъ, Богдашко, неслыхалъ, а на которой де стороне глаза нетъ и та де сторона лицо и бокъ весь чернъ что уголь, а родимая ль де та черность или черненая про то де онъ не слыхалъ, а другая де сторона лицо и бокъ какъ у человека, и того де мертваго дикого человека тотъ тунгусъ кинулъ у того самострела, и после де тѣ дикіе люди того застреленого взяли ксебе, а иного де ничего онъ, Богдашко, про техъ дикихъ людеи неслыхалъ, а подлинно де про то ведаютъ братскіе ясашные тунгусы а онде, Богдашко, противъ той вышеписанной Кежемской деревни, что живетъ пашенной Васка Пановъ, видѣлъ самъ на горѣ въ камени ту яму и оттои де ямы виделъ же слѣдъ техъ дикихъ людей на снегу хожено одною босою ногою, а тотъ де ихъ следъ гораздо малъ, какъ пяти лѣтъ ребенка». Другой тунгусъ, Имарги, показалъ по тому же вопросу слѣдующее: «въ прошлыхъ де годехъ шелъ де онъ, Имарги, ссоболиного промыслу изъ лѣсу весною по малому снегу и противъ деревни де Кежемскои, гдѣ живетъ пашенной крестьянинъ Васка Пановъ стоварищи въ камени втомже месте, гдѣ видалъ яму вышеписанной Кацкой же тунгусъ Богдашко Чѣкотеевъ, нанесло де на него духъ смрадной стого места съ камени, невозможно человеку терпети, а тотъ де духъ таковъ, какъ желѣзо горитъ, и мимо де то мѣсто, онъ, Имарги, прошелъ скоро, а около де того места на такомъ лесу, отъ деревья кожа кругомъ рукою обтерта до дерева по одному месту, отъ земли человѣку впоясъ, и пришедъ де онъ ксвоеи братье къ тунгусамъ и про тотъ духъ смрадной и про обтертое деревье сказывалъ, и тунгусы де про яму говорили, чаятъ де, что тутъ живутъ дикіе люди чюлюгдеи, да онъ же де слыхалъ у своей же братьи у тунгусовъ, что въ прошлыхъ недавныхъ годехъ ставливали де тунгусы на козъ самострелы а такого дикого человека одинъ тунгусъ вынялъ всамостреле своемъ застреленого, а каковъ тотъ дикой человекъ ростомъ и врожей и вприметы и какое на немъ платье, протоде онъ ни откого не слыхалъ». Послѣ того воевода вызвалъ къ допросу «Кужемской деревни пашеннаго крестьянина Васку Панова», который на тотъ же вопросъ, показалъ: «по Тунгуске де реке вверхъ идучи на левои стороне противъ ево Васкины деревни въ горѣ въ каменѣ, где бутто виделъ онъ,

Богдашко, яму и такой де ямы онъ Васка не видалъ и духу смраднаго втехъ местехъ никакихъ никакова неслыхалъ, а Кѣжейскіе де тунгусы сказываютъ, слыхали у дедовъ и у прадедовъ своихъ, что близъ де той ево нынешней Васкины Кужемской деревни жили дикіе люди во Каменю и въ земле, а называли де ихъ чюлюгдеями, а теде дикіе люди ростомъ среднему человеку вгруди, поперекъ толсты, ободной рукѣ, ободной ногѣ, ободномъ глазе, а платье де они носятъ будто де тунгусково переводу, а шапки на нихъ маленькіе круглые, а теплое-ль-де то платье носятъ или холодное того неслыхалъ, а следъ де деды и прадеды ихъ тунгускіе видали гораздо малъ, а тотде ихъ следъ видали лѣтомъ на песку около ихъ, гдѣ они живутъ, хожено босою ногою, а оттехде ямъ смрадной духъ великои, невозможно человеку терпеть, и ввидъ де ихъ видали, а ходятъ де тѣ дикіе люди гораздо скоро, буде отъ нихъ бѣжать противъ солнца и они де постичь человека не могутъ, а буде де въ которои день сонца нетъ и въ тѣ де дни носятъ они, тунгусы, ссобою дерево, которое бьетъ громовою стрелою и темде деревомъ отнихъ отбиваютца, а какъ де техъ деревъ сними не живетъ и они де чюлюгдеи ихъ тунгусовъ давятъ, а торгуютъ де они дикіе люди съ тунгусами, приносятъ де на ихъ ямы птичье перье дятлевое и сойное и делаютъ исъ прутья деревянные колца и теде колца кладутъ у ямъ ихъ сперьемъ вместе для того, какъ де они зделаютъ колцо малое и тѣ де дикіе люди за то перье противъ того колца малово положатъ на тожъ мѣсто своего дѣла котелъ болшои, а какъ де положатъ колцо болшое и то де противъ того полажатъ котелъ малой, а говорятъ де тѣ люди по тунгуски, да тѣжде дикіе люди бутто вымали у дѣдовъ и у прадедовъ ихъ изъ ловушикъ ихъ зайцы и козы, а какое де у нихъ ружье естьли и для чего дятлевое и сойное перье они емлютъ и какіе у нихъ котлы медные или желѣзные, тогоде онъ Васка отъ нихъ тунгусовъ неслыхалъ, да видали де ево Васкины внучаты противъ своеи деревни въ ближнихъ местахъ знать стоячее дерево человеку впоясъ обтерто неведома чемъ кругомъ дерева мало не до самого дерева, а тунгусы де имъ сказываютъ, что будто то деревье оптерли те дикіе люди, а онъ де Васка самъ того деревья не видилъ, да онже де Васка слыхалъ оттехъ же тунгусовъ, что въ Илимскомъ де уезде, вверхь идучи по Илиме реке на посторонной реке на Тубе ставили де въ прошлыхъ давныхъ годехъ тунгусы на звереи самострелы и одному де тунгусу попалъ на самострелъ такой же дикои человекъ, а каковъ де онъ возрастомъ и априметы и какое на немъ было платье, того де онъ Васка ничего не ведаетъ и отъ ихъ тунгусовъ неслыхалъ».

Въ результатѣ допроса оказалось, слѣдовательно, что у Тунгузовъ есть старинное преданіе, будто въ горахъ, въ землѣ живутъ дикіе люди Чюлюгдеи, небольшого роста, объ одной рукѣ, объ одной ногѣ и объ одномъ глазѣ; что они имѣютъ пребываніе въ ямахъ, изъ которыхъ исходитъ смрадный духъ («какъ желѣзо горитъ»), что Тунгузамъ случалось прежде съ ними воевать, но что они вели также съ ними нѣмой торгъ и обмѣнивали птичьи перья на котлы (неизвѣстно — мѣдные или желѣзные), и что

есть слухъ, будто однажды такой дикій человѣкъ попался въ звѣриную ловушку. Въ этихъ смутныхъ разсказахъ смѣшались, повидимому, два преданія или повѣрья; во-первыхъ, что Тунгузы вели прежде нѣмой торгъ съ какимъ-то народомъ, который занимался желѣзною промышленностью, обжигалъ желѣзную руду и обмѣнивалъ металлическіе котлы на перья (нужныя, можетъ быть, для стрѣльныхъ древковъ), а во-вторыхъ, что по разсказамъ стариковъ Тунгузовъ въ землѣ живутъ «чюлюгдеи», полу-люди имѣющіе только одну руку, одну ногу и одинъ глазъ. Послѣдніе, очевидно, соотвѣтствуютъ тѣнямъ умершихъ Енисейскихъ Самоѣдовъ, которые представляются имѣющими человѣческій образъ, но не вполнѣ, безъ руки, безъ ноги или безъ половины головы, или злымъ духамъ (въ первоначальной основѣ тоже, повидимому, душамъ покойниковъ), которые также походятъ на человѣка, но не совсѣмъ, имѣютъ, напримѣръ, одинъ глазъ или два рта и т. п. Возможно, что у самихъ Тунгузовъ преданія о нѣмомъ торгѣ съ какимъ-то народомъ, жившимъ въ землянкахъ и занимавшимся обжиганіемъ руды, смѣшались впослѣдствіи съ повѣрьемъ о подземныхъ обитателяхъ холоднаго, загробнаго міра, и въ такомъ видѣ дошли до Русскихъ, у которыхъ и сталъ распространяться миѳъ о дикихъ людяхъ чюлюгдеяхъ, живущихъ въ ямахъ.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на языкъ разсмотрѣнной нами статьи, представляющій несомнѣнные слѣды архаизма и придающій произведенію Новгородскаго писателя-торговца своеобразный отпечатокъ отдаленной старины.

118
18

2007050461